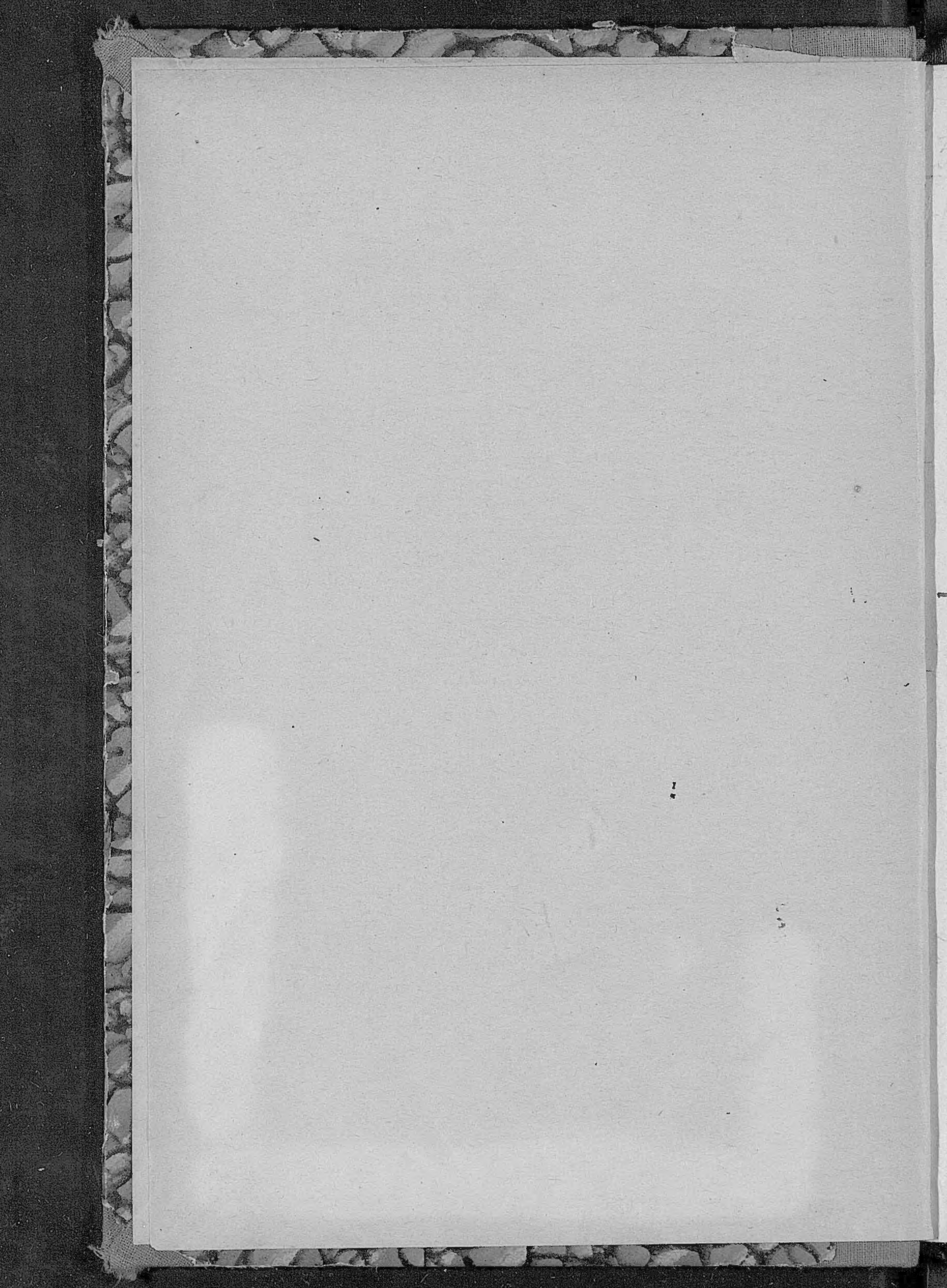
Н. А. РУБАКИНЪ.

О СБЕРЕЖЕНІИ СИЛЪ И ВРЕМЕНИ ВЪ ДѢЛѢ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Краткій отчетъ объ одномъ опытѣ практическаго содѣйствія всѣмъ стремящимся къ самообразованію примѣнительно къ ихъ личнымъ особенностямъ, а также къ условіямъ ихъ жизни.

Докладъ, читанный на Первомъ женскомъ съѣздѣ по женскому образованію въ С.-Петербургѣ 3 января 1913 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб., 7-я рота, 26.
1914.

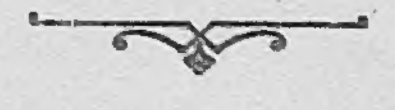

Н. А. РУБАКИНЪ.

О СБЕРЕЖЕНІИ СИЛЪ И ВРЕМЕНИ ВЪ ДѢЛѢ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Краткій отчетъ объ одномъ опытѣ практическаго содѣйствія всѣмъ стремящимся къ самообразованію примѣнительно къ ихъ личнымъ особенностямъ, а также къ условіямъ ихъ жизни.

Докладъ, читанный на Первомъ женскомъ съѣздѣ по женскому образованію въ С.-Петербургѣ 3 января 1913 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб., 7-я рота, 26.
1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Авторъ этой брошюры уже много лѣтъ работаетъ надъ изученіемъ читательства, понимая подъ этимъ словомъ крайне сложное психическое и соціальное явленіе, — взаимодѣйствіе книги и читателя, т. е. не только самый процессъ чтенія, но и вліяніе на этотъ послѣдній той среды и того момента, гдѣ и когда оно происходитъ. Книга вліяетъ на читателя. Но и отъ личности читателя зависитъ пониманіе книги и то, что она даетъ и можетъ дать, — тотъ слѣдъ, который данная книга можетъ оставить по себѣ въ жизни. Въ своемъ докладѣ, читанномъ на съѣздѣ по женскому образованію въ С.-Петербургѣ въ январѣ 1913 г., авторъ ставитъ очень скромную задачу: — дать краткій предварительный отчетъ о своихъ работахъ въ данной области и бѣглый набросокъ нѣкоторыхъ общихъ идей, положенныхъ въ основу этихъ работъ, — познакомить читателя какъ съ принципами ихъ, такъ и ихъ системой, и, наконецъ, съ попыткой практическаго приложенія этихъ принциповъ, каковая была начата авторомъ въ 1911—13 гг. и до сихъ поръ продолжается. Задача, которую поставилъ себѣ авторъ, сводится, въ конечномъ итогѣ, къ распространенію знаній, умѣнья мыслить и бодраго, дѣятельнаго и гуманнаго настроенія въ возможно широкихъ кругахъ народа. Жизнь натолкнула автора на изученіе какъ книгъ, такъ и читателей, и на практическую работу въ области популяризаціи, редактированія и распространенія книгъ. На почвѣ практики создалась теорія, которая, въ свою очередь, заставила сдѣлать попытку осуществить ее опять-таки на практикѣ. Отнюдь не рѣшаясь выдавать эту теорію

за нѣчто новое (пусть судятъ объ этомъ другіе), авторъ въ своемъ докладѣ намѣренъ разсказать объ этой попыткѣ примѣнить ее и осуществить въ тѣхъ размѣрахъ, какіе по силамъ одному человѣку. Одна изъ цѣлей доклада — призывъ къ общественнымъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ, которыя могли бы осуществить это въ тѣхъ размѣрахъ, какіе именно и соотвѣтствуютъ одной изъ назрѣвшихъ потребностей современной русской жизни.

Авторъ вполнѣ сознаетъ многочисленные недостатки своихъ работъ. Ихъ приходилось исполнять спѣшно и въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ. Кромѣ того, многіе вопросы, поставленные предъ авторомъ самою жизнью, еще находятся въ стадіи разработки и ждутъ дальнѣйшаго изслѣдованія и болѣе точной формулировки. Поэтому на всѣ безъ исключенія свои работы, уже появившіяся въ свѣтъ, авторъ смотритъ лишь какъ на подготовительныя и предварительныя.

Это лишь *начало начала.* Что касается до продолженія, то оно ожидаетъ еще работниковъ.

Найдутся ли они?

Разумѣется, найдутся. Та сила, которая именуется силой жизни, — точнѣе говоря, — интересы широкихъ трудящихся массъ и сила ихъ «здраваго смысла», т. е. сознаніе своихъ насущнѣйшихъ интересовъ — лучшая порука этому.

Н. Рубакинъ.

Suisse. Clarens. Maison Lambert.
(Швейцарія, гор. Кларанъ, д. Ламберъ).

Сбереженіе силъ и времени въ дѣлѣ самообразованія.

(Докладъ-отчетъ, читанный на первомъ съѣздѣ по женскому образованію 3 января 1913 года).

Милостивые Государи и Милостивыя Государыни!

Въ этомъ моемъ докладѣ я намѣренъ говорить о методѣ самообразованія. Но не того самообразованія, которымъ занимается нерѣдко, ради дальнѣйшаго самоусовершенствованія, и безъ того болѣе или менѣе образованный человѣкъ, и которое происходитъ въ уютной и книжной обстановкѣ. Я буду говорить о той непомѣрно-тяжелой самообразовательной работѣ, которая ведется подъ шумъ и громыханье вѣчно куда-то торопящихся машинъ, подъ лязганье скользящихъ ремней, подъ звонъ и стукъ станковъ, какъ бы олицетворяющихъ собой весь укладъ современной жизни; я буду говорить о самообразованіи въ душной и тѣсной мастерской ремесленника и еще болѣе душной и полутемной избѣ крестьянина, о самообразованіи конторщика, чиновника, торговаго служащаго, стучащаго счетами и скрипящаго перомъ чуть не съ утра до ночи, — о самообразованіи подъ гнетомъ и въ тискахъ жизни, — подъ тѣмъ гнетомъ и въ тѣхъ тискахъ, отъ которыхъ тяжелѣе всего приходится именно русскимъ женщинамъ, а изъ ихъ числа прежде всего — женщинамъ трудящихся классовъ. Самообразовательная работа, идущая въ нѣдрахъ этихъ общественныхъ классовъ, — вовсе

не похожа на ту, которая идетъ въ нашей средѣ, сравнительно свѣтлой, сравнительно сытой, сравнительно добившейся кой-чего. Самообразованіе, надъ которымъ въ настоящее время работаютъ несомнѣнно милліоны людей, стоящихъ на нижнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, при его сходствѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отличается очень многимъ отъ самообразованія культурныхъ общественныхъ классовъ. Оно далеко не то по всему своему характеру, — какъ по содержанію понятій, выяснить себѣ которыя стремятся люди, такъ и по своему объему, размаху и обхвату, и по методу, и по напряженности, да, разумѣется, и по результатамъ и цѣлямъ. Тамъ, глубоко внизу, люди, работающіе надъ самообразованіемъ, имѣютъ въ виду не *пополненіе* элементарныхъ знаній, а *пріобрѣтеніе* ихъ. И пріобрѣтеніе во что бы то ни стало и вопреки не столько естественнымъ, географическимъ, сколько искусственнымъ преградамъ, планомѣрно воздвигаемымъ у нихъ на пути. Тамъ, внизу, не выбираютъ книгъ для чтенія, тамъ читаютъ все, что подъ руку попадетъ, а вычитываютъ изъ книги, нерѣдко, какъ разъ прямо противоположное тому, что силится доказать авторъ, но зато вычитываютъ, а главное, продумываютъ какъ разъ то самое, чего и требуетъ ихъ читательская жизнь, и, такимъ-то способомъ, иной разъ путемъ мышленія «по контрасту», и строятъ свое собственное міросозерцаніе. Все это мы ужъ имѣли случай иллюстрировать фактами, непосредственно взятыми изъ жизни, въ нашихъ другихъ работахъ *). Тамъ, внизу, само-

---

*) См. „Этюды о русской читающей публикѣ“. Изд. О. Поповой. СПБ. 952. „Читатели, писатели-самоучки“. „Русск. Мысль“, 1898. г. „Чистая публика и интеллигенція изъ народа“. Изд. 2-е СПБ. 1906 г. „Среди борцовъ“. СПБ. 1907 г.

образовательная работа идетъ съ такими страданіями, лишеніями и все-таки напряженіемъ, какихъ мы съ вами и не испытывали никогда, да, быть можетъ, и испытать не въ силахъ. Тамъ, ссылками и тюремными заключеніями, а то и жизнью, — да, жизнью, — расплачиваются за *чтеніе* даже *дозволенныхъ цензурой* книгъ, — и то, что въ нашей средѣ считается не только всѣмъ доступнымъ, но и для всѣхъ обязательнымъ, тамъ, «на глубинѣ низовъ», оказывается доступнымъ лишь относительно выдающимся личностямъ, немногимъ счастливчикамъ, сумѣвшимъ встать выше тысячъ такихъ же, какъ они, въ сущности несчастливцевъ. Мы не будемъ говорить и о томъ, сколько живой силы, живого духа, вѣры въ правду и любви къ свѣту гасится, убивается, тратится тамъ внизу зря, безрезультатно, нелѣпо (это показано нами тоже въ другомъ мѣстѣ *)), и сколько справедливой, но совершенно ненужной, злобы накопляется въ маломальски справедливыхъ и свѣтлыхъ душахъ, если онѣ хоть немножко поняли, что не отъ Бога же все это явное и очевидное зло. И къ этой, гдѣ-то внизу идущей, работѣ и борьбѣ за свое право выйти на свѣтъ стоитъ присмотрѣться. Присмотрѣться къ ней и изучить ее необходимо, по крайней мѣрѣ для того, чтобы какъ слѣдуетъ устыдиться за свое ничегонедѣланіе и, во всякомъ случаѣ, малодѣланіе въ данномъ направленіи, и для того, чтобы ясно и опредѣленно рѣшить предъ лицомъ своей совѣсти, что и я, какой тамъ ни на есть, кое-чѣмъ да могу же быть полезнымъ хоть нѣкоторымъ, а то и многимъ людямъ въ смыслѣ удовлетворенія данной нужды. И рѣшить такъ можетъ и, думается намъ, долженъ

*) См. ст. „Битые читатели“ ж. „Начало“ 1899 г. № 4, „Читательская выучка“, ж. „Образованіе“ 1903 г

каждый мало-мальски образованный человѣкъ, который не можетъ же не сознавать, что неравномѣрное распредѣленіе знаній, — а также пониманія, развитія, и другихъ духовныхъ благъ, — не меньшее зло, чѣмъ неравномѣрное распредѣленіе правъ и благъ матеріальныхъ. Безспорно, распредѣленіе благъ духовныхъ является, въ большой степени, лишь результатомъ распредѣленія благъ двухъ другихъ категорій. Но можно ли отрицать, что оно, въ свою очередь, вліяетъ и на распредѣленіе этихъ послѣднихъ? И нужно ли доказывать то, что уже доказала исторія, — достаточно выяснившая непреоборимую силу точнаго знанія, критическаго мышленія, пониманія и бодраго, дѣятельнаго и гуманнаго настроенія въ творчествѣ не только деталей, но и самыхъ основъ общественнаго строя и вообще жизни? Повторяемъ, каждый мало-мальски образованный человѣкъ, у кого только есть этого знанія, пониманія и настроенія хоть немногимъ больше, чѣмъ у его сосѣда, уже можетъ принять участіе въ общей работѣ болѣе справедливаго перераспредѣленія благъ и, по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ, можетъ помогать ихъ наростанію, — и мы горячо и настойчиво зовемъ здѣсь присутствующихъ, и особенно русскую женщину, такъ много и плодотворно потрудившуюся въ области внѣшкольнаго образованія вообще, такъ же плодотворно потрудиться и *во имя развитія и лучшей постановки самообразованія въ широкихъ кругахъ трудящейся массы.* Мы желали бы показать этимъ нашимъ докладомъ, во 1-хъ, *что* можно и должно *сдѣлать,* во 2-хъ, *какъ* дѣлать. И показать это не путемъ разсужденій и убѣжденій, а путемъ *фактовъ,* — опираясь на сдѣланный уже опытъ и переводя такимъ образомъ и цѣли и задачи дѣла изъ области воздушныхъ замковъ

въ область окружающей жизни, на практическую почву. Этотъ нашъ докладъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и предварительнымъ отчетомъ о нашихъ, уже сдѣланныхъ работахъ въ области изученія читающей публики, и практической помощи всѣмъ стремящимся къ самообразованію, особенно же изъ наименѣе подготовленной среды.

§ 1. Постановка вопроса.

Итакъ, первый вопросъ, который стоитъ передъ нами, такой: какъ помочь дѣлу самообразованія въ средѣ трудящихся классовъ? Какъ извѣстно, самообразовательная работа — это работа болѣе или менѣе разлитая и, такъ сказать, внутриклѣточная, не поддающаяся никакому учету, да и никакой регламентаціи. Это работа, которую ведетъ каждый человѣкъ «самъ по себѣ», не только въ глубинѣ своей кельи, но и въ глубинѣ своей собственной души, и за свой страхъ и совѣсть. И если въ настоящее время этимъ дѣломъ занимаются милліоны русскихъ грамотныхъ людей, и мужчинъ, и женщинъ, и подростковъ, и стариковъ, и къ тому же не страшась ни препятствій, ни страданій, — это значитъ, что именно такую работу трудящаяся масса уже считаетъ необходимой, неизбѣжной, coûte que coûte. И вотъ, видя этотъ напоръ жизни и предъ лицомъ страданій, испытываемыхъ народной массой совершенно зря, нельзя не поставить прежде всего слѣдующаго вопроса: да нѣтъ ли такого способа, который сдѣлалъ бы хоть эту-то работу возможно болѣе, во 1-хъ, экономичной, а, значитъ, и болѣе доступной для массы, во 2-хъ, цѣлесообразной, въ 3-хъ плодотворной, и по крайней мѣрѣ хоть чѣмъ-нибудь помогъ бы и сбереженію силъ, и развитію ихъ въ опредѣленномъ на-

правленіи? Нѣтъ ли такихъ способовъ, которые бы уменьшили непроизводительную трату времени, силъ, а, значитъ, и средствъ, и прежде всего въ той средѣ, которая особенно бѣдна средствами и которая особенно нуждается въ сохраненіи и развитіи имѣющихся въ ней духовныхъ силъ? Таково первое требованіе или первый запросъ, который необходимо предъявить къ тому методу, какой долженъ бы быть выработанъ въ цѣляхъ содѣйствія самообразовательной работѣ въ самыхъ широкихъ кругахъ. Въ этой формулировкѣ сливаются вопросы и объ экономизаціи силъ, и о цѣлесообразности и плодотворности работы. Вопросъ объ экономизаціи силъ для данной среды имѣетъ особенно важное значеніе. Для многихъ людей это своего рода «быть или не быть?» Врядъ ли нужно доказывать, что вопросъ объ облегченіи самообразовательной работы въ народной толщѣ вовсе не новый вопросъ. Русской жизнью онъ поставленъ давнымъ давно. Но какимъ же способомъ онъ разрѣшался до сихъ поръ на практикѣ и что было до сихъ поръ сдѣлано въ данномъ направленіи для его практическаго рѣшенія? Не говоримъ «ничего не сдѣлано». Но все же мы имѣемъ право сказать: сдѣлано чрезвычайно немного. Когда у насъ говорятъ и пишутъ о самообразованіи, у насъ всегда имѣютъ въ виду верхи: то самихъ учащихъ (учителей и учительницъ), то гимназистовъ и вообще людей со среднимъ образованіемъ, а то и студентовъ, стремящихся присоединить къ наукамъ одного факультета еще науки и другихъ факультетовъ. Разумѣется, ужъ не намъ лично, какъ одному изъ учредителей Петербургской комиссіи, нынѣ издавшей уже 6 изданій «Программъ чтенія для самообразованія», отрицать несомнѣнную пользу и этихъ программъ.

Но я позволю себѣ все-таки поставить въ упрекъ работникамъ въ области широкаго и независимаго народнаго просвѣщенія то обстоятельство, что, говоря о самообразованіи и содѣйствуя ему, они слишкомъ уже забываютъ трудящіеся низы. Но еще не такъ важно то, что для этихъ низовъ не существуетъ никакихъ самообразовательныхъ программъ, если не считать списковъ народныхъ и дѣтскихъ книжекъ, — такихъ списковъ за десятилѣтіе 1902—1912 гг. появилось не мало; дѣло въ томъ, что только составлять да составлять списки рекомендуемыхъ книгъ для читающихъ низовъ — дѣло болѣе или менѣе праздное. Тотъ, кому эти списки адресуются, и не умѣетъ, и не можетъ самъ пользоваться ими. Названія даже и самыхъ лучшихъ изъ указанныхъ ему книгъ говорятъ ему еще очень мало. Добывать эти указываемыя книги ему или негдѣ, или невозможно по разнымъ причинамъ. Какъ извѣстно изъ газетъ, даже дозволенныя цензурой книги, а въ особенности газеты конфискуются въ почтовыхъ отдѣленіяхъ и волостныхъ правленіяхъ, т. е. въ правительственныхъ учрежденіяхъ, которыя, какъ ни какъ, должны бы умѣть отличать и сами беззаконное распоряженіе отъ закона. И вотъ для трудящихся классовъ оказывается, благодаря такимъ конфискаціямъ, ни къ чему и то, что дозволено цензурой. Кромѣ того, много ли можетъ значить для читателей изъ этихъ послѣднихъ классовъ такая программа чтенія, въ которой указаны «хорошія книги вообще», рекомендуемыя для «читателей вообще» хотя бы человѣкомъ весьма свѣдущимъ въ наукѣ? Такъ или иначе, фактъ на лицо: читатели, стоящіе на нижнихъ ступеняхъ лѣстницы, ведущей ихъ къ свѣту, *не только не умѣютъ, но и не могутъ пользоваться списками книгъ и самообразо-*

вательными программами. Методъ «программъ» и «списковъ», съ значительнымъ успѣхомъ практикуемый наверху, тамъ, въ глубинѣ, оказывается почти ни къ чему. Даже выдающіеся начетчики-самоучки Спб. и Московскими программами (въ томъ числѣ и упрощеннаго типа) пользуются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Вотъ что пишетъ намъ одинъ изъ такихъ начетчиковъ: «Хорошо вамъ тамъ, живущимъ среди книгъ, составлять для насъ всякія программы для чтенія. А у насъ въ глуши никакихъ книгъ нѣтъ, и не только тѣхъ, на которыя вы указываете. А вы то еще вводите въ программы разныя библіографическія рѣдкости. Гдѣ ихъ тутъ достанешь? Ну, положимъ, достали, ухитрились, — изъ музеевъ выписали на подержаніе. Хорошо вамъ тамъ рекомендовать ихъ. А мы-то и читать почти не умѣемъ. Слова въ книгѣ русскія, а что къ чему — неизвѣстно. А тутъ еще родитель или урядникъ подъ бокомъ: «что читаешь?» «Противъ кого книга написана: противъ Бога или противъ начальства? Ужъ навѣрно противъ кого-нибудь изъ нихъ обоихъ». И цапъ за волосы, — или вѣжливенько: «Пожалуйте-съ, тамъ разберутъ». Вотъ вамъ и ваши программы! А кромѣ того еще вотъ что скажу: люди и говорить-то съ народомъ не умѣютъ, а ему еще программы пишутъ». Все это сказано въ высшей степени правильно, и основная мысль этихъ словъ, излившихся изъ глубины сердца одного изъ изстрадавшихся людей, заключается вотъ въ чемъ: господа, — прежде, чѣмъ составлять программы, а также и писать народныя книжки, присмотритесь же вы хорошенько къ той средѣ, куда вы ихъ адресуете. Не полагайтесь же вы только на свой здравый смыслъ. Уже давнымъ давно извѣстно, что этого еще недостаточно, что

здравый смыслъ — нѣчто очень общее, неопредѣленное, обманчивое, если онъ не опирается на изученіе дѣйствительности. Для популяризаціи научныхъ знаній въ самой широкой народной средѣ нужны не разсужденія, хотя бы повидимому здравыя изъ здравыхъ, и даже не свой собственный опытъ, который, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, охватываетъ лишь очень узкій кругъ, очень узкую среду. Надо перенести дѣло на другую почву и поставить его такъ, какъ опредѣлилъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Левъ Толстой. Огромное большинство научно-популярныхъ книжекъ, предназначаемыхъ для народа, пишутся городскими педагогами, а педагоги, хотя и судящіе вполнѣ справедливо въ *предѣлахъ* своего опыта, все-таки ошибаются, когда судятъ о читателѣ изъ народа по извѣстнымъ имъ *школьникамъ*. Тоже и профессора, — составляя программы, они судятъ о широкихъ кругахъ читателей по студентамъ, т. е. по своему профессорскому опыту. Интересно присмотрѣться къ разнымъ указателямъ «хорошихъ книгъ для народа» и по нимъ изучить психологію... рецензентовъ и выяснить, напр., какъ господа педагоги, разбирая народныя книжки, пишутъ о нихъ отзывы, и при этомъ забраковываютъ такія книжки, которыя, съ болѣе широкой точки зрѣнія, много цѣннѣе многихъ другихъ, горячо рекомендуемыхъ ими книгъ. Такъ, одно Спб. учрежденіе пригвоздило къ позорному столбу многія книжки одного изъ нашихъ лучшихъ популяризаторовъ В. Лункевича, а рядомъ съ этимъ расхвалило цѣлый рядъ книжекъ во всѣхъ смыслахъ ничтожныхъ. Другой педагогическій кружокъ выступилъ противъ прекрасныхъ книжекъ Е. Н. Водовозовой и т. д. Всѣ эти факты, а они очень многочисленны, интересны потому, что ука-

зываютъ на такую сторону вопроса, нами поставленнаго, на которой рѣдко останавливается вниманіе гг. рецензентовъ и составителей рекомендательныхъ каталоговъ и программъ. Для того, чтобы составлять книжки и каталоги для трудящихся классовъ, для того, чтобы высказывать сужденія о книжкахъ, рекомендуемыхъ этимъ послѣднимъ, и писать программы для самообразовательнаго чтенія, *необходимо знать ту среду, для которой пишешь*, необходимо изучить ее и понять возможно объективнѣй, стараясь при этомъ, сколь возможно, освободиться отъ привычныхъ шоръ.

Эту сторону дѣла еще въ 60 гг. прекрасно выдвинулъ и даже подчеркнулъ ея значеніе Л. Толстой, затѣмъ харьковскій учительскій кружокъ Х. Д. Алчевской, хотя въ эту эпоху, къ сожалѣнію, и не было сдѣлано опредѣленныхъ выводовъ изъ богатѣйшихъ матеріаловъ, собранныхъ этимъ послѣднимъ кружкомъ, и онъ самъ не примѣнилъ совершенно правильныхъ идей къ самообразовательной практикѣ въ низахъ. Въ трудахъ этого кружка есть лишь намеки на тенденцію въ эту сторону, но и они какъ-то затушевались съ теченіемъ времени. Между тѣмъ, то старое и извѣстное, что мы выдвигаемъ здѣсь и подчеркиваемъ, имѣетъ громадное теоретическое и практическое значеніе, а этотъ принципъ, здѣсь формулированный, и мы лично практикуемъ уже болѣе 25 лѣтъ. Принципъ этотъ таковъ: *что̀* писать — это наше дѣло, потому что это вопросъ *общечеловѣческій*, но *какъ* писать, — это вопросъ той *среды*, для которой пишешь. *Какія* знанія распространять, это вопросъ общечеловѣческій, но *какъ* распространять, — этотъ вопросъ подлежитъ и психологическому, и соціологическому, и статистическому изслѣдованію и изученію.

§ Въ основу раціональной помощи самообразованію, въ цѣляхъ сбереженія времени и силъ, должно быть положено изученіе книгъ и читателей и ихъ соотношеній.

Мы говоримъ «изученіе», понимая подъ этимъ словомъ не только такое, которое опирается на обычную житейскую наблюдательность, практику, опытъ, а изученіе научное, т.-е. такое, которое ведется въ опредѣленной системѣ и по опредѣленному методу, удовлетворяющимъ опредѣленнымъ научнымъ требованіямъ. Читатель и читательство представляютъ изъ себя своеобразное, очень сложное явленіе, и прежде всего явленіе психической и соціальной жизни. Изучать же читателя и процессъ читательства, это значитъ — изучать тѣ условія, и внутреннія, и внѣшнія, которыя создали и создаютъ данное явленіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы его наблюдаемъ. Самообразовательная работа, захватывающая всего человѣка, всѣ стороны его души, и жизни, и дѣятельности, хотя и гораздо шире, чѣмъ процессъ читательства, но въ очень значительной степени, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ искусственно создаются помѣхи для распространенія просвѣщенія въ широкихъ кругахъ, она сводится все-таки къ чтенію. Поэтому говорить о сбереженіи силъ, времени и средствъ въ области самообразованія, это значитъ, въ той же степени, говорить о сбереженіи ихъ въ области читательства. Практическія указанія въ этомъ направленіи должны явиться естественнымъ и неизбѣжнымъ выводомъ изъ изученія даннаго явленія. Но что же именно и какъ изучать, и что предпринять, на какой постановкѣ дѣла возможно раціональнаго и широкаго содѣйствія самообразовательной работѣ остановиться? На эти во-

просы мы и постараемся здѣсь кратко отвѣтить, резюмируя въ немногихъ словахъ то, что детально разрабатывается нами въ другомъ мѣстѣ.

Передъ нами такая задача: изучить процессъ чтенія и вліяніе книги на читателя. Изученіе этого предмета предполагаетъ, во 1), изученіе *читателя*, т.-е. изученіе человѣка въ тѣхъ его свойствахъ, которыя онъ не можетъ не проявлять, становясь читателемъ. Разумѣется, въ процессѣ чтенія человѣкъ проявляетъ очень многія изъ своихъ свойствъ, хотя, конечно, далеко не всѣ. Нѣкоторыя свойства проявляются при этомъ особенно отчетливо и напряженно. Поэтому изученіе человѣка, какъ читателя, въ конечномъ итогѣ, сводится прежде всего къ изученію такихъ именно свойствъ, т.-е. особенно рѣзко проявляющихся въ процессѣ читательства. Въ данномъ случаѣ, такое изученіе человѣка, какъ читателя, въ смыслѣ опредѣленности, имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ изученіе его психики съ разныхъ другихъ сторонъ, и *психологія читательства можетъ, а по нашему мнѣнію и должна, сдѣлаться особой отраслью психологіи*, подобно тому, какъ ими уже сдѣлались, напр., психологія криминальная или уголовная, изучающая человѣка какъ преступника, психологія педагогическая, изучающая человѣка, какъ предметъ воспитанія, и т. д. Должна быть создана и психологія библіологическая, —психологія книжнаго вліянія, изучающая человѣка, какъ читателя, процессъ чтенія, вліяніе книги и отвѣчающая на очень опредѣленный и важный вопросъ, имѣющій практическое и теоретическое значеніе не только для библіотекарей, но и для всѣхъ тѣхъ, кому приходится распространять знаніе, пониманіе, настроеніе при помощи книгъ. Какая книга на какого чи-

тателя при какихъ условіяхъ какъ дѣйствуетъ? Или, иначе говоря, — какіе типы книгъ на читателей какихъ типовъ какъ дѣйствуютъ въ какое время и въ какой обстановкѣ? Вотъ вопросъ, — чрезвычайно сложный, но все-таки научно разрѣшимый, — вопросъ психологіи и соціологіи. Что же нужно сдѣлать, чтобы отвѣтить на него? Необходимо, во 1), изучить типы книгъ; во 2), изучить читателя, типы читателей; въ 3), изучить процессъ чтенія, какъ психическое явленіе; въ 4), изучить соотношеніе читательскихъ типовъ съ типами книгъ. По всѣмъ этимъ пунктамъ изученія читательства кое-что, и даже не мало, уже сдѣлано, — и психологами, и соціологами, и педагогами, и историками, и физіологами, и библіографами. Уже накопились цѣлыя груды чрезвычайно пестрыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для такого изученія. Въ такихъ матеріалахъ нужно лишь разобраться, систематизировать ихъ, классифицировать факты, сдѣлать, опираясь на нихъ, возможно точныя и прочныя обобщенія наблюденій, а эти обобщенія провѣрить практикой, слѣдуя общимъ и основнымъ правиламъ научной индукціи и дедукціи.

§ 3. Изученіе книгъ. Психологія книги, — ея языка, стиля, плана. Типы книгъ. Ихъ классификація, психологическая и соціологическая.

Итакъ, прежде всего передъ нами — *изученіе книгъ*. Но не изученіе ихъ по ихъ содержанію, а по ихъ формѣ, языку, стилю, плану и логикѣ, и, главное, по ихъ психикѣ и, если можно такъ выразиться, по соціальному типу ихъ. «Въ каждомъ произведеніи, что касается его внѣшности, говоритъ Геннекенъ, есть свой

словарь, свой синтаксисъ, своя реторика, свой тонъ и композиція, и т. д. Изученіе этихъ различныхъ сторонъ (этихъ средствъ воздѣйствія данной книги на читателя), начиная съ самыхъ простыхъ и кончая наиболѣе сложными, не можетъ не повести къ важнымъ заключеніямъ и въ смыслѣ экономики самообразованія. «Что касается прежде всего словаря, то онъ для каждаго даннаго писателя характеризуется преобладаніемъ выраженій и словъ какого-нибудь одного опредѣленнаго сорта, которыя, по свойству вызванныхъ ими непосредственно или ассоціированныхъ ими образовъ, по тому, даже прямому ощущенію, которое они сообщаютъ, и т. д. могутъ быть отнесены въ различныя категоріи (абстрактныхъ, конкретныхъ, цвѣтистыхъ, причудливыхъ, благозвучныхъ, и т. д.). Синтаксисъ писателя можетъ обнаруживать строгую правильность или небрежность, соединенную съ своего рода прелестью. Авторъ можетъ держаться постоянно или обыкновеннаго расположенія словъ, или же употреблять рѣдкіе и своеобразные обороты. Онъ можетъ выражать свои мысли или единственно при помощи точныхъ и правильныхъ терминовъ, или обратно. А отъ словаря писателя, отъ синтаксиса и реторики его зависитъ одно изъ вѣрныхъ и могущественныхъ средствъ воздѣйствія, — *тонъ рѣчи*, который можетъ быть меланхолическимъ, угрюмымъ, ораторскимъ, сдержаннымъ, сухимъ, ироническимъ, полемическимъ и т. д. Но и на этомъ изученіе книги еще не кончается. За изученіемъ построенія фразъ слѣдуетъ изученіе композиціи всего произведенія, поднимаясь отъ композиціи отдѣльныхъ главъ къ композиціи цѣлаго. Воздѣйствіе произведенія на читателя зависитъ и отъ способа расположенія его частей, отъ естественной послѣдователь-

ности изложенія, отъ искуснаго употребленія фигуръ распространенія и умолчанія, отъ общаго хода изложенія, — ровнаго, ускореннаго, медленнаго, перемѣннаго и т. д.».

Позволяемъ себѣ думать, что каждая книга — это своего рода библіологическій индивидъ, личность, подобно тому, какъ кристаллъ считается въ химіи индивидомъ неорганическимъ, всякій организмъ — индивидомъ біологическимъ. Всякій индивидъ ничто иное, какъ частный случай, частная комбинація матеріи и силы. То же можно сказать и о книгѣ. У каждой имѣется своя матеріальная и идеальная стороны. Каждая черпаетъ свою матерію и силу изъ общаго всѣмъ источника, — жизни и психики, — и по своему комбинируетъ ихъ, индивидуализируетъ изложеніе. Чтобы изучить книгу съ этой точки зрѣнія, необходимо мысленно разложить ее на элементы, на элементы этихъ элементовъ и т. д., до отдѣльныхъ словъ включительно, и, наконецъ, вникнуть въ самую суть этого конечнаго элемента каждой книги, — *слова*, затѣмъ разложить и его на его элементы въ свою очередь, т. е. на звуки и мысли или вообще переживанія, и на ихъ дѣйствіе и воздѣйствіе, какъ другъ на друга, такъ и на психику живого человѣческаго существа, ихъ воспринимающаго. Экономизація времени, силъ и средствъ въ дѣлѣ самообразованія имѣетъ свои корни именно въ этой области библіологическаго изученія. Именно здѣсь рѣшается вопросъ о человѣческомъ взаимопониманіи, а значитъ, и усваиваніи именно того, что приходитъ въ нашу душу отъ другихъ людей или отъ ими написанныхъ книгъ, въ видѣ слова.

Скажемъ прежде всего о пониманіи написанныхъ или сказанныхъ словъ. Одно и то же слово сплошь

и рядомъ понимается разными людьми различно. Одно и то же слово возбуждаетъ въ разныхъ людяхъ разныя представленія, мнѣнія, эмоціи, стремленія и т. д. Какія же именно и какъ, и почему? Отвѣтъ на эти вопросы даетъ психологія человѣческаго языка, и труды Потебни, Лацаруса, Рибо, Вундта и т. д. въ дѣлѣ изученія этихъ сторонъ читателя и самообразовательной работы представляютъ несомнѣнно очень большой интересъ. Говоря то или иное слово, мы обыкновенно совершенно забываемъ, что въ чужихъ ушахъ оно звучитъ не такъ, какъ въ нашихъ, а въ чужой душѣ возбуждаетъ не совсѣмъ тѣ представленія, какъ въ нашей. Какъ извѣстно, каждая мѣстность имѣетъ хоть какія-нибудь особенности въ языкѣ, которымъ говоритъ ея населеніе: всегда налицо то особыя выраженія, то особыя значенія, которыя здѣсь придаются словамъ, хотя и встрѣчающимся и въ другихъ мѣстностяхъ. Языкъ всякаго большого народа естественно раздѣляется съ ходомъ времени на нарѣчія и говоры, и изученіе развитія языка показываетъ, что постоянно происходятъ во всѣхъ живыхъ человѣческихъ языкахъ перемѣны, — мѣняются и звуки словъ, и выраженія, этимологія и синтаксисъ; рядъ безконечно разнообразныхъ и тонкихъ перемѣнъ происходитъ и въ оттѣнкахъ мысли, связанной съ даннымъ звукомъ — словомъ. Все это въ совокупности и есть то, что принято называть жизнью языка. Но эта жизнь идетъ не только въ разныхъ мѣстностяхъ. Она идетъ и въ разныхъ общественныхъ группахъ. И тамъ, и тутъ болѣе или менѣе по разному. Языкъ распадается на нарѣчія и говоры не только, такъ сказать, горизонтально, — по географической картѣ. То же самое явленіе происходитъ и вертикально, — въ разныхъ

этажахъ современнаго соціальнаго строя. Своего рода говоры и нарѣчія существуютъ въ разныхъ общественныхъ классахъ, сословіяхъ, профессіяхъ, возрастахъ. Разумѣется, во всѣхъ этихъ говорахъ и нарѣчіяхъ, на какіе раздѣляется данный языкъ какъ въ горизонтальномъ, такъ и въ вертикальномъ направленіи, много общаго. Но не будемъ закрывать глаза на несомнѣнный фактъ громаднаго значенія, — книги для народа и для образованныхъ классовъ пишутся на двухъ разныхъ языкахъ *). Различія въ томъ и другомъ случаѣ очень значительны. И здѣсь, и тамъ, напр., одни и тѣ же слова, т. е. звуки, имѣютъ неодинаковое значеніе. Напр., въ нашихъ ушахъ слово «тѣло» и «явленіе» и т. п. значатъ вовсе не то, что они значатъ для начинающаго деревенскаго читателя; неодинакова и связь (ассоцированіе) понятій, представленій, образовъ и эмоцій, а также и сила доказательности, и способы доказательствъ и т. д., и т. д. На эту психологическую сторону языка, а, значитъ, и на особенности его, дѣйствующія на одного читателя такъ, на другого иначе, обратили вниманіе съ очень различныхъ сторонъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ изслѣдователей, каковы, напр., Э. Геннекенъ, Потебня, Роменсъ, Рибо, Тардъ, Ж. Ренаръ и др. Психологія языка, — психологія слова, а также и стиля, — это цѣлая область, въ высшей степени интересная и во многихъ отношеніяхъ новая. Если прибавить къ этому, т. е. къ разницѣ психологіи словъ, еще терминологію и степень читательской подготовки, то можно

*) См. превосходныя работы С. Ан-скаго: „Очерки народной литературы“, Спб. 92 г., и „Народъ и книга“, Спб. 1913 г. Авторъ — тонкій наблюдатель и знатокъ читательства въ народной средѣ.

себѣ представить, до какой степени непроизводительно для народа затрачиваются обыкновенно силы авторовъ, педагоговъ и ученыхъ профессоровъ, пишущихъ для той среды, которая неизвѣстна имъ, не говоря уже о силахъ самихъ читателей, — читающей массы. Читатели, представители этой среды, дѣйствительно ломаютъ головы и потѣютъ надъ нашими книгами и программами. И не для смѣху они говорятъ, что наши книги, «книги, написанныя для образованныхъ», кажутся имъ «вродѣ какъ изъ разныхъ словъ составленными», что «ихъ читаешь словно чрезъ кисею», что «не знаешь, что̀ къ чему», что «якъ пі одному слову, тай идэ, — а якъ зразу — не бере». Это, господа, не смѣшно. Это трагично. Съ этимъ писательскимъ и руководительскимъ невѣжествомъ надо бороться, начиная съ акта созданія книги, и первый шагъ, который нужно сдѣлать въ цѣляхъ возможно практической постановки всей экономизаціи самообразовательной работы, заключается въ томъ, что, присматриваясь къ языку и стилю книгъ, прежде всего необходимо принять въ расчетъ особенности ихъ психологіи съ точки зрѣнія той среды, которой хочешь помогать и куда посылается данная книга.

«Что такое слово?», спрашиваетъ акад. Д. Овсянико-Куликовскій и на этотъ вопросъ даетъ такой отвѣтъ. «Слово есть сложный психическій *процессъ*, принадлежащій къ тому отдѣлу психики, который называется *мыслью*, и сводящійся къ извѣстнымъ процессамъ ассоціаціи и апперцепціи». «Ассоціируется или связывается, при произношеніи каждой фразы, каждаго слова, цѣлый рядъ внутреннихъ, интимныхъ, отчасти сознательныхъ, а отчасти безсознательныхъ переживаній, — такъ, напримѣръ, ощущеніе и представленіе такой-то

мускульной работы нашихъ губъ и языка, и вообще членораздѣльныя (артикуляціонныя) движенія нашихъ органовъ рѣчи съ ощущеніями и представленіями такихъ-то звуковъ. Артикуляціонно-звуковыя переживанія соединяются (ассоціируются) въ свою очередь «съ умственными актами, извѣстными подъ именемъ представленій и понятій». Разсматриваемый процессъ подчиняется законамъ памяти, т. е. законамъ сохраненія пріобрѣтенныхъ ассоціацій въ сферѣ безсознательной и ихъ постояннаго перехода въ сознаніе. Но и этимъ дѣло не ограничивается. Для осуществленія (переживанія) нами каждаго произносимаго или вычитываемаго слова необходима наличность въ нашей мысли нѣкоторыхъ уже готовыхъ категорій, по которымъ и различаются и классифицируются представленія, причемъ одни изъ нихъ подводятся, напр., подъ категорію вещи, другіе — подъ категорію качества, третьи — дѣйствія, и т. д. Иначе говоря, сложная ассоціація, состоящая изъ артикуляціи звука и представленія или понятія, подвергается особой психической переработкѣ, дающей ей опредѣленное мѣсто въ наличномъ инвентарѣ нашего умственнаго достоянія. Психологическій характеръ этой переработки достаточно ясенъ: онъ сводится къ подведенію болѣе частнаго (напр., такого-то представленія и понятія) подъ болѣе общее (подъ категорію)». Такое подведеніе и называется апперцепціей. «Въ нашей психикѣ, говоритъ далѣе ак. Овсянико-Куликовскій, весьма много всевозможныхъ процессовъ, подводимыхъ подъ общія понятія ассоціаціи и апперцепціи. Необходимо точнѣе опредѣлить характеръ тѣхъ изъ нихъ, которые образуютъ слово», принимая во вниманіе и индивидуальные, и соціальные оттѣнки, съ этими процессами всегда связанные.

Чтобы это сдѣлать, нужно сперва стать на слѣдующую точку зрѣнія, которая въ современной психологіи играетъ весьма важную роль: все психическое должно быть понимаемо не какъ *состояніе,* а какъ *дѣйствіе.* Психика активна, а не пассивна. Жизнь духа есть психическій трудъ: это — *работа мысли, чувства* и *воли».* Въ процессѣ рѣчи и чтенія принимаютъ участіе и мысль, и чувство, и воля. «Оставляя въ сторонѣ чувство и волю и имѣя въ виду только мысль, мы скажемъ, что психическая работа мысли ярко отмѣчена слѣдующимъ важнымъ признакомъ: она работаетъ двояко: 1. *Тратя силу* и 2. *Сберегая силу.* Есть такіе процессы мысли, которые, работая, тратятъ извѣстный запасъ психической силы, и есть другіе, которые, не переставая работать, напротивъ, не тратятъ, а сберегаютъ и накопляютъ силу; найдутся, наконецъ, и такіе, которые одновременно и тратятъ, и сберегаютъ. Какіе же процессы мысли должны быть признаны по преимуществу сберегающими силу? Это прежде всего тѣ, которые протекаютъ въ сферѣ безсознательной». Какъ извѣстно, наше сознаніе обнимаетъ собою лишь ничтожно-малую часть того, что происходитъ въ каждый моментъ въ нашей психикѣ: то, что наше сознаніе мыслитъ, слышитъ, видитъ, вспоминаетъ, чувствуетъ въ данный моментъ, есть лишь ничтожная часть тѣхъ мыслей, ощущеній, чувствъ и всякихъ другихъ переживаній, которыя лежатъ гдѣ-то въ глубинѣ, за порогомъ нашего сознанія, и тѣмъ не менѣе существуютъ и вліяютъ на все наше существованіе, на наши мысли, эмоціи, дѣйствія, на всю нашу жизнь, внутреннюю и внѣшнюю. Каждый человѣкъ — по меньшей мѣрѣ двухъ-этажный человѣкъ, такъ какъ психика двухъ-этажна и раздѣляется на этажъ созна-

нія и этажъ подъ-сознанія. «Взглядъ на подъ-сознательную, или, какъ ее называютъ, безсознательную сферу, какъ на огромнѣйшую арену сбереженія и накопленія умственной силы, принадлежитъ къ числу плодотворнѣйшихъ воззрѣній современной психологіи». За порогомъ нашего сознанія постоянно идетъ по своему напряженная работа. Тамъ складывается то, что мы получаемъ изъ внѣшняго міра при помощи органовъ чувствъ; тамъ ассоціируются ощущенія, представленія, идеи, эмоціи, стремленія; тамъ строятся независимо отъ нашей воли умозаключенія и разсужденія. «Тамъ же осуществляются въ большихъ умахъ сложныя интуиціи (догадки, вродѣ какъ прозрѣнія) — научныя, философскія и художественныя»; словомъ, происходитъ работа, къ тому же такая, которая, будь она малой или большой, обыденной или творческой, осуществляется *самопроизвольно*, можно сказать, *автоматически*, не приковывая нашего вниманія». Что же намъ даетъ эта безсознательно совершаемая нами внутренняя работа? Прежде всего она даетъ сбереженіе силы и никоимъ образомъ не трату ея. «Симптомомъ и мѣриломъ траты, говоритъ ак. Овсянико-Куликовскій, служитъ *вниманіе*, — психическій актъ, составляющій принадлежность сферы сознанія. Вниманіе есть работа мысли, сводящаяся къ удержанію въ сознаніи тѣхъ представленій, понятій и другихъ процессовъ мысли, которые совершаются въ нашемъ умѣ. Эта работа, какъ извѣстно, можетъ быть очень утомительной, степень же утомленія свидѣтельствуетъ о размѣрѣ траты. Количество работы *сознанія* опредѣляется напряженностью вниманія и степенью утомленія». Каждый мыслящій человѣкъ, каждый читатель знаетъ, надо полагать, по своему опыту, что значитъ утомленіе вниманія и ощущеніе

истощенія, за этимъ слѣдующее. Знаетъ и то, какихъ громадныхъ усилій требуетъ отъ читателя такая книга, которая заставляетъ читателя связывать съ ея терминами и другими словами новыя, непривычныя еще для него переживанія. Трата вниманія получается громадная, и не всякій читатель, въ своей обстановкѣ жизни, способенъ на такую трату. Но чѣмъ же опредѣляется количество (а также и качество) работы, совершающейся въ сферѣ безсознательной, въ которой вниманіе не имѣетъ для себя мѣста? Для опредѣленія этой работы въ этой послѣдней области нужно подыскать другое мѣрило. Таковымъ, по мнѣнію того же ученаго, слѣдуетъ признать тотъ вкладъ, который сфера безсознательная вноситъ въ сознаніе. Если этотъ вкладъ, говоритъ тотъ же авторъ, изобилуетъ апріорными категоріями и общими идеями, какъ формами мысли, силою которыхъ сразу объединяется, объясняется, упорядочивается матеріалъ, данный въ сознаніи, то работа безсознательной сферы должна быть признана весьма значительной и цѣнной; если же, напротивъ, этотъ вкладъ бѣденъ категоріями, скуденъ общими формами мысли, и сознаніе не получаетъ оттуда объединяющихъ, упорядочивающихъ нормъ, то работа безсознательной сферы должна быть признана незначительной, непроизводительной, — и ея цѣнность будетъ ничтожна. «Предлагаемое мнѣніе, не безъ основанія указываетъ Овсянико-Куликовскій, легко подводится подъ понятіе сбереженія и освобожденія силы. Работа мысли въ сферѣ безсознательной дѣйствительно сберегаетъ и накопляетъ умственную силу. Разумѣется, объ этой дѣятельности, протекающей въ глубинѣ нашей психики, мы можемъ судить только по тѣмъ результатамъ, которые про-

являются въ сознанiи. Разъ эти результаты проявились въ сознанiи, — это значитъ, что накопленная сила *освободилась* для новой дѣятельности, которая теперь переносится въ сознанiе. И съ этого момента мы можемъ уже судить о количествѣ и качествѣ освобожденной силы. Тутъ къ нашимъ услугамъ, говоритъ тотъ же ученый, — вышеуказанное мѣрило, основанное на симптомѣ *вниманiя*. Если освобожденная сила проявилась въ формѣ, напр., какого-нибудь общаго сужденiя, которое легко прилагается ко множеству фактовъ, быстро и хорошо объединяетъ ихъ и упорядочиваетъ, а само поглощаетъ очень мало вниманiя, дѣйствуя и тутъ, въ сознанiи, почти автоматически, то эта освобожденная сила должна быть признана значительной и цѣнной и свидѣтельствуетъ о таковой же значительности и цѣнности работы безсознательной» *).

Изъ предыдущаго въ достаточной степени видно, что вопросъ о сбереженiи силъ въ дѣлѣ самообразованiя, — очень глубокiй и основной вопросъ. Это не только вопросъ накопленiя *знанiй*, — это вопросъ объ экономiи мышленiя вообще, при употребленiи каждаго слова въ отдѣльности, и каждая мысль, выраженная словами, предполагаетъ свою экономiю. Съ этой точки и интересно взглянуть на любую книгу и предъявить ей такой вопросъ: ея форма, языкъ и стиль помогаютъ или мѣшаютъ сбереженiю силъ? Какой затраты вниманiя онѣ требуютъ отъ занимающагося? Насколько онѣ утилизируютъ его подъ-сознательную сферу? Чтобы отвѣтить на такiе вопросы, необходимо оцѣнивать книги съ точки зрѣ-

---

*) Д. Овсянико-Куликовскiй. „О значенiи научнаго языкознанiя для психологiи мысли“. Спб. „Вопросы теорiи и психологiи творчества“. Изд. 1-е Т. I. Стр. 6—8.

нія *психологіи ихъ языка*, психологіи ихъ формы, которая, въ сущности, и обусловливаетъ собою экономію чтенія, т. е. сбереженіе силъ въ процессѣ читательства. Если данная книга, взятая въ цѣляхъ самообразовательнаго чтенія, такова, что хорошо утилизируетъ подъ-сознательную область психики даннаго читателя, если эта книга, хотя и заставляя работать вниманіе, т. е. сознаніе, сама, своимъ качествомъ привлекаетъ и утилизируетъ его, не давая ему быстро и безплодно истощаться,—разумѣется, это не можетъ не отражаться весьма благотворно на сбереженіи его силъ въ цѣляхъ возможно совершеннаго, полнаго и быстраго пониманія и усвоенія того, что добыто умственнымъ трудомъ другихъ людей. Оцѣнивать же книгу съ точки зрѣнія психологіи ея формы—не совсѣмъ то, что обыкновенно продѣлываютъ г.г. рецензенты. Для нихъ психологія самой книги какъ бы не существуетъ. Они замѣняютъ ее своей собственной. Оставляя въ сторонѣ изслѣдованіе психологіи *книги*, они судятъ о каждой ея особенности по произведенному на нихъ этой книгой впечатлѣнію. Объективное научное изученіе замѣняется субъективнымъ и случайнымъ. Оцѣнщики не задумываются о томъ треніи, которое придется испытывать, читая эту книгу, читателямъ другихъ психическихъ и соціальныхъ типовъ. Они ихъ тоже не знаютъ и нерѣдко судятъ о нихъ, опираясь на что угодно, но только не на изученіе ихъ. Между тѣмъ каждая книга имѣетъ свою психологію, по той простой причинѣ, что въ ней отражаются (сознательно и безсознательно) всѣ особенности психологіи ея автора. У каждой книги имѣется свой складъ ума, проявляющійся въ ея планѣ и стилѣ, свой типъ памяти (типъ логическій или типъ фактическій), да-

лѣе, имѣется свой типъ эмоцій (книги съ настроеніемъ и безъ настроенія, книги скорби, книги гнѣва), наконецъ, свои типы стремленій *). Все, что отпечатывается въ человѣческомъ разговорѣ, отпечатывается въ той или иной степени и въ языкѣ книги. Психика языка книги можетъ или способствовать, или препятствовать усвоенію ея содержанія и измѣнять силу впечатлѣнія отъ ея чтенія.

То же самое продолжаетъ и ея стиль. Стиль, т. е. слогъ со всѣми его особенностями, также имѣетъ свою экономію, которая сводится къ тому, чтобы, какъ говоритъ Спенсеръ, «представить излагаемыя идеи такъ, чтобы онѣ могли быть поняты съ возможно меньшимъ умственнымъ усиліемъ». Осуждая сочиненія многословныя, сбивчивыя, туманныя, хваля одинъ слогъ за легкость, порицая другой за утомительность, мы, сознательно или нѣтъ, уже выдвигаемъ впередъ эту норму оцѣнки, — принципъ экономіи. «Смотря на языкъ, какъ на снарядъ символовъ для проведенія мысли, мы можемъ сказать, что, подобно механическому снаряду, — чѣмъ проще и лучше устроены его части, тѣмъ сильнѣе будутъ и дѣйствія, производимыя имъ. Въ обоихъ случаяхъ, сила, поглощенная машиною, будетъ отнята отъ результата. Читатель или слушатель въ данную минуту имѣетъ только извѣстную сумму умственныхъ способностей въ своемъ распоряженіи. Часть этихъ способностей онъ долженъ употребить на то, чтобы познать и объяснить себѣ представленные ему символы, другую часть — на то, чтобы распредѣлить и соединить внушенные ему образы, и только остатокъ

*) Объ этомъ болѣе подробно см. въ „Письмахъ къ читателямъ о самообразованіи". Гл. IX. Еще подробнѣе — въ „Этюдахъ по психологіи читательства".

онъ употребитъ на то, чтобы усвоить себѣ передаваемую *мысль*. Слѣдовательно, чѣмъ больше времени и вниманія требуется на то, чтобы воспринять и понять каждое предложеніе, тѣмъ меньше времени и вниманія остается для идеи, заключающейся въ предложеніи, и тѣмъ съ меньшей живостью идея эта будетъ понята. Справедливо говорятъ, что языкъ есть проводникъ мыслей. Повидимому, есть основаніе полагать, что во всѣхъ случаяхъ треніе и инерція проводника зависитъ отъ его устройства. Въ сочиненіи, если не главное, то единственное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы *довести это треніе и эту инерцію до возможно меньшей степени*». И Спенсеръ ставитъ слѣдующій, съ нашей точки зрѣнія крайне важный, вопросъ: «не въ сбереженіи ли вниманія читателя заключается тайна эффекта, производимаго той или иной книгой, какъ относительно правильнаго выбора и сочетанія словъ, такъ и наилучшаго распредѣленія членовъ фразы, порядка размѣщенія главныхъ и второстепенныхъ предложеній, разумнаго употребленія уподобленій, метафоръ и другихъ фигуръ рѣчи и даже относительно ритмической послѣдовательности словъ*).

Отвѣтъ получается утвердительный.

И правда, что такое слогъ? Выражаясь языкомъ математики, — слогъ — это функція авторской психики**).

То же можно сказать и о формахъ художественныхъ, да и всякихъ другихъ, произведеній. Еще такъ недавно на форму литературнаго произве-

---

*) Г. Спенсеръ. Философія стиля. Опыты. (Собр. сочин. Г. Спенсера. Пер. подъ ред. Н. Рубакина).

**) Ср. G. Renard. „La méthode scientifique de l'histoire litéraire". II ч.

денія смотрѣли какъ на нѣчто вполнѣ условное, а на теорію словесности — какъ на собраніе условныхъ правилъ и догматовъ. Во что же превращается въ настоящее время теорія словесности? Въ психологію творчества, въ психологію литературныхъ формъ (и ея исторію). Каждая такая форма имѣетъ свою психологію, общій тонъ котораго не разрушаетъ и индивидуальность автора. Психологія же литературныхъ произведеній въ свою очередь подчиняется принципу экономіи силъ. «Какова бы ни была форма произведенія и какого бы рода ни была передаваемая имъ мысль (или настроеніе), ключемъ къ успѣху является ничто иное, какъ искусный подборъ частностей, заставляющихъ подразумѣвать остальное. Въ выборѣ сложныхъ идей, равно какъ и въ выборѣ выраженій, должно имѣть одну цѣль: передать наибольшее количество мыслей въ наименьшемъ количествѣ словъ». Это и есть принципъ экономіи, экономіи какъ въ изложеніи, такъ и въ чтеніи. Въ высшей степени интересно обсудить всѣ роды литературы и книги съ этой точки зрѣнія. Интересную попытку такого обсужденія и дѣлаетъ Г. Спенсеръ въ вышеуказанной своей статьѣ. Отнестись съ такой точки зрѣнія къ книгѣ, — это значитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, проводить принципъ сбереженія силъ и въ дѣлѣ самообразовательной работы. «При усиленномъ и разнообразномъ чтеніи, говоритъ Геннекенъ *), ознакомившись со всемірной литературою, ея изслѣдователь можетъ уяснить себѣ общій типъ произведеній извѣстнаго рода, — даже романа (т. е. художественныхъ). Сравнивая и припоминая, онъ можетъ различить въ произведеніи, которое изучаетъ, характерные, ори-

*) Опытъ построенія научной критики. Стр. 16 и др.

гинальные элементы. Путемъ методическаго чтенія онъ доходитъ до формулировки, до классификаціи своихъ положеній. Онъ опредѣляетъ число, природу и напряженность эмоцій (и другихъ психическихъ переживаній, добавимъ мы), вызванныхъ чтеніемъ, и классифицируетъ ихъ при помощи научныхъ пріемовъ, подобно тому, какъ естествоиспытатель классифицируетъ другіе факты, и какъ Тэнъ предлагаетъ классифицировать и произведенія искусства *). Геннекенъ стремится показать, что всякая книга, даже столь сложные библіологическіе индивидуумы, какъ произведенія художественныя, можетъ быть изучаема, какъ возбудительница не только идей, но и эмоцій, какъ орудіе именно ихъ возбужденія и передачи, какъ средство воздѣйствія на сознательную и подсознательную сферу. «Нѣтъ такого произведенія, справедливо говоритъ авторъ, изученіе котораго не дало бы возможности ясно намѣтить три или четыре наиболѣе важныхъ эмоціи, вызванныхъ имъ. Произведенія Э. Поэ направлены главнымъ образомъ къ возбужденію любопытства и ужаса; произведенія Зола вызываютъ чувство напряженной воли, симпатіи и пессимизма и т. д. Напряженность этихъ эмоцій можетъ быть выражена съ достаточно удобнымъ приближеніемъ. Около намѣченныхъ пунктовъ можно сгруппировать менѣе рельефныя, второстепенныя черты, дополняющія картину, и возстановить во всей полнотѣ серію душевныхъ движеній, вызываемыхъ книгою». «Когда же все это сдѣлано, нужно выяснить тѣ элементы произведенія, *благодаря которымъ* вызываются извѣстныя эмоціи (и другія переживанія). Затѣмъ остается выяснить средства, помощью ко-

---

*) Тэнъ. Чтенія объ искусствѣ. Ч. I.

торыхъ достигается извѣстный эффектъ, производимый книгою. Въ этихъ же изысканіяхъ, справедливо говоритъ Геннекенъ далѣе, возможна научная точность, такъ какъ они касаются композиціи, стиля, техники, всего того, что входитъ въ компетенцію установившихся наукъ. Всякое литературное произведеніе слагается изъ суммъ внѣшнихъ художественныхъ средствъ, одинаковыхъ для всѣхъ родовъ литературы и употребляемыхъ всѣми писателями, и изъ ряда явленій, ими изображаемыхъ. Мы разумѣемъ дѣйствующихъ лицъ, идеи, сюжеты, и т. п., — все то, что, являясь различнымъ для каждаго произведенія, и составляетъ его содержаніе».

По своему психологическому облику книги могутъ быть классифицированы, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ. Мы будемъ здѣсь говорить о психологическихъ качествахъ самой книги, не поднимаясь отъ нея къ оцѣнкѣ психики ея автора, такъ какъ первая во всякомъ случаѣ не цѣликомъ отражаетъ послѣднюю (насколько она не выражаетъ ея, — этотъ вопросъ мы разбираемъ въ другомъ мѣстѣ). Въ основу классификаціи книгъ можетъ быть положена, напримѣръ, классификація явленій, наблюдаемыхъ въ человѣческой психикѣ, и прежде всего ихъ дѣленіе на явленія интеллектуальныя, эмоціональныя, активныя и волевыя. Подобно тому, какъ та или иная изъ этихъ сторонъ психики (въ сущности, всѣ онѣ неотдѣлимы другъ отъ друга) преобладаетъ въ разныхъ людяхъ, такъ она преобладаетъ и въ разныхъ книгахъ. Есть книги, дѣйствующія главнымъ образомъ на интеллектъ, есть, далѣе, книги, дѣйствующія главнымъ образомъ на эмоціи, наконецъ, книги, выводящія читателя изъ области однихъ внутреннихъ переживаній и вводящія его въ область дѣйствія,

практики. Такова самая общая психологическая классификація всѣхъ книгъ на три главныхъ типа: интеллектуальный, эмоціональный и волевой. Обыкновенно эти три типа встрѣчаются не нераздѣльно, а въ болѣе или менѣе смѣшанномъ видѣ, и между ними существуютъ переходныя формы.

1. Характернѣйшими образчиками книгъ интеллектуальнаго типа являются несомнѣнно тѣ книги, въ которыхъ отпечатлѣлась работа безстрастной научной мысли, ищущей истины, нелицепріятной истины прежде всего. Это книги, трактующія о томъ, что есть, книги, дающія безстрастныя описанія фактовъ и наивозможно объективныя разсужденія. Это книги, написанныя безъ эмоцій (т. е. почти безъ нихъ), книги, такъ сказать, не интересующіяся тѣмъ, къ какимъ именно поступкамъ придутъ тѣ, кто прочитаетъ ихъ. Типичнымъ представителемъ этой категоріи книгъ можетъ служить любой учебникъ по естествознанію. Таковыхъ книгъ больше всего среди научныхъ изслѣдованій во всѣхъ отрасляхъ знанія, поскольку онѣ чужды какихъ-либо тенденцій. Но къ той же категоріи могутъ быть отнесены и нѣкоторыя философскія книги (напр., типа произведеній Э. Канта).

2. Характернѣйшихъ образчиковъ книгъ эмоціональнаго типа несомнѣнно нужно искать въ области изящныхъ искусствъ, а отчасти среди книгъ искренне и горячо религіозныхъ. Беллетристическія произведенія типа современныхъ импрессіонистовъ, а также цѣлаго ряда художниковъ прозы и поэзіи, равно какъ и вдохновенныя писанія глубоко и ярко вѣрующихъ людей (напр., типа Франциска Ассизскаго, Ламеннэ и т. п.), представляютъ изъ себя не что иное, какъ эмоціи, выраженныя словами. Онѣ говорятъ не о томъ, что такіе-то люди мыслители, — онѣ говорятъ о томъ,

что чувствовалъ, переживалъ такой-то человѣкъ: книги лишь зеркало этихъ эмоціональныхъ переживаній. Но сильно чувствовать можно и безъ подавленія своихъ интеллектуальныхъ сторонъ. Есть цѣлый рядъ книгъ, выражающихъ только настроеніе и передающихъ его и читателю. Еще больше книгъ вообще съ настроеніемъ, горячо написанныхъ и доказывающихъ, что авторъ не только мыслитъ, но и чувствуетъ то, что онъ пишетъ. Такъ, напримѣръ, «Тайны неба» Литтрова написаны безъ настроенія. «Живописная астрономія» Фламаріона — съ большимъ настроеніемъ. «Основы жизни» Лункевича съ настроеніемъ, «Біологія» Крепелина — безъ него; «Исторія цивилизаціи» Дюкудрэ — безъ настроенія, «Исторія человѣческой культуры» Кольба съ настроеніемъ, и т. д. Книги безъ настроенія, то есть не возбуждающія эмоцій и дѣйствующія главнымъ образомъ на интеллектъ, обыкновенно называются «сухими» или написанными «безъ чувства».

3. Характернѣйшими представительницами книгъ активнаго типа являются книги, побуждающія человѣка къ тѣмъ или инымъ дѣяніямъ, дѣйствіямъ, работѣ. Этой стороны психики книга интеллектуальнаго или эмоціональнаго типа можетъ и не имѣть въ виду. Книги рѣзко активнаго типа — это книги по прикладнымъ знаніямъ, книги, не только зовущія къ дѣлу, но прежде всего трактующія о томъ, *что* и *какъ* дѣлать. Активный типъ книги нерѣдко сочетается съ типомъ интеллектуальнымъ и эмоціональнымъ. Изъ сочетанія съ первымъ изъ нихъ являются книги пропагандирующаго, резонерствующаго типа, изъ сочетанія со вторымъ — книги типа агитаціоннаго. Наконецъ, къ активному типу книгъ должны быть отнесены и такія, которыя самымъ экспонированіемъ

дѣйствія побуждаютъ къ таковому. Такія книги можно найти въ разныхъ отдѣлахъ литературы, напр., въ области изящной литературы, исторіи, путешествій — (примѣръ — вліяніе майнъ-ридовщины, пинкертоновщины и т. д.). Во всякой книгѣ, присмотрѣвшись даже немножко къ ней, всегда можно отличить элементы этихъ трехъ главнѣйшихъ психическихъ типовъ, то есть тѣ самые, на которые раздѣляется и весь человѣческій родъ.

Но этими тремя главными типами книгъ, черезчуръ общими, классификація ихъ по психическимъ типамъ еще не ограничивается. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ естественно намѣчаются и дальнѣйшія подраздѣленія, смотря по преобладанію въ нихъ тѣхъ или иныхъ психическихъ чертъ. Возьмемъ, напримѣръ, книги интеллектуальнаго типа. Прежде всего въ этомъ отдѣлѣ намѣчаются слѣдующіе два подъотдѣла: во-первыхъ, книги типа фактическаго (описанія, изложенія, классификація фактовъ), во-вторыхъ, книги, содержащія разсужденія, доводы, доказательства (изложеніе мнѣній). Кромѣ того, есть книги средняго, переходнаго типа, содержащія и факты, и разсужденія, съ преобладаніемъ то первыхъ, то вторыхъ. Далѣе, среди книгъ перваго (фактическаго) типа можно различить книги съ детальнымъ описаніемъ фактовъ (то образнымъ, яркимъ, то протокольно-объективнымъ), то книги, лишь приводящія факты (не описывая) въ большемъ или меньшемъ количествѣ, вплоть до загроможденія ими. Нельзя не видѣть, что всѣ эти сейчасъ намѣченныя категоріи фактическаго типа книгъ предполагаютъ, въ своей основѣ, и разные типы воспріятія, памяти, воображенія и другихъ свойствъ интеллектуальной стороны психики. Любую книгу можно безъ особаго

труда оцѣнить по вышенамѣченной схемѣ, а такимъ образомъ сопоставить ее съ типомъ воспріятія, памяти, вниманія, воображенія, ассоціаціонной способности даннаго читателя. Такимъ способомъ намѣчается цѣлый рядъ болѣе мелкихъ категорій книгъ. Характернымъ представителемъ книгъ фактическаго типа протокольно-описательнаго можетъ служить, напр., цѣлый рядъ учебниковъ зоологіи или ботаники и другихъ описательныхъ, классифицирующихъ наукъ, «Исторія Россіи» Соловьева, «Наука о народномъ хозяйствѣ» Рошера, «Исторія живописи» Любке и т. п. Характернымъ представителемъ книгъ фактическаго типа образнаго можетъ служить, напримѣръ, «Жизнь на сѣверѣ и югѣ» Брэма, его же «Жизнь животныхъ», «Родная старина» Сиповскаго, отчасти такія книги, какъ «Исторія Нидерландской революціи» Мотлея и т. п.

Подобно этому можно намѣтить цѣлый рядъ категорій и среди книгъ, представляющихъ изъ себя разсужденія. Каждому типу мышленія соотвѣтствуетъ своя категорія книгъ, въ которыхъ этотъ типъ запечатлѣлся: книги индуктивнаго и дедуктивнаго типа, аналитическія и синтетическія и т. д., о чемъ мы упоминали выше. О всѣхъ этихъ типахъ даютъ яркое понятіе, напримѣръ, сочиненія Г. Спенсера: въ каждомъ изъ отдѣловъ его «Синтетической философіи» (напр., въ «Основаніяхъ біологіи, психологіи, соціологіи») читатель найдетъ особыя главы, посвященныя какъ ихъ индукціямъ, такъ и дедукціямъ, какъ ихъ анализу, такъ и синтезу. Примѣромъ книги индуктивнаго типа могутъ служить «Происхожденіе видовъ» Дарвина, примѣромъ книги типа дедуктивнаго «Политическая экономія» Богданова. Примѣръ книгъ аналитическаго типа — «Критика чистаго разума» Канта и т. д.

Но вдумываться въ психическій обликъ любой книги можно гораздо глубже,—настолько глубоко, какъ въ любой «человѣческій документъ». Геннекенъ въ своихъ «Essais» рисуетъ схему такой оцѣнки любой книги. Есть книги, какъ и люди, различныхъ эмоціональныхъ типовъ (активнаго, чувствительнаго, эмоціонально-сентиментальнаго, эмоціональнаго раздражительнаго, страстнаго). Всѣ эти эмоціональные типы превосходно отмѣчаются литературной критикой при оцѣнкѣ различныхъ художниковъ слова, беллетристовъ и поэтовъ. Исторія изящной литературы — своего рода классификація беллетристическихъ книгъ прежде всего по типамъ эмоцій (затѣмъ стремленій и воли). Вдаваться въ детальную характеристику всѣхъ этихъ типовъ мы здѣсь не станемъ, такъ какъ сейчасъ намъ придется говорить не объ этихъ самыхъ типахъ настроеній, но о типахъ читателей — а тамъ и дѣлать ихъ краткія характеристики. Каждому человѣческому эмоціональному типу соотвѣтствуетъ и особый типъ книгъ, который проявляется не только въ языкѣ, но и въ стилѣ, и въ планѣ, и въ сюжетѣ, въ любимыхъ характерныхъ выраженіяхъ и т. д.

Главнѣйшіе виды активности также имѣютъ своихъ представителей среди книгъ, начиная отъ типовъ не-активныхъ собственно (книги вялыя, безпечныя, сонныя, инертныя), затѣмъ не-активныхъ отъ избытка эмоціональности или избытка разсудочности, затѣмъ переходя къ типамъ активнымъ (о классификаціи ихъ см. ниже). Еще меньше затрудненій представляетъ классификація книгъ соціальная. Каждая книга — своего рода членъ общества и общественный дѣятель, и потому волей-неволей слѣдуетъ какому-нибудь богу, начиная съ самого себя, затѣмъ своего класса, сословія, своей профессіональной

группы и переходя къ государству, народу, человѣчеству. Если не къ каждой книгѣ, то къ огромному большинству ихъ можно предъявить вопросъ, поставленный однимъ святымъ отцомъ еще въ XIII в.: «An justum sit homini hominem dominari?» («Справедливо ли человѣку господствовать надъ человѣкомъ?»). Иныя книги отвѣчаютъ на такой вопросъ: да, справедливо. Другія говорятъ то съ большими, то съ меньшими оговорками разныхъ сортовъ: нѣтъ! При этомъ и самые типы господства человѣка надъ человѣкомъ находятъ свое выраженіе въ книгахъ. Такъ однѣ книги говорятъ о господствѣ экономическомъ, другія о политическомъ, третьи — о духовномъ, о господствѣ при помощи рубля, при помощи дубья, лжи и обмана и т. д.

Распредѣленіе всѣхъ книгъ по направленіямъ общественной мысли (что нами сдѣлано во 2-мъ изд. «Среди книгъ») представляетъ изъ себя не что иное, какъ соціальную классификацію книгъ, начиная отъ консервативно-реакціоннаго типа до анархическаго. Тамъ же сдѣлана классификація книгъ по кругамъ читателей (круги: деревенскій и сельскій, фабрично-заводскій, разночинскій и т. д.). Въ сущности своего рода соціальную же классификацію книгъ представляетъ изъ себя классификація книгъ по степенямъ трудности пониманія ихъ. Это то-же самое, что классификація населенія по степенямъ его грамотности и образованности. Такая классификація давнымъ-давно уже вошла въ обычай при составленіи рекомендательныхъ и педагогическихъ каталоговъ. Изъ предыдущаго же видно, что, рекомендуя ту или иную книгу тому или иному читателю, нельзя не принимать въ расчетъ возможно большее количество особенностей этой книги. Ихъ перечисленіе мы даемъ на страницѣ 155—89 во Введеніи къ I тому «Среди

книгъ» (2-ое изд.). Впрочемъ, тѣ же особенности можно формулировать и иначе, — не въ формулировкѣ самая суть дѣла.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу: всякая книга — не только кристаллизованная психика ея автора. Книга, — если можно такъ выразиться, представляетъ изъ себя и члена общества, въ томъ смыслѣ, что она порождена не только психической работой ея автора, но и всѣмъ укладомъ его соціальной жизни и его страны, и человѣчества, — тѣмъ общественнымъ строемъ, въ нѣдрахъ котораго приходится жить и ея автору, и читателямъ. Ни одна книга не можетъ не носить на себѣ слѣдовъ этого строя, и эти слѣды можно даже безъ особаго труда подмѣчать и на языкѣ книги, и на стилѣ, и композиціи, и содержаніи, и въ особенности на точкѣ зрѣнія. Между общественнымъ бытіемъ, или, иначе говоря, соціально-экономическимъ строемъ и литературою имѣется такая же глубокая и естественная внутренняя связь, какая существуетъ между нимъ и религіей и искусствомъ. На опредѣленной соціально-экономической основѣ возникаютъ опредѣленныя соціальныя отношенія съ ихъ классами и сословіями, ихъ стремленіями, интересами и борьбой, которая, находя себѣ мѣсто въ той или иной степени въ душѣ автора, не можетъ не находить своего выраженія и въ литературныхъ произведеніяхъ, не только беллетристическихъ, но и научныхъ. Можно еще спорить объ исключительномъ значеніи соціально-экономическаго фактора въ созданіи и формировкѣ этихъ произведеній, но врядъ ли можно отрицать самую наличность такихъ вліяній даже съ точки зрѣнія И. Тэна и его ученія о расѣ, средѣ и моментѣ, какъ опредѣляющихъ фак-

торахъ литературной эволюціи. Среди книгъ, какъ и въ человѣческомъ обществѣ, достигшемъ опредѣленнаго уровня своего соціальнаго развитія, имѣются представители всѣхъ общественныхъ классовъ и сословій, когда-то тоже бывшихъ общественными классами. И не только представители тенденцій и идей, каждому классу свойственныхъ, но и другихъ особенностей ихъ, — нравовъ, обычаевъ, привычекъ, до внѣшности включительно. Есть книги-пролетаріи, разночинцы, книги-дворяне, помѣщики, купцы. Есть книги-общественные борцы и книги «общественныя ничтожности». Соціально-экономическій и сословный отпечатокъ нельзя не подмѣтить даже и въ произведеніяхъ т. наз. міровой литературы, т. наз. твореніяхъ общечеловѣческаго генія, который, не смотря на свою «общечеловѣчность», всетаки не можетъ не носить костюма *своей* страны, *своего* общественнаго класса и сословія. И не только всего этого, но и своего вѣка и момента. Но и это еще не все. Оставимъ въ сторонѣ разговоръ о книгахъ-невѣждахъ и неучахъ, и книгахъ-ученыхъ, о книгахъ, требующихъ большой и малой научно-образовательной подготовки. Не забудемъ лишь, что всѣ несовершенства политическаго, а, значитъ, и соціальнаго строя отражаются не только на количествѣ, но и на качествѣ книгъ, и на точкахъ зрѣнія, и на научности ихъ, и на трудности пониманія, на всей манерѣ доводить до читающей массы то, о чемъ не можетъ молчать душа писателя, который въ конечномъ итогѣ и изобрѣтаетъ цѣлый арсеналъ неуловимыхъ для цензуры, но, въ сущности, всегда ведущихъ къ цѣли, пріемовъ воздѣйствія на психику читателя, начиная отъ эзоповскаго и не-эзоповскаго языка и кончая недоговорками, экивоками, намеками, междустрочными

аллюрами и т. п. признаками. На каждой книгѣ отражается хоть чѣмъ-нибудь не только національный, но и, такъ сказать, географическій типъ ея автора. Есть книги-сельчане, книги-фабрично-заводскіе, книги-горожане, и т. д., и т. д. Иной разъ даже мельчайшія черточки жизни отражаются на особенностяхъ и языка, и стиля, и композиціи, и интересовъ, и на эмоціяхъ, и пріемахъ доказательствъ, и на точкѣ зрѣнія автора, и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, соціологическое изученіе книгъ естественно и логически слѣдуетъ за психологическимъ изученіемъ ихъ, и это изученіе разростается въ цѣлую отрасль знанія, чрезвычайно своеобразную и обширную и до сихъ поръ никѣмъ не изученную. Распредѣлите всѣ существующія книги по такъ назыв. направленіямъ общественной мысли, — и вы тогда увидите, что представляетъ и можетъ представлять изъ себя соціологическое изученіе книгъ. Правда, иныя книги, повидимому, не могутъ быть отнесены ни къ какому направленію общественной мысли. Но даже и на такихъ книгахъ, до математическихъ включительно, можно подмѣтить нѣкоторые, если не признаки, то по крайней мѣрѣ блики, исходящіе изъ той среды и эпохи, когда авторы ихъ жили и дѣйствовали и чьи они воззрѣнія раздѣляли (напр. упоминаніе о Богѣ въ книгахъ математическихъ, посвященіе книгъ сильнымъ міра сего, умалчиваніе кой о чемъ непріятномъ для этихъ послѣднихъ и т. д. *).

---

*) Объ изученіи книгъ не только съ психологической, но и соціологической точки зрѣнія, см. въ нашей ст. „Психологія книжнаго вліянія", ж. „Нов. жизнь" 1910 г. декабрь и въ „Этюдахъ по психологіи читательства".

Изъ всего предыдущаго видно, что, ставя вопросъ о сбереженіи читательскихъ силъ на почву изученія книгъ, мы приходимъ къ тому выводу, что это изученіе должно вестись такъ, какъ оно въ настоящее время не ведется. Въ этой области, если кое-что и выяснено теоретически, то во всякомъ случаѣ не примѣняется практически. Книгу нужно знать, знать и знать. Это ея знаніе, возможно разностороннее, глубокое и научное, необходимо для каждаго мало-мальски образованнаго человѣка. Не только такого, кто, возмущаясь глубокой несправедливостью неравномѣрнаго распредѣленія знанія, пониманія и другихъ духовныхъ благъ въ общественной средѣ, по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ, борется противъ таковаго, — знаніе книгъ необходимо даже для того читателя, кто желаетъ быть, по узости своего ума и мелкотѣ своей души (или душонки), образованнымъ только «для себя». Нужно помочь распространенію не только самыхъ книгъ, но и знанія книгъ, ихъ психическихъ и соціальныхъ физіономій *).

Вопросъ объ оцѣнкѣ книгъ имѣетъ большое практическое значеніе. Сводя все предыдущее къ одному, мы приходимъ къ такимъ выводамъ. Тотъ, кто желаетъ сдѣлаться распространителемъ книгъ, то есть распространителемъ знанія, пониманія и на-

*) Исполненію этой задачи мы посвятили нашъ главный трудъ „Среди книгъ", гдѣ читатели найдутъ отчетъ о 20.000 названій книгъ на русскомъ языкѣ, заслуживающихъ вниманія съ той или иной точки зрѣнія и распредѣленныхъ по наукамъ, по вопросамъ, по направленіямъ мысли, по степени трудности пониманія и по кругамъ читателей. Такое распредѣленіе книгъ на почвѣ ихъ психологическаго и соціологическаго изученія даетъ каждому читателю возможность выбирать изъ наличности книжныхъ богатствъ то, что онъ самъ найдетъ для себя нужнымъ. Эту же цѣль мы преслѣдуемъ и въ другихъ нашихъ указателяхъ и описательныхъ каталогахъ книгъ, повторяя въ каждомъ изъ нихъ: книгу нужно знать и знать каждому.

строенія съ помощью книги, долженъ научиться оцѣнивать книги съ нижеслѣдующихъ главныхъ сторонъ:

1. Со стороны научной: насколько данная книга соотвѣтствуетъ дѣйствительной истинѣ.

2. Со стороны педагогической: какой подготовки данная книга требуетъ отъ читателя.

3. Со стороны этической: вопросъ о нравственной оцѣнкѣ, какую дѣлаетъ данная книга тѣмъ или инымъ отношеніямъ человѣка къ человѣку, и къ обществу, и общественной жизни.

4. Со стороны психологической и соціологической, о которыхъ сейчасъ шла рѣчь.

Мы позволяемъ себѣ утверждать, что общепринятая оцѣнка съ первыхъ трехъ точекъ зрѣнія еще недостаточна для того выбора и рекомендаціи книгъ, чтобы указываемая книга могла производить *на начинающаго* читателя наибольшее дѣйствіе.

Врядъ ли нужно доказывать, какъ отражается неподготовленность гг. руководителей на всемъ книжномъ дѣлѣ, особенно у насъ въ Россіи, — на дѣлѣ создаванія и распространенія книгъ *).

Вышеизложенное въ достаточной степени иллюстрируетъ тезисъ, который мы выставили выше: *что* писать — объ этомъ намъ говоритъ и этому насъ учитъ научная и философская, и общественная эволюція человѣчества. *Какъ* писать — этому надо поучиться у среды, въ данномъ случаѣ у среды трудящихся классовъ. Вопросъ о *содержаніи* рекомендуемыхъ книгъ, — это вопросъ общечеловѣческій. Вопросъ о *формѣ*

*) Факты и цифры, иллюстрирующіе эту мысль, собраны, увы! въ подавляющемъ количествѣ въ нашихъ работахъ: „Книжное оскудѣніе“ („Рус. Богатство“ 1893 г.), „Этюды о рус. читающей публикѣ“, „Книжный потокъ“ („Рус. Мысль“ 1901—3 г.) „Книжн. приливъ и книжный отливъ“ („Совр. Міръ“ 1909 г.).

рекомендуемыхъ книгъ, — это вопросъ той среды, для которой книги рекомендуются.

Съ этой стороны въ дѣлѣ самообразованія для насъ опять-таки открывается интереснѣйшая и обширнѣйшая, никѣмъ, какъ слѣдуетъ, еще не освѣщенная область изысканій, которая ждетъ работниковъ, болѣе широко и глубоко смотрящихъ на вещи.

Именно съ этой точки зрѣнія интересно изучать, во-первыхъ, *статистику* книжнаго дѣла, — издательскіе и библіотечные отчеты, статистику распространенія и читаемости книгъ, журналовъ и газетъ и т. п. Не менѣе интересно изучать и то, что и какъ читаетъ народъ, — по примѣру извѣстнаго труда харьковскихъ учительницъ «Что читать народу». Интересно изучать и то, что пишетъ самъ народъ, — онъ дѣйствительно пишетъ, выражая «себя и свое», хотя его писанія обыкновенно не доходятъ до печати, такъ какъ она въ рукахъ «чистой публики». И изученіе народныхъ писаній, думается намъ, — одинъ изъ очень важныхъ способовъ изученія народной среды *). Большой интересъ, теоретическій и практическій, представляетъ и изученіе ходовыхъ книгъ, тщательное психологическое изученіе тѣхъ признаковъ, которые дѣлаютъ данную книгу ходовою въ данной средѣ. Каждая книга предполагаетъ свою собственную среду, — такую, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ ея свойствамъ. Съ этой точки зрѣнія можно говорить о приспособляемости книгъ къ средѣ, — о книгахъ наиболѣе или наименѣе приспособленныхъ къ данной средѣ, подобно тому, какъ мы говоримъ объ организмахъ наиболѣе и наименѣе приспособившихся. Но разъ это такъ, то передъ нами раскрываются опять-

*) См. Этюды о русской читающей публикѣ. СПб. 1895.

таки очень интересные, широкіе и отчасти новые горизонты. Между книгами, какъ и между организмами, идетъ своеобразная борьба за существованіе. Въ царствѣ организмовъ эта борьба обусловлена тѣмъ, что каждый организмъ требуетъ для себя нѣкотораго минимума необходимѣйшихъ средствъ существованія. Въ царствѣ книгъ роль этого минимума играетъ другого рода факторъ, не менѣе важный для самаго бытія книги. Мы назовемъ этотъ факторъ *читательской емкостью*. Читательство, какъ опредѣленное психическое и соціальное явленіе, имѣетъ свой предѣлъ. Читатель можетъ вмѣстить не безконечно большое число книгъ. Есть нѣкоторый предѣлъ его вмѣстимости. Есть и средняя величина этого послѣдняго, болѣе или менѣе поддающаяся статистическому и вообще научному изслѣдованію. Имѣетъ здѣсь мѣсто и законъ большихъ чиселъ, и теорія вѣроятностей, какъ и при статистическомъ изученіи другихъ соціальныхъ и массовыхъ явленій, и изучать книжную статистику съ этой точки зрѣнія—работа въ высшей степени благодарная и глубоко захватывающая. Книжная статистика должна сдѣлаться, по нашему глубокому убѣжденію, превосходнымъ средствомъ изслѣдованія общественной психологіи, какъ науки. Она позволяетъ намъ изучать человѣческое культурное общество, съ его современной классовой и сословной организаціей, съ такой интимной стороны и настолько точно, да и тонко, насколько, быть можетъ, нельзя изучать его никакими другими способами. Каждая общественная группа, каждый общественный классъ, каждый возрастъ, полъ, раса, каждый уголокъ земного шара имѣетъ свою среднюю читательскую емкость, которая имѣетъ свою и количественную, и качественную сторону,

и въ разные моменты существованія индивида и общества бываетъ разною, а мѣняется закономѣрно, въ зависимости отъ другихъ измѣненій, — экономическихъ, политическихъ, соціальныхъ, религіозно - церковныхъ, воспитательно - образовательныхъ и т. д., функціей которыхъ она является *).

Но слово «среда» имѣетъ еще одинъ смыслъ, болѣе узкій, хотя, быть можетъ, и болѣе важный, болѣе реальный и, во всякомъ случаѣ, яснѣе видимый. Каждый читатель — вѣдь это тоже среда, въ которую попадаютъ изъ книги и факты, и идеи, и эмоціи, — это своего рода таинственная лабораторія, въ глубинахъ которой и рѣшаются судьбы всякаго, пришедшаго туда звука, т.-е. слова, всякой идеи, всякой чужой эмоціи и чужихъ стремленій. Тамъ, въ глубинахъ этой психической лабораторіи, происходитъ своего рода преломленіе, и интерференція, и отраженіе лучей чужой души, и все это кладетъ очень рѣзкую печать на всѣ взаимныя отношенія книги и человѣка. Здѣсь мы переходимъ ко второму пункту выше намѣченной программы нашихъ трудовъ, — отъ изученія книги къ изученію читателя.

§ 4. Изученіе читателей. Типы читателей. Ихъ классификація, психологическая и соціологическая.

Выше мы говорили о психологіи книги, начиная отъ ея созданія и кончая ея распростране-

*) Пишущій эти строки въ своихъ „Этюдахъ о русской читающей публикѣ“ и въ ст. „Книжный потокъ“ (Рус. Мысль 1901—3 г. г.) сдѣлалъ попытку изученія читательства статистическимъ способомъ, разсматривая такое изученіе, какъ необходимое введеніе въ изученіе читателей и читательскихъ типовъ,

ніемъ. Теперь мы будемъ говорить о психологіи читателя. Въ процессѣ читательства, разумѣется, участвуютъ, въ большей или меньшей степени, всѣ психическія особенности человѣка, весь человѣкъ. Изучать человѣка, какъ читателя, — это значитъ изучать всѣ его психическія свойства и особенности въ процессѣ чтенія, поскольку онѣ въ этомъ процессѣ проявляются, и то, какъ онѣ въ немъ проявляются, и какую роль какая играетъ; далѣе, это значитъ изучать ту зависимость, въ которой находится самый процессъ, а значитъ, и результатъ чтенія, отъ психическихъ особенностей даннаго человѣка. Индивидуальная психологія показываетъ, что эти особенности у разныхъ людей различны, и въ каждой изъ нихъ можно наблюдать различные типы, напр., разные типы памяти (фактическая и логическая, зрительная, слуховая, моторная), типы воспріятій, типы сужденій (напр., преобладаніе дедукціи или индукціи), склада ума (напр., синтетическій, аналитическій), воображенія, эмоцій, воли и т. д. Въ зависимости отъ типа психическихъ особенностей данной личности находится и его читательскій типъ. Различные типы различныхъ психическихъ особенностей встрѣчаются въ разныхъ людяхъ въ разныхъ комбинаціяхъ, которыя, тѣмъ не менѣе, повторяются, что логически ведетъ къ возможности классифицировать и всѣхъ читателей также по типамъ. При этомъ наблюдается интересное явленіе, давно констатированное наукой психологіей: наличность опредѣленныхъ психическихъ особенно-

---

психическихъ и соціальныхъ, въ связи съ изученіемъ окружающей ихъ среды. Еще см. нашъ „Опытъ изслѣдованія литературы для народа“. СПб. 89 г. и въ „Русскомъ Богатствѣ“ того же года.

стей даетъ возможность заранѣе предполагать наличность другихъ, намъ еще неизвѣстныхъ, чертъ. Такъ, напр., въ большинствѣ случаевъ умы аналитическіе (не эмоціональные) не любятъ стиховъ, не любятъ историческихъ и т. п. книгъ, въ которыхъ много фактовъ; эмоціональные типы не любятъ отвлеченнаго безстрастнаго изложенія и т. д. Психологическое изслѣдованіе человѣка, какъ читателя, позволяетъ установить опредѣленную закономѣрность явленій въ процессѣ читательства. Врядъ ли нужно доказывать, сколь большой интересъ можетъ представить для всѣхъ тѣхъ, кому приходится гдѣ-либо работать надъ распространеніемъ знанія, пониманія и настроенія, будь вы авторъ, редакторъ, издатель, учитель, ораторъ и т. д., знакомство съ научно установленными основами читательскаго процесса. Но, опираясь на индивидуальную и экспериментальную психологію, какъ науки, можно взять отъ нихъ еще больше. Эти науки даютъ возможность въ настоящее время, при помощи цѣлаго ряда пріемовъ, не только сложныхъ и съ приборами, но и довольно простыхъ, изучать главнѣйшія особенности любой человѣческой личности, выясняя такимъ способомъ ея типъ. Возьмемъ, напр., очень хорошо составленный атласъ д-ра Ѳ. Рыбакова *) (приватъ-доцента Московскаго университета, завѣдующ. психолог. лабораторіей психіатрической клиники). При помощи этого атласа является возможность опредѣлять наиболѣе характерныя психическія особенности и типы

*) Атласъ для экспериментально-психологическихъ изслѣдованій личности, съ подробнымъ описаніемъ и объясненіемъ таблицъ. Составленъ примѣнительно къ цѣли педагогическо-и врачебно-діагностическаго изслѣдованія". Изд. И. Сытина М. 911 г.

ихъ не только въ другихъ людяхъ, но и въ себѣ самомъ, и въ отдѣльномъ человѣкѣ, и въ цѣломъ классѣ школы. Такого рода атласъ — чрезвычайно полезное пособіе и для изученія человѣка, въ цѣляхъ опредѣленія его индивидуальныхъ особенностей, какъ читателя. Далѣе, существуютъ на русскомъ языкѣ и другія руководства для экспериментальнаго изученія личности, строго научныя, служащія превосходными пособіями, еще глубже ведущими къ той же цѣли. (Напр., Шульце, Уипля). Существуютъ и готовые планы-программы для систематическаго изученія личности, напр., составленныя проф. А. Лазурскимъ, д-ромъ Россолимо, С. Франкомъ и др. Беремъ одну такую программу, напр., А. Лазурскаго, и намѣчаемъ по ней, въ самыхъ главныхъ, основныхъ чертахъ, нижеслѣдующую схему, въ которую входятъ всѣ главнѣйшіе разряды психическихъ явленій, наблюдаемыхъ въ человѣкѣ:

1. Ощущенія. Воспріятія.
2. Память.
3. Ассоціаціи.
4. Вниманіе.
5. Мышленіе.
6. Рѣчь и ея особенности.
7. Воображеніе и типы его.
8. Общія особенности умственной сферы.
9. Настроенія и аффекты.
10. Чувства, зависящія отъ контраста.
11. Чувства, относящіяся къ собственной личности.
12. Чувства по отношенію къ другимъ людямъ.
13. Высшія идейныя чувствованія.
14. Общія особенности эмоціональной сферы.
15. Движенія.

16. Принятіе рѣшеній. Процессъ выбора.

17. Сознательныя волевыя усилія*).

Всѣ эти 17 пунктовъ въ своей совокупности представляютъ собой систему, или, точнѣе говоря, схему человѣческой психики. Каждый пунктъ трактуетъ объ опредѣленномъ разрядѣ психическихъ явленій. Всѣ они у разныхъ людей болѣе или менѣе различны. Всѣ наблюдаемыя у нихъ явленія каждой категоріи можно разсортировать по типамъ. Процессъ читательства протекаетъ въ разныхъ людяхъ по разному, въ зависимости отъ того, какую комбинацію какихъ типовъ какой человѣкъ собой представляетъ.

Но идемъ дальше. Любая человѣческая толпа, общество, народъ, человѣчество, въ свою очередь, представляетъ собраніе людей разныхъ типовъ, — характеровъ и темпераментовъ. Объ этихъ типахъ существуетъ въ настоящее время цѣлая литература, изучить которую, въ цѣляхъ пониманія читательства, въ высшей степени важно и интересно. Оставимъ въ сторонѣ разныя возраженія, которыя приводятся разными учеными противъ той или иной классификаціи человѣческихъ типовъ. Обратимъ вниманіе на самую суть дѣла: даже не вполнѣ совершенная классификація ихъ уже значительно помогаетъ разбираться въ читающей толпѣ, помогаетъ понимать человѣка, какъ читателя. Беремъ, напр., классификацію психическихъ типовъ человѣка, которую даетъ проф. Малаперъ*). Мы уже указывали, что на раз-

---

*) А. Лазурскій. Програма изслѣдованія личности. СПб. 912 г. Его же. „Очеркъ науки о характерахъ". Превосходное пособіе, наглядный примѣръ того, какъ изучать человѣка, даетъ книга того же автора „Школьныя характеристики". II изд. СПб. 913 г.

**) Основные элементы характера. Пер. Л. Бессель, подъ ред. Н. Рубакина. Изд. К. Тихомірова. М. 912 г.

ныхъ людей одна и та же книга дѣйствуетъ по разному, равно какъ и въ разные моменты жизни одного и того же человѣка, — не только въ разные возрасты его, но и въ разные часы дня, смотря по обстоятельствамъ. Врядъ ли нужно доказывать, что, говоря о вліяніи книги на человѣка, на эту сторону вопроса необходимо обратить большое вниманіе. Нужно знать, съ какой книгой къ кому, когда и какъ подходить для того, чтобы получить желаемый результатъ съ наибольшей вѣроятностью. Говоря же объ этой наибольшей вѣроятности, приходится принимать въ расчетъ всѣ индивидуальныя особенности человѣка, и темпераментъ, и характеръ его, и т. д. Для того, чтобы представить себѣ возможно реальнѣе все то значеніе, которое имѣетъ читательскій типъ съ точки зрѣнія изученія читательства, сдѣлаемъ общій обзоръ психическихъ типовъ, пользуясь, напр., книгой вышеупомянутаго Малапера. Такой обзоръ уже обрисуетъ намъ все разнообразіе психической среды, въ которую поступаетъ книжное содержаніе въ процессѣ читательства. Эта среда оказываетъ рѣшающее вліяніе и на усвоеніе содержанія, и на дѣятельность. Каждый знаетъ изъ практики, что въ дѣлѣ наибольшаго пониманія и усвоенія книжнаго содержанія наибольшую роль играетъ эмоціональная и волевая сторона человѣка, его способность чувствовать и реагировать, поддаваться и противиться разнымъ настроеніямъ, окрашивать ими любой фактъ, любую идею, мнѣніе, теорію и т. д. Малаперъ, приступая къ своей классификаціи характеровъ, совершенно справедливо положилъ въ ея основу эмоціональную сторону человѣка, такъ какъ именно она лежитъ въ основѣ и разума, и воли. Съ точки же зрѣнія *эмоціональности* всѣ человѣче-

скіе характеры можно классифицировать, по мнѣнію Малапера, на такія четыре главныхъ категоріи: на апатичныхъ, чувствительныхъ, эмоціональныхъ и страстныхъ.

А. Апатичные. Люди съ умѣренной чувствительностью, не способные испытывать живыхъ и сильныхъ впечатлѣній. Это люди холодные, спокойные, равнодушные, лишенные огня, — прирожденные наивные эгоисты, — эгоисты скорѣе по недостатку чувствительности, чѣмъ по расчету. Это люди не то, чтобы злые, но и не истинно-добрые, не мягкіе. Этотъ классъ включаетъ въ себѣ слѣдующія двѣ группы:

1. Вполнѣ апатичные или истинно апатичные, въ которыхъ особенно сильно выражены всѣ вышеупомянутыя черты.

2. Полу-апатичные; а) тѣ, которыхъ можно назвать апатичными вслѣдствіе бѣдности чувствительныхъ точекъ, и б) тѣ, которыхъ можно назвать апатичными вслѣдствіе ихъ медлительности.

Б. Чувствительные. Люди съ живой, чаще всего подвижной и непостоянной, а слѣдовательно, и довольно поверхностной чувствительностью, люди, любящіе удовольствіе; они всегда въ хорошомъ настроеніи, веселы, экспансивны; это то, что называется бон-виванами. Они доброжелательны, но эта доброжелательность является у нихъ какъ слѣдствіе природнаго оптимизма.

В. Эмоціональные. Это люди съ глубокой чувствительностью: всѣ аффективныя состоянія продолжаются у нихъ долго, оставляютъ въ душѣ длительный отзвукъ, заставляютъ вибрировать все существо человѣка, волнуя его душу вплоть до самыхъ интимныхъ

ея изгибовъ. Такіе характеры предрасположены къ подавляющимъ эмоціямъ, къ грусти.

Здѣсь замѣчаются еще двѣ главнѣйшихъ разновидности:

1. Эмоціонально-сентиментальные. Болѣе тонкая чувствительность къ углубленію въ самого себя. Это люди мягкіе и меланхоличные, съ постоянной потребностью любить и быть любимыми; изъ страха предъ всякаго рода треніями и столкновеніями они не рѣшаются дать волю своимъ чувствамъ; они робки, привязчивы, альтруистичны, но ихъ симпатія къ людямъ какая-то скорбная и пассивная.

2. Эмоціонально-раздражительные. Это люди болѣе возбужденные, не гармоничные, внезапно переходящіе отъ одной эмоціи къ другой, безпокойные, тревожные; симпатіи и антипатіи ихъ очень сильны и очень исключительны, но и очень непостоянны. Они часто воодушевляются и возгораются энтузіазмомъ, но это длится у нихъ недолго; они часто переходятъ отъ перевозбужденія къ подавленному состоянію духа: они раздражительны, полны духа противорѣчія; по отношенію къ другимъ они зачастую довольно наступательны (агрессивны) и недоброжелательны, легко сердятся, подвержены быстропроходящимъ припадкамъ гнѣва и даже буйства.

Г. Натуры страстныя. Очень острая чувствительность, въ связи съ пылкостью, жгучестью и силой желаній, съ горячностью какъ въ любви, такъ и въ ненависти.

Въ свою очередь они подраздѣляются слѣдующимъ образомъ:

1. Страстно-неустойчивыя, бурныя, мятежныя натуры, съ множествомъ пылкихъ страстей, съ безпорядочными побужденіями, — натуры, безпрерывно ки-

пящія, бросающіяся какъ бы толчками во всѣ стороны: смотря по обстоятельствамъ и по эмоціямъ данной минуты онѣ одинаково способны какъ на великія преступленія, такъ и на геройское самопожертвованіе.

2. Страстныя и цѣльныя. Эти натуры можно было-бы, пожалуй, назвать крупными, страстными натурами; про такого человѣка можно сказать, что онъ *не имѣетъ* страстей, а что онъ весь — воплощенная страсть, вѣчно живая и вѣчно неудовлетворенная. Въ этой рубрикѣ особенно важно принимать во вниманіе направленіе страсти и различать эгоистовъ, альтруистовъ, людей ума (интеллектуальныхъ) и мистиковъ *).

Нужно ли говорить, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, вліяніе одной и той же книги будетъ различно на каждую изъ вышеперечисленныхъ категорій? Нужно ли доказывать, что, въ цѣляхъ экономіи силъ и времени, неизбѣжно приходится сообразовать выборъ книги съ эмоціональной физіономіей читателя? Это особенно важно имѣть въ виду, ставя задачей самообразовательной работы творчество въ обыденной жизни.

Возьмемъ теперь классификацію психическихъ типовъ *по складу ума*. «Мыслить, говоритъ Малаперъ, это значитъ — судить. Сужденіе, въ конечномъ итогѣ, есть типъ всякаго интеллектуальнаго синтеза, такъ какъ оно заключается въ связываніи (сообразно съ соотношеніями, абстрактно воспринятыми умомъ) идейныхъ элементовъ, которые еще никогда не были комбинированы именно такимъ способомъ. Но это дальнѣйшее воспроизведеніе предполагаетъ предварительный анализъ, такъ какъ въ процессѣ сужде-

*) Малаперъ. Стр. 44—45.

нія, какъ выражается В. Вундтъ, мысль «не управляется единогласно представленіями, возникающими въ силу ассоціацій», — она выбираетъ *соотвѣтствующія* идеи и образы изъ многихъ системъ, она разбиваетъ узы, до того времени связывавшія ихъ, раздѣляетъ ихъ, находитъ въ нихъ различія, а затѣмъ приводитъ ихъ снова въ связь (координируетъ), подчиняя ихъ снова нѣкоторымъ руководящимъ понятіямъ. Но эти-то два дѣйствія — анализъ и синтезъ, диссоціація и ассоціація, хотя они и наблюдаются всегда и вездѣ, тѣмъ не менѣе могутъ получить въ соотвѣтствующихъ умахъ относительный перевѣсъ. И этотъ-то принципъ имѣетъ огромное значеніе для интересующей насъ классификаціи. А смотря по тому, что преобладаетъ въ психикѣ данной личности, — автоматизмъ или умственная активность, и смотря по тому, что въ томъ и другомъ случаѣ сильнѣе, — диссоціація или ассоціація, — сообразно съ этимъ получаютъ опредѣленный обликъ и разныя функціи ума, — память, воображеніе, ассоціація идей, вниманіе, сужденіе, разсужденіе и т. д. Разумѣется, ни автоматизмъ, ни умственная активность не встрѣчаются въ абсолютно чистомъ и постоянномъ видѣ, — здѣсь рѣчь идетъ лишь о *степени*, объ *относительномъ* преобладаніи. Такимъ образомъ, говоритъ далѣе Малаперъ, все съ большей опредѣленностью выдѣляется нѣкоторое количество *интеллектуальныхъ типовъ*, достаточно общихъ и все же достаточно характерныхъ». Вотъ эти типы (по Малаперу же):

А. Первая категорія умовъ — съ сильнымъ преобладаніемъ того, что можно назвать *умственной диссоціаціей*. Это категорія умовъ безсвязныхъ, негармоничныхъ, неуравновѣшенныхъ, разбросанныхъ, разсѣянныхъ. Въ умственной жизни такихъ людей

господствуетъ постоянная путаница представленій. Память у нихъ не повреждена, но отличается неточностью воспроизведенія. Механизмъ воспоминанія дѣйствуетъ невѣрно. Воспоминанія не укладываются въ системы, логически связанныя между собой: въ памяти возникаютъ иногда съ необыкновенной быстротой случайныя ассоціаціи по смежности или по сходству, непомѣрно разросшіяся въ ущербъ способностямъ разсужденія и сужденія. Образы, подсказываемыя воображеніемъ, спутываются и смѣшиваются, сливаются. Умъ подпадаетъ подъ вліяніе перваго попавшагося впечатлѣнія, вниманіе совершенно пассивно, направлено во всѣ стороны сразу, неустойчиво, неспособно сосредоточиваться. Это умы легкомысленные, нетерпѣливые, легко удовлетворяющіеся первымъ попавшимся мнѣніемъ, приблизительнымъ сравненіемъ, простой игрой словъ; у нихъ нѣтъ ни желанья, ни времени, ни способности разсуждать, исправлять первую поверхностную оцѣнку посредствомъ новыхъ сужденій, при помощи болѣе подробнаго анализа и болѣе внимательнаго сравненія. Уже по этому самому такіе умы по большей части умы неточные. Они не различаютъ предметовъ и идей съ достаточной тщательностью, не схватываютъ глубокихъ различій, скрытыхъ подъ поверхностнымъ сходствомъ, не сличаютъ своихъ мнѣній съ мнѣніями другихъ людей. Имъ недостаетъ руководящихъ и регулирующихъ идей, они не систематизируютъ всѣхъ интеллектуальныхъ элементовъ. Несогласія и противорѣчія, существующія между этими послѣдними, ихъ ничуть не смущаютъ, — они вѣдь не замѣчаютъ ихъ. Это умы прежде всего нелогичные и подверженные какъ бы сразу двумъ противоположнымъ недостаткомъ: глупой легковѣрности

и склонности къ неразумнымъ сомнѣніямъ. Все это мѣшаетъ пріобрѣтенію прочныхъ и устойчивыхъ убѣжденій, впрочемъ, отнюдь не мѣшая развитію смѣшного упрямства. А изъ недостатка индивидуальной и независимой умственной дѣятельности естественно вытекаетъ крайнее безвѣріе и неспособность составлять себѣ самостоятельное разумное мнѣніе о чемъ-либо и въ то же время способность противостоять внѣшнимъ вліяніямъ, будь то вліяніе событій или внушенія людей. Въ предѣлахъ этой группы интеллектуальныхъ типовъ можно въ свою очередь подмѣтить различія, — такъ сказать, подъ-типы. Таковы, напр. (крайнее его выраженіе), типы самые безсвязные, приближающіеся къ типу слабоумнаго и паралитика, далѣе, ребячливые и легкомысленные, не способные возвыситься до отвлеченнаго мышленія, люди, безсознательно поддающіеся ощущеніямъ даннаго момента, живущіе, такъ сказать, исключительно въ настоящемъ и скользящіе по поверхности всѣхъ вещей и явленій, далѣе, умы путанные, но умственная дѣятельность которыхъ все же возвысилась уже до болѣе высокаго уровня, умы, которымъ недостаетъ равновѣсія, мѣры и порядка, методичности и разсужденія, — словомъ, той гармоничной координаціи, которую только и способны создать умы высшаго типа; наконецъ, есть и такіе умы данной же категоріи, которые хотя и способны уже къ разсужденію и къ сужденію, но все-таки организованы еще весьма несовершенно. Малаперъ называетъ ихъ умами «множественными»: въ такомъ умѣ существуетъ сразу нѣсколько системъ одновременно, не соединяясь, не уравновѣшивая, не исправляя, не контролируя одна другую; при этомъ каждая система, взятая въ отдѣльности, достаточно связна.

Слѣдующій типъ или складъ ума — типъ, характерная черта котораго состоитъ въ *преобладаніи воображенія*. А когда оно преобладаетъ въ какомъ-либо умѣ, справедливо говоритъ Малаперъ, оно развивается въ немъ всегда въ ущербъ осторожному и терпѣливому размышленію, въ ущербъ отвлеченному и строго научному знанію. Такой человѣкъ лишь неохотно принуждаетъ себя къ добросовѣстному и точному наблюденію (и изученію). Его воображеніе изображаетъ и видоизмѣняетъ, но отнюдь не помогаетъ констатированію фактовъ. Оно относится нетерпѣливо ко всякому хладнокровному логическому контролю и охотно подставляетъ на мѣсто истины свои собственныя видѣнія. Оно какъ бы стремится къ обезцѣненію опыта, къ ослабленію практическаго и критическаго ума. Человѣкъ, у котораго преобладаетъ воображеніе, плохо принимаетъ въ расчетъ неизбѣжные законы, управляющіе вселенной, и менѣе чувствителенъ къ противорѣчію, существующему между реальнымъ и идеальнымъ, тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что кажется. Но воображеніе предполагаетъ болѣе богатую и болѣе тонкую память, а также преобладаніе ассоціацій по сходству, скорѣе способствующихъ изобрѣтенію, чѣмъ точному воспроизведенію. Воображеніе возбуждаетъ мысль не по законамъ обыкновенной логики, подчиняясь лишь общимъ и отвлеченнымъ идеямъ, а свои фантазіи съ чрезвычайной силой навязываютъ мысли. Поэтому тѣ люди, у которыхъ воображеніе экзальтировано, нерѣдко становятся какъ бы игрушками въ рукахъ собственныхъ фикцій. Вниманіе у такихъ людей не свободно. Оно не можетъ сосредоточиться самопроизвольно. Читатель, у котораго преобладаетъ воображеніе, мало способенъ вѣрно координировать

свои мысли. Разсужденія его лишены точности, или, вѣрнѣе, эти разсужденія не развиваются въ видѣ одной непрерывной цѣпи, — они сбиваются съ пути и прерываются. Убѣжденія такого человѣка не являются результатомъ строгаго размышленія. Къ этому-то классу и принадлежатъ тѣ люди, у которыхъ литературное развитіе, реторическія фигуры и метафоры заступаютъ мѣсто діалектики и замѣняютъ собой аргументы и факты. И этотъ видъ людей можетъ также раздѣляться на цѣлый рядъ разновидностей. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить такихъ, у которыхъ воображеніе болѣе подвижно, болѣе конкретно и преимущественно останавливается на чувствахъ и эмоціяхъ. Это сочетаніе типа аффективнаго и типа съ преобладающимъ воображеніемъ. Это сентиментальные и романтическіе мечтатели. Далѣе, существуютъ люди съ воображеніемъ пылкимъ, но болѣе систематизированнымъ, стремящимся развиваться всецѣло въ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи, подъ вліяніемъ одной волнующей наклонности, одного желанія, одной страсти. Въ крайне выраженной степени мы встрѣчаемъ этотъ типъ воображенія у больныхъ, одержимыхъ «систематическимъ бредомъ». Малаперъ называетъ людей этого типа «страстными съ преобладаніемъ воображенія». Наконецъ, воображеніе можетъ, такъ сказать, предаваться игрѣ само для себя, ради удовольствія комбинировать блестящіе образы и составлять изъ нихъ грандіозныя системы. Оно пользуется для этого либо формами, либо красками, либо звуками, или же чисто идеальными элементами. Все это оказываетъ рѣзко выраженное вліяніе на читательство.

Переходимъ теперь къ складу ума совершенно иного рода. До сихъ поръ здѣсь шла рѣчь о тѣхъ

формахъ ума, гдѣ, повидимому, преобладаетъ автоматическая диссоціація умственныхъ элементовъ. Но кромѣ такихъ типовъ существуютъ другіе, въ умѣ которыхъ, наоборотъ, бросается въ глаза *автоматическая ассоціація.* Дѣятельность ума грѣшитъ здѣсь не избыткомъ независимости, а, наоборотъ, избыткомъ связанности. Система, почему-либо сложившаяся въ такомъ умѣ, какъ бы все снова и снова возстановляется въ томъ же самомъ видѣ и всячески противится введенію новыхъ и обновляющихъ элементовъ: машина заведена и ходитъ правильно, но исполняетъ одну и ту же работу. Память можетъ быть при этомъ развита очень хорошо, но обыкновенно ей недостаетъ легкости запоминанія и быстроты вспоминанія. Впрочемъ, она не лишена широты захвата и способности долго удерживать воспринятое. Болѣе того, ея чрезмѣрная точность и составляетъ ея главнѣйшій недостатокъ. И правда, — воспоминанія здѣсь образуютъ собой какъ бы плотную массу, отъ которой ничего нельзя отнять, и каждое отдѣльное воспоминаніе влечетъ за собой неизбѣжно всѣ прочія, часть которыхъ оно составляетъ. Это «механическая память», по терминологіи Вундта (въ отличіе отъ памяти логической), память необработанная (дикая, brute), которой противоставляется память организованная. Она образуется, поддерживается и существуетъ безъ умственныхъ усилій, безъ участія дѣятельности ума. Она не способна выбирать и распознавать, она не связана ни съ толкованіями, ни съ сужденіями, — словомъ, это не есть предметъ выработки ума. Воображеніе же при этомъ тускло и вяло. Оно почти никогда не способно воспроизводить новые образы. Ассоціаціи по смежности преобладаютъ. Это обстоятельство вредитъ пониманію,

хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и составляетъ благопріятное условіе для запоминаній и воспоминаній. Воспоминанія выстраиваются въ незыблемые ряды, способные противостоять даже разсудку, требующему иного распредѣленія. Характернѣйшее проявленіе такого типа ума можно наблюдать у тѣхъ, очень недалекихъ, даже слабоумныхъ людей, которые выкладываютъ все, что они знаютъ, въ той послѣдовательности, въ какой оно было ими заучено, ничего иной разъ изъ всего этого не понимая. Вниманіе у людей такого типа не гибко и тяжеловѣсно. Оно не можетъ фиксироваться на чемъ-нибудь сразу, — это фиксированіе должно осуществляться постепенно. А разъ фиксировавшись на какомъ-нибудь предметѣ, оно уже съ трудомъ отрывается отъ него, и люди такого склада ума вообще съ великимъ трудомъ могутъ управлять имъ. Малаперъ называетъ такихъ людей «сосредоточенно-разсѣянными». У нихъ множество мыслей проходятъ сквозь голову, какъ бы не задерживаясь, потому что вниманіе ихъ занято въ другомъ мѣстѣ. Да у нихъ, кромѣ того, недостаетъ и необходимой живости, для того, чтобы схватывать идеи въ тотъ самый моментъ, когда онѣ приходятъ къ нимъ извнѣ. Наконецъ, сужденіе и разсужденіе у людей такого типа совсѣмъ отсутствуетъ. А ихъ мѣсто заступаетъ упомянутой выше автоматизмъ. Если эти люди и способны разсуждать, то ихъ разсужденіямъ недостаетъ оригинальности: это нѣсколько вульгарный «здравый смыслъ» людей, получившихъ извнѣ или составившихъ себѣ небольшое количество сужденій и теорій и крѣпко за нихъ держащихся, научившихся формулировать извѣстныя разсужденія и пускать ихъ въ ходъ по поводу какого угодно вопроса. Лишенные любознательности,

лишенные плодовитости, безъ индивидуальной силы, такіе люди не умѣютъ обогащать, обновлять свой умъ, становиться на новыя точки зрѣнія, расширять свой горизонтъ. Малаперъ намѣчаетъ слѣдующія разновидности этой категоріи: а) прежде всего люди немощные умомъ, попросту сказать, глупые. Ихъ умъ погруженъ, повидимому, въ какое-то безнадежно тупое состояніе, въ настоящее умственное оцѣпенѣніе, изъ котораго они выходятъ лишь для того, чтобы выполнять свои обычныя и привычныя дѣла; в) умы ограниченные, рутинные. У нихъ нѣтъ недостатка въ здравомъ смыслѣ, но все же они тяжеловѣсны и слишкомъ грузны. Жизнь такихъ людей протекаетъ въ предѣлахъ ограниченнаго круга. Они вѣчно подражаютъ себѣ и другимъ. Они равнодушны ко всѣмъ духовнымъ интересамъ, почти совсѣмъ лишены воображенія и сейчасъ же теряются, когда что-нибудь извлекаетъ ихъ изъ круга ихъ обычныхъ обязанностей; с) сюда же относятся умы узкіе. Они могутъ разсуждать, располагать свои мысли въ системы, но они черезчуръ систематичны и никогда не выходятъ изъ предѣловъ своихъ теорій, а разсуждаютъ плохо, такъ какъ обо всемъ мыслятъ однимъ и тѣмъ же способомъ. Нѣкоторые спеціалисты, слѣпо погруженные въ свою спеціальность, могутъ служить образцами этого типа.

Переходимъ теперь къ группѣ тѣхъ умовъ, которые заслуживаютъ названія умовъ *активныхъ и индивидуальныхъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это люди, мыслящіе самостоятельно. Ихъ характерная черта — умственное равновѣсіе, интеллектуальная гармонія, естественная или сознательно пріобрѣтенная. Память у такихъ людей не всегда одинаково богата, но всегда точна, и они умѣютъ пользоваться ею.

Воображеніе уравновѣшено, урегулировано при помощи вниманія и размышленія. Послѣдовательность мысли всегда логична. Вниманіе уже не пассивно, но активно и произвольно: это какъ бы инструментъ въ привычныхъ и ловкихъ рукахъ, инструментъ, которымъ пользуются не только для одной единственной опредѣленной цѣли, но и для всевозможныхъ работъ, смотря по надобности. Въ такомъ видѣ вниманіе является основаніемъ свободы, удивительнымъ источникомъ умственной энергіи. Это наиболѣе высокій и наиболѣе идеальный читательскій типъ. Въ немъ Малаперъ различаетъ нижеслѣдующія группы: прежде всего слѣдуетъ отмѣтить людей съ аналитическимъ складомъ ума, великолѣпно различающихъ все то, что отличаетъ одни предметы отъ другихъ, прекрасно умѣющихъ разлагать теоріи и входить во всѣ подробности вопроса. Такого рода люди болѣе способны проникать и, такъ сказать, приспособляться, чѣмъ строить и создавать. Но у такого типа нерѣдко наблюдается и избытокъ проницательности, такъ что они не находятъ въ себѣ достаточно силъ для выработки общаго міросозерцанія, понятнаго и въ то же время объединеннаго. Такіе люди очень чувствительны ко всякому конфликту, ко всякому противорѣчію идей: они во всемъ сомнѣваются. Это умы безпокойные, склонные къ скептицизму и сомнѣнію. Къ этому типу примыкаетъ слѣдующая разновидность его: «Когда съ одной стороны, говоритъ Малаперъ, аналитическія наклонности развиваются до крайности, а съ другой — замѣчается преобладаніе ассоціацій по контрасту, мы имѣемъ передъ собой типъ *спорщика*. Этотъ типъ обладаетъ странной способностью находить вездѣ всевозможныя затрудненія и поводы къ возраженіямъ: отсюда получается на-

клонность къ противорѣчію, къ умственной воинственности, если можно такъ выразиться, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторый избытокъ разсужденій, точнѣе говоря, избытокъ разсужденій безплодныхъ». Слѣдующая группа, представляющая разновидность того же типа, характеризуется такими качествами: сюда относятся люди, «разсматривающіе всѣ предметы въ извѣстной связи, воспринимающіе ихъ, какъ одно цѣлое, и при томъ видящіе ихъ точно и опредѣленно. Если они примѣняютъ эти свои качества на практикѣ къ своей дѣятельности, къ своему поведенію, то изъ нихъ получаются умы разсудочные, уравновѣшенные, прямые и практическіе. Это люди опредѣленные и внимательные. Сужденія ихъ вѣрны и точны. Иногда они немного черезчуръ положительны и неспособны къ смѣлому полету мысли, къ энтузіазму, порыву. Въ соотвѣтствіи съ этимъ они немного робки и склонны противодѣйствовать (и даже довольно энергично) всѣмъ новымъ идеямъ. Это скорѣе консерваторы, чѣмъ новаторы». Слѣдующій типъ представляетъ дальнѣйшее развитіе предыдущаго. «Если умъ человѣка охотнѣе всего направляется въ сторону отвлеченнаго мышленія, то получается умъ спекулятивный, умъ широкій и созидающій, — будь то умъ дедуктивный или индуктивный, способный къ широкимъ обобщеніямъ или къ длиннымъ послѣдовательнымъ разсужденіямъ, прилагающій свои способности либо къ міру явленій и внѣшней жизни, либо къ міру идей и чувствъ. Это мыслители *логичные*, ученые и философы. Иногда они черезчуръ внимательны, преувеличиваютъ, переоцѣниваютъ значеніе своихъ руководящихъ понятій. А когда иные люди этой разновидности стараются примѣнить во что бы то ни стало эти понятія къ реальной жизни, то для этого, пожа-

луй, готовы даже уродовать эту реальную жизнь и насиловать ее».

Выше была дана классификація человѣческихъ типовъ по эмоціямъ и по интеллекту. Теперь будетъ рѣчь итти о классификаціи ихъ по ихъ *активности*. Эта сторона человѣческой личности имѣетъ, быть можетъ, особенно важное значеніе съ точки зрѣнія книжнаго вліянія. Вѣдь вліяніе книги опредѣляется именно ея внѣдреніемъ въ жизнь чрезъ носителя книжнаго содержанія, — человѣка. Въ зависимости отъ его активности находится и это внѣдреніе. Разные люди бываютъ различны и въ этомъ отношеніи. Малаперъ даетъ слѣдующую классификацію людей по ихъ активности, понимая подъ этимъ словомъ, въ отличіе отъ воли, какъ «потребность къ затратѣ нервной энергіи, такъ и способность къ ней, проявляющіяся въ формѣ какихъ либо дѣйствій». «Человѣкъ думаетъ и чувствуетъ для того, чтобы дѣйствовать, справедливо говоритъ Малаперъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ перевозбужденная чувствительность развивается въ ущербъ активности и какъ бы сама становится на первый планъ. Бываетъ, конечно, и такъ, что знаніе, умственная работа поглощаетъ всю область психической жизни до такой степени, что сама мысль становится въ одно и то же время и эмоціей, и дѣйствіемъ. Но, въ сущности, можетъ быть, и въ этомъ случаѣ дѣло сводится только къ различію въ направленіи активности, которая не исчезаетъ, а только подвергается нѣкоторому измѣненію. Во всякомъ случаѣ, какъ развитіе активности, такъ и ея разслабленіе придаютъ психической индивидуальности въ высшей степени характерный отпечатокъ». Различіе въ активности служитъ исходной точкой для образованія различныхъ

чертъ характера. Такъ, напр., извѣстно, что «предъ лицомъ страданія» разные люди ведутъ себя весьма различно. Однихъ людей страданіе сламываетъ, угнетаетъ. Если они и реагируютъ на него, то какъ-то порывисто и мимолетно. Другіе же наоборотъ — склонны бороться со страданіями, или, по крайней мѣрѣ, всегда готовы воспрянуть послѣ минутной слабости. Передъ лицомъ препятствій одни останавливаются и теряются, бросаютъ всѣ свои планы, тратятся на безцѣльныя жалобы, на безполезныя сожалѣнія; другимъ, наоборотъ, препятствія какъ бы придаютъ новыя силы. Они сознаютъ присущую имъ энергію и, благодаря этому, самыя препятствія кажутся имъ менѣе значительными, — болѣе того, — они какъ бы придаютъ особый интересъ всей дѣятельности. Человѣкъ инертный повсюду видитъ предлоги къ бездѣйствію: онъ стремится къ тому, чтобы не дѣлать никакихъ усилій, кромѣ самыхъ необходимыхъ; онъ предпочитаетъ или status quo, или самые необходимые выходы изъ затрудненій. Человѣкъ активный, наоборотъ, предпочитаетъ все то, что требуетъ отъ него движенія». Всѣ эти виды активности вліяютъ въ свою очередь на умъ, и на процессъ, и на результаты читательства. Въ зависимости отъ типа активности «является либо умственная робость, медлительность въ рѣшеніяхъ, любовь къ созерцанію, либо же, наоборотъ, неспособность къ отвлеченному и безкорыстному мышленію, склонность къ черезчуръ быстрымъ и необдуманнымъ рѣшеніямъ, презрѣніе къ теоретическимъ построеніямъ, къ діалектическимъ тонкостямъ, неумѣнье взвѣшивать возраженія, отвращеніе къ разсудочности». Малаперъ даетъ слѣдующую классификацію главнѣйшихъ видовъ активности.

А. Не-активные: 1) Апатичные въ точномъ смыслѣ этого слова, — вялые, безпечные, сонные, инертные. 2) Не-активные отъ избытка эмоціональности. 3) Не-активные отъ избытка разсудочности. *Б. Активные:* 1) Активно-медлительные, тяжеловѣсные, спокойные, постоянные. 2) Активно-возбужденные, живые, подвижные, смѣлые, дерзкіе, воинственные, экспансивные, вѣчно спѣшащіе, вѣчно ищущіе все новыхъ предпріятій. 3) Великіе дѣятели, энергія которыхъ въ одно и то же время и могуча, и горяча, и постоянна. *В. Реагирующіе:* 1) Подвижные, раздражительные, капризные. 2) Пылкіе, импульсивные, порывистые. Всѣ эти формы активности въ свою очередь вліяютъ на всѣ остальные элементы психики: онѣ способствуютъ развитію тѣхъ или иныхъ наклонностей чувствительности, такихъ-то и такихъ-то типовъ ума. Разумѣется, всѣ эти свойства активности вліяютъ на развитіе и направленіе воли, въ области которой намѣчается въ свою очередь цѣлый рядъ типовъ, вліяющихъ на весь процессъ читательства, на отношеніе человѣка къ книгѣ. Тотъ же авторъ выдвигаетъ нижеслѣдующіе главнѣйшіе типы, выражающіе собой существенныя формы воли, какія встрѣчаются у разныхъ людей: 1) Люди, которые не могутъ, не умѣютъ, не желаютъ хотѣть: это люди безвольные. 2) Люди, у которыхъ воля имѣетъ какъ бы случайный характеръ, у которыхъ она начинаетъ только формироваться, но носитъ еще какой-то переходный и непостоянный характеръ. 3) Наконецъ, люди дѣйствительно сильной воли. Въ классѣ людей безвольныхъ, въ свою очередь, намѣчаются три главнѣйшихъ формы: 1) Аморфные (безформенные). Люди бездѣятельные, безъ инициативы, податливые и мягкіе, какъ тѣсто, на которыхъ рѣшительно все оста-

вляетъ свой отпечатокъ. 2) Рутинеры, рабы своихъ привычекъ, дѣятельность которыхъ сведена, нѣкоторымъ образомъ, къ роли машины. Въ томъ и другомъ случаѣ воля отсутствуетъ просто за неимѣніемъ какихъ-либо импульсовъ (побужденій). 3) Наконецъ, такіе люди, у которыхъ, вслѣдствіе избытка импульсовъ, воля не можетъ формироваться; это люди импульсивно-неустойчивые, постоянно мѣняющіе свою физіономію, люди съ причудами, порывистые и неуравновѣшенные. Въ категоріи людей, у которыхъ воля уже существуетъ, но ей недостаетъ твердости, выдержки, постоянства, намѣчается также рядъ разновидностей. 1) Люди слабой воли, слишкомъ легко поддающіеся постороннимъ внушеніямъ, слишкомъ легко принимающіе чужіе совѣты (въ томъ числѣ и исходящіе изъ книгъ), легко присоединяющіеся къ первому попавшемуся выслушанному мнѣнію, но все же склонные къ неразумному упрямству и къ нелѣпому упорству, въ чемъ также проявляется ихъ слабость. Это ничто иное, какъ высшая, болѣе высокая разновидность людей аморфныхъ; все же эти люди обыкновенно обладаютъ болѣе живой чувствительностью, болѣе высокимъ умомъ. 2) Люди нерѣшительные, колеблющіеся, робкіе, люди не осмѣливающіеся принимать какихъ-либо опредѣленныхъ рѣшеній, вслѣдствіе того, что они всегда стоятъ разомъ на множествѣ различныхъ точекъ зрѣнія и не могутъ остановиться ни на одной изъ нихъ. Они не умѣютъ хотѣть, потому что слишкомъ много разсуждаютъ, потому что у нихъ слишкомъ много сомнѣній, — моральныхъ и интеллектуальныхъ, а также потому, что въ самой ихъ природѣ лежитъ состояніе какого-то мучительнаго безсилія. 3) Наконецъ, люди капризные, подвижные, возбужденные, всецѣло от-

дающіеся тому, чего они хотятъ и что они дѣлаютъ, люди, способные къ проявленію энергіи, но страдающіе недостаткомъ духа послѣдовательности, отдающіеся одновременно или поочередно совершенно различнымъ и даже противоположнымъ вещамъ: въ нихъ нѣтъ ни постоянства, ни единства. Наконецъ, третій типъ, — люди *сильной* воли, способные къ послѣдовательнымъ, разсчитаннымъ, систематическимъ усиліямъ; ихъ дѣятельность, въ различныхъ ея стадіяхъ, всегда спокойна, уравновѣшена. У нихъ есть твердость и постоянство, не связанныя съ упрямствомъ; есть рѣшимость, но безъ слѣпого порыва и безъ легкомыслія. Смотря по характеру воли, активной или задерживающей, въ этой категоріи людей наблюдаются двѣ главныхъ разновидности.

1. Люди дѣла, люди съ длительной энергіей, подчиняющіе свои чувства разуму, предусмотрительные, знающіе, *чего* они хотятъ, *почему* они этого хотятъ, и съ упорствомъ держащіеся за то, чего они хотятъ. Нѣкоторые изъ нихъ болѣе пылки, другіе болѣе умѣренны и спокойны; нѣкоторые болѣе смѣлы, другіе болѣе сдержаны, но рѣзко отличающіеся съ одной стороны отъ людей апатичныхъ, равнодушныхъ и тяжеловѣсныхъ, съ другой — отъ людей «неистовыхъ», порывистыхъ, дѣятельность которыхъ, подобно молніи, «не созидаетъ, а разрушаетъ».

2. Люди, владѣющіе собой, направляющіе свою энергію на то, чтобы «завоевать не богатства, а самихъ себя», люди, умѣющіе отражать съ несокрушимой твердостью удары судьбы, насилія людей и наплывъ страстей, люди съ незыблемой стойкостью убѣжденій, всегда вѣрные своему идеалу человѣче-

скаго достоинства и благородства. Это порода мучениковъ, великихъ стоиковъ, людей *принципа* и долга *).

Изъ всего предыдущаго видно, что при всей пестротѣ человѣческихъ типовъ, все-таки въ этой пестротѣ можно до нѣкоторой степени разобраться, изучить ее, классифицировать наблюдаемыя здѣсь явленія по родамъ, видамъ и разновидностямъ (хотя, разумѣется, между всѣми ними, какъ всегда въ природѣ, границы отнюдь не рѣзки) и затѣмъ принять ту или иную классификацію за схему, которая помогала бы разбираться въ пестротѣ явленій, и на которую можно было бы опираться, подвергая читателей сравнительному изученію. Не въ томъ дѣло, чтобы принимать схему Малапера или Вундта, или Рибо, или Полана и т. д. за прочно установленныя, незыблемыя. Современное состояніе психологіи индивидуальной не позволяетъ еще сдѣлать этого. Схемы могутъ быть разныя. Но какія бы онѣ ни были, нельзя не видѣть, что каждый человѣкъ представляетъ собой *читателя* того или иного типа, въ зависимости отъ своего типа психическаго. Что касается до «читателя вообще», то его, какъ и книгъ вообще, не существуетъ и существовать не можетъ. Одна и та же книга дѣйствуетъ по разному въ зависимости отъ того, къ какой разновидности какого психическаго типа принадлежитъ данный читатель. Поэтому прежде, чѣмъ выбирать или рекомендовать книгу, нельзя не подумать, какому же собственно типу

*) Малаперъ. Элементы характера и законы ихъ сочетаній. Обращаемъ на эту книжку особое вниманіе тѣхъ читателей, которые стремятся присмотрѣться къ психическимъ разновидностямъ человѣчества. Здѣсь они найдутъ рядъ блестящихъ и интересныхъ характеристикъ, надъ которыми стоитъ подумать, да подумать и о себѣ самомъ, читая ихъ.

ты ее рекомендуешь. Каждая черточка психологіи всякаго человѣка отражается на читательствѣ. И чѣмъ важнѣе и рѣзче выражены эти черты, тѣмъ сильнѣе ихъ вліяніе. Вдумываться въ человѣческую личность сколько возможно глубже, понимать ее сколько возможно тоньше, — вотъ что особенно необходимо въ цѣляхъ экономизаціи силъ и времени. Кромѣ того, не вдумываясь въ человѣка, невозможно вдуматься и въ книгу, т. е. невозможно оцѣнивать и книги въ психологическомъ отношеніи, какъ съ точки зрѣнія психологіи автора, такъ и съ точки зрѣнія психологіи читателя. Такимъ образомъ, индивидуальная психологія естественно выступаетъ на первое мѣсто, и, исходя изъ этого, мы и должны удѣлять ей больше всего вниманія въ этомъ нашемъ докладѣ.

Впрочемъ, въ дальнѣйшія подробности человѣческой психологіи здѣсь мы не будемъ вдаваться, въ надеждѣ, что и вышеизложенныя схемы уже выясняютъ постановку вопроса достаточно. Пойдемъ теперь дальше и скажемъ нѣсколько словъ о читателѣ, какъ о единицѣ соціальной, — объ общественной сторонѣ его. Этого интереснѣйшаго вопроса, къ сожалѣнію, по недостатку мѣста, мы можемъ касаться еще въ меньшей степени и отмѣтить лишь самую суть вопроса.

Каждый изъ насъ — дѣтище не только своей расы и своей семьи съ ихъ наслѣдственностью, но также и своей среды, изъ которой всѣ мы черпаемъ матеріалъ, составляющій содержаніе нашей психики. Среда научаетъ насъ, какъ автоматично, безсознательно, такъ и сознательно, копить этотъ матеріалъ, распредѣлять его, классифицировать, связывать то такъ, то иначе, въ зависимости отъ нравовъ, привычекъ, традицій, интересовъ данной среды. Обстановка деревенской избы наполняетъ психику крестьянина

не тѣмъ и не такъ и сообщаетъ его мозгу не совсѣмъ такую дѣятельность, какъ это дѣлаетъ, напр., дѣтская какого-нибудь богача и т. п. Въ зависимости отъ объема понятій, впитываемыхъ изъ окружающей среды во время дѣтства, находится и содержаніе ихъ. Въ зависимости отъ эмоцій, внушаемыхъ и воспитываемыхъ въ разной средѣ по разному, и стремленій, и активности, и потребностей, и интересовъ тоже не одинаковыхъ, складываются въ разныхъ уголкахъ общества и разные силлогизмы. Точнѣе говоря, одна и та же человѣческая логика проявляется въ разной общественной средѣ не совсѣмъ одинаково. Интересы завѣдуютъ думами. Мужикъ, пролетарій, крестьянинъ, полицейскій, министръ, король думаютъ каждый свою думу, и потоки ихъ разсужденій текутъ въ разныя стороны, то смывая книжное содержаніе, то черпая силы изъ него. Можно ли забывать объ этомъ, говоря о процессѣ читательства? Врядъ ли можно сомнѣваться, что соціальная сторона его имѣетъ не меньше, а иногда и большее значеніе, чѣмъ индивидуальная сторона. Чрезвычайно интересную и на нашъ взглядъ прекрасную программу составили А. Лазурскій и С. Франкъ *), программу, которая имѣетъ очень большое значеніе и въ смыслѣ изученія читательства. Цѣль этой программы — изслѣдовать человѣческую личность въ ея отношеніи къ окружающей средѣ, точнѣе говоря, къ разнаго рода внѣшнимъ возбудителямъ, причемъ слово «среда» берется здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ и обнимаетъ всю сферу того, что противостоитъ «личности» и къ чему личность можетъ относиться такъ или иначе. Сюда вхо-

*) См. Рус. Школу, 1912 г., № 1—2.

дитъ и природа, и матеріальныя вещи, и другіе люди, и соціальныя группы, и духовныя блага (науки, искусства, религія), — и даже духовная жизнь самого человѣка, «поскольку послѣдняя также можетъ быть объектомъ извѣстнаго отношенія личности». «Отношеніе личности къ различнаго рода внѣшнимъ возбудителямъ можетъ быть и положительнымъ, и отрицательнымъ, и безразличнымъ: человѣкъ можетъ интересоваться извѣстной категоріей явленій или благъ, питать къ нимъ «склонность», чувствовать въ нихъ потребность, — или «ненавидѣть», «избѣгать» ихъ, испытывать къ нимъ «антипатію», или, наконецъ, быть къ нимъ «равнодушнымъ», проходить мимо нихъ такъ, что они нисколько не задѣваютъ его, не вызываютъ съ его стороны никакой отвѣтной, сколько-нибудь специфической реакціи» *). Разумѣется, наибольшее значеніе имѣютъ для характеристики соціальнаго облика читательской личности только тѣ интересы и склонности, «которые вытекаютъ изъ всего склада ея, представляясь для насъ типичными. Только тѣ изъ нихъ особенно важно знать, которые можно разсматривать какъ стойкіе, привычные, прочно укоренившіеся въ людяхъ извѣстнаго душевнаго склада». Въ отношеніяхъ каждаго человѣка къ любой категоріи явленій можно различать слѣдующія четыре стороны: 1) Наличность или отсутствіе опредѣленнаго интереса, склонности къ данной категоріи явленій и степень интенсивности этого интереса. 2) Качественныя особенности и специфическія (т. е. ему спеціально свойственныя) формы. 3) Уровень развитія и дифференцированности интереса. 4) Широта или объемъ его. Всѣ эти стороны развиваются

*) Тамъ же, стр. 4.

различно не только въ зависимости отъ личныхъ особенностей человѣка, но и въ зависимости отъ соціальной среды, вырастившей его. Программа А. Лазурскаго и С. Франка намѣчаетъ слѣдующія категоріи отношеній человѣка къ окружающему, о которыхъ не мѣшаетъ подумать, давая отчетъ о той роли, какую играетъ соціальная среда въ процессѣ читательства. 1. Отношеніе къ вещамъ (одеждѣ, жилищу, орудіямъ труда и т. д.). 2. Отношеніе къ природѣ и животнымъ (ср., напр., отношеніе фабрично-заводскаго рабочаго и крестьянина, столичнаго барчука и ученаго). 3. Отношеніе къ людямъ (равнымъ, высшимъ и низшимъ). 4. Отношеніе къ женщинѣ (въ деревнѣ оно, напр., значительно отличается отъ городского). 5. Общее отношеніе къ соціальной группѣ (сознаніе корпоративное и сознаніе общественное). 6—9. Отношеніе къ семьѣ, государству, труду, къ матеріальному обезпеченію (доходу) и собственности (и ея расходованію). 10. Отношеніе къ внѣшнимъ нормамъ жизни (къ праву, къ «условнымъ нормамъ», — напр., правиламъ вѣжливости и приличій). 11. Отношеніе къ нравственности. 12. Отношеніе къ міросозерцанію и религіи (общее отношеніе къ міру и жизни, и къ церкви, и вѣрѣ). 13. Отношеніе къ наукѣ и знанію (степень подготовки). 14. Отношеніе къ искусству (эстетическій интересъ). 15. Отношеніе къ самому себѣ (къ своей физической и психической жизни, къ своей личности). Нужно ли доказывать, говоря о соціальныхъ типахъ читателей, что всѣ эти отношенія, болѣе или менѣе различны въ различной общественной средѣ, что, изучая каждое изъ нихъ, нельзя не замѣтить и ихъ родовъ, видовъ и разновидностей, съ характерными чертами у каждаго, смотря по средѣ,

воспитавшей человѣка. Далѣе, какъ извѣстно, различныя комбинаціи этихъ типическихъ чертъ, въ свою очередь, болѣе или менѣе повторяются, въ результатѣ чего наблюдается цѣлый рядъ соціальныхъ типовъ, которые давнымъ давно нашли свое отраженіе и въ беллетристикѣ. Одна и та же книга, при прочихъ болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ, дѣйствуетъ по разному на читателей разныхъ соціальныхъ типовъ, независимо отъ его типа психическаго.

§ 5. Изученіе книжнаго вліянія. Соотношеніе типовъ книгъ и типовъ читательскихъ.

Что такое процессъ чтенія? Это процессъ *просѣиванія.* Ни одинъ читатель ни изъ какой книги не беретъ *всего,* что она могла бы дать, если бы его психика и психика авторская даже и могли быть совершенно схожими и неизмѣнными. Но, при ихъ измѣняемости съ ходомъ времени, даже самъ авторъ, читая въ разные моменты своей жизни то, что онъ самъ же написалъ, понимаетъ и переживаетъ написанное *не* одинаково. При разницѣ же психическихъ типовъ просѣиваніе наблюдается еще въ болѣе рѣзкой степени: читатель иного типа, если бы онъ даже и хотѣлъ, не можетъ взять изъ данной книги то самое и столько же, какъ читатель другого типа. Наблюдается различіе даже въ отношеніи къ такимъ книгамъ, содержаніе которыхъ, повидимому, только и остается, что понять и съ нимъ согласиться (напр., книги математическія, узко-фактическія). Но и онѣ на разныхъ людей производятъ разныя впечатлѣнія и возбуждаютъ разныя эмоціи. Иныхъ онѣ развиваютъ, иныхъ отупляютъ, иныхъ радуютъ, другихъ озлобляютъ и т. д. Всякой книгѣ приходится, прежде всего, считаться

съ типомъ читателя. Всякому читателю приходится считаться съ типомъ книги. Его приспособленіе къ ней всегда имѣетъ предѣлъ, его же не прейдетъ.

Изученіе читателей съ психической и соціальной точки зрѣнія не можетъ не привести къ цѣлому ряду выводовъ, крайне интересныхъ и важныхъ не только въ теоретическомъ, но и въ практическомъ отношеніи. Опираясь на это явленіе, можно сдѣлать, какъ увидимъ ниже, и попытку усиленія книжнаго вліянія путемъ индивидуализаціи самообразованія и чтенія.

Здѣсь мы приходимъ къ основному вопросу,— вопросу о сбереженіи времени, силъ, а значитъ, и средствъ въ дѣлѣ самообразованія. Вопросъ таковъ: Какъ ихъ сберегать? При помощи какихъ практическихъ пріемовъ? Отвѣтъ на него таковъ: при помощи раціональнаго соотвѣтствія выбираемыхъ для чтенія и изученія книгъ съ личными особенностями читателя. Чѣмъ полнѣе будетъ это соотвѣтствіе, тѣмъ полнѣе и лучше будутъ сберегаться силы. Внимательное и глубокое изученіе книги съ одной стороны и читателя съ другой даетъ возможность провести такое соотвѣтствіе очень глубоко, а главное — провести гораздо глубже, чѣмъ это обыкновенно дѣлается,— даетъ возможность замѣнить слѣпое подсовываніе или указываніе книгъ раціональнымъ выборомъ ихъ, опирающимся на естественныя, такъ сказать, природныя основанія. Такимъ способомъ получается возможность достигать наибольшихъ результатовъ при наименьшемъ количествѣ книгъ, давая, вмѣстѣ съ тѣмъ, не меньшее количество знанія, пониманія и настроенія, чѣмъ какія выносятся обыкновенно изъ школы, избѣгая при этомъ той тренировки и того натаскиванія, какія неизбѣжно всегда

бываютъ, когда учащемуся приходится вкладывать въ себя нѣчто непонятное, неинтересное, скучное, не соотвѣтствующее его природѣ, — хотя бы и нужное. Изученіе читателей и книгъ и раціональная постановка ихъ взаимодѣйствія есть одинъ изъ лучшихъ способовъ, если не единственно-возможный, усилить вліяніе книги, а для людей, находящихся въ тискахъ соціальной несправедливости, и тѣмъ болѣе единственно возможный. За изученіемъ типовъ книгъ и типовъ читателей (психическихъ и соціальныхъ) изученіе ихъ соотношенія слѣдуетъ естественно, иначе говоря, разработка уже поставленнаго выше вопроса: на читателя какого типа какой типъ книги какъ дѣйствуетъ, при какихъ условіяхъ и въ какое время? имѣетъ громадный *практическій* интересъ. Не изучивъ типовъ книгъ и типовъ читателей, невозможно изучить и ихъ соотношенія. На эту-то сторону и обратилъ свое вниманіе Э. Геннекенъ, дедукціи котораго мы лично сдѣлали попытку въ нашихъ трудахъ подтвердить и развить индуктивно. Изученіе книжнаго вліянія, — это вопросъ опять-таки крайне обширный, важный и интересный, и онъ разрабатывается нами въ другомъ мѣстѣ. Геннекенъ въ своихъ «Essais sur la critique scientifique» весьма опредѣленно поставилъ его еще въ 1883 г. Онъ доказывалъ, что между особенностями читаемой книгой и психическими особенностями читателя есть опредѣленная связь. Эту связь нужно изучить. (Теперь мы знаемъ, что современная экспериментальная психологія мало-по-малу вырабатываетъ и методы этого изученія). Геннекенъ далѣе говоритъ, что *всѣ* психическія особенности и даннаго читателя, и данной книги, такъ или иначе отражаются и на томъ, какъ данная книга читается, и

какъ воспринимается ея содержаніе даннымъ читателемъ, и *что* именно имъ усваивается изъ нея, и что не усваивается, въ зависимости отъ особенностей, т.-е. отъ индивидуальности даннаго читателя. Геннекенъ идетъ и далѣе. Онъ говоритъ, что книга тогда именно сильнѣе дѣйствуетъ на читателя, когда психическая организація автора аналогична съ психической организаціей читателя. Этимъ Геннекенъ, такъ сказать, перебрасываетъ поддающійся изученію мостикъ: во 1), между писателемъ и его твореніемъ; во 2), между книгой и читателемъ; въ 3), между книгой и толпой, множествомъ читателей. Каждая книга, циркулирующая въ толпѣ, — это своего рода реактивъ. Съ ея помощью, справедливо говоритъ Геннекенъ, можно нѣкоторымъ образомъ производить психическій анализъ толпы, наблюдая тотъ пріемъ, который оказываютъ данной книгѣ люди разныхъ психическихъ и иныхъ типовъ, и изучая, и анализируя ихъ отношенія къ данной книгѣ, и сопоставляя читателей разныхъ типовъ съ качествами данной книги, другими словами, съ типами книгъ. Куммеръ въ своей «Geschichte der deutschen Literatur» вводитъ и въ изученіе литературы изученіе читательства, какъ одного изъ факторовъ литературнаго развитія даннаго народа и одного изъ крайне важныхъ условій литературнаго успѣха, а, значитъ, и вліянія данныхъ авторовъ въ данный моментъ и въ данной средѣ. Массовое изученіе читательства въ будущемъ несомнѣнно дастъ, а отчасти уже даетъ и теперь, возможность изучать и относительное распространеніе различныхъ психическихъ и соціальныхъ типовъ въ данной общественной средѣ. При такой постановкѣ, въ *дѣло составленія программъ и вообще въ дѣло содѣйствія самообразованію входитъ новый факторъ, — самъ*

читатель, его личность, а также его среда. Передъ нами своего рода психосоціологическій законъ, съ которымъ нельзя не считаться и который, разумѣется, надо всячески использовать, принимаясь за содѣйствіе самообразованію широкихъ массъ. Разумѣется, этимъ мы не хотимъ сказать, что использованіе того же закона окажется безполезнымъ въ другой средѣ. Но мы считаемъ необходимымъ подчеркнуть, — и далѣе увидимъ это, говоря о практикѣ, что въ той средѣ, которую мы въ нашемъ докладѣ имѣемъ прежде всего въ виду, использованіе даннаго закона не можетъ не быть плодотворнымъ. Но что значитъ «использовать»? Это значитъ, — изъ области теоріи перейти въ область практики, отъ постановки задачъ къ ихъ осуществленію, отъ изслѣдованія — къ искусству. Составленіе самообразовательныхъ программокъ примѣнительно къ данной личности, дѣйствительно, прежде всего представляетъ изъ себя искусство и предполагаетъ умѣнье, навыкъ, чутье и, если угодно, библіологическій нюхъ. Его и нужно въ себѣ вырабатывать, кто-бы вы ни были, читатель. Сама жизнь заставляетъ теперь людей дѣлаться распространителями знанія, пониманія и настроенія. Значитъ, надо и готовиться къ такой работѣ, чтобы не дѣлать ее хуже, чѣмъ и вы ее можете дѣлать...

Опираясь на нашу библіотечную практику, которая позволила наблюдать читающую толпу, массу, и на матеріалы, собранные при помощи особыхъ, нами составленныхъ программъ и особыхъ анкетъ, съ 1909 г. мы приступили къ предварительной разработкѣ *теоретической психологіи читательства,* — отрывки изъ этой работы мы и опубликовали въ журналахъ «Русская Школа», «Школа и Жизнь» и др. періодич. изданіяхъ, хотя, по непредвидѣннымъ об-

стоятельствамъ, появленіе этой уже давно печатающейся книги нѣсколько и замедлилось. Въ этой второй нашей работѣ, представляющей изъ себя дополненіе къ изученію книжныхъ богатствъ, сдѣланному нами въ «Среди книгъ», мы, не касаясь изученія этихъ богатствъ, переходимъ къ изученію читательскихъ типовъ, индивидуальной читательской психологіи, — которая и должна обосновать теоретически то, что мы называли *индивидуализаціей самообразованія*. Но теоріи еще мало, — нужна практика.

§ 6. Содѣйствіе самообразованію на почвѣ изученія книгъ и читателей.

Выше было сказано, что является необходимымъ придать всему дѣлу содѣйствія самообразованію нѣсколько иную постановку, чѣмъ какая придается теперь, и базировать это дѣло не только на здравомъ смыслѣ, а прежде всего на научномъ, детальномъ и тщательномъ изученіи индивидуальности читателя. Индивидуальность читателя — это значитъ, прежде всего, особенности его психики. Цѣлые отдѣлы современной психологіи (индивидуальной, экспериментальной) занимаются ихъ изученіемъ, и можно надѣяться, что уже скоро эта отрасль науки сдѣлается необходимымъ пособіемъ для распространенія знаній вообще какъ путемъ школы, такъ и внѣ школы. Но и въ настоящее время не трудно понять все значеніе индивидуальной и экспериментальной психологіи въ дѣлѣ самообразованія *). Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу: имѣя въ виду содѣйствіе самообразованію трудящихся классовъ и

---

*) См. „Письма къ читателямъ“, „Практика самообразованія“.

понимая громадное значеніе, какое здѣсь имѣетъ экономизація силъ, нельзя не придать всему этому дѣлу такую постановку: положить въ ея основу, во 1-хъ, *планомѣрное и цѣлесообразное изученіе данной среды*, во 2-хъ, изученіе тѣхъ *индивидуальностей*, которымъ приходится помогать. Только при такой постановкѣ дѣла экономизація силъ, времени, а, значитъ, и средствъ, мыслима и дѣйствительно возможна.

«Экономизація должна опираться на индивидуализацію, индивидуализація — на возможно точное, научное экспериментальное изученіе читателя и его среды».

Такъ мы формулируемъ основной принципъ цѣлесообразной помощи въ дѣлѣ самообразованія, практическая постановка котораго является, какъ мы сами увидимъ, простымъ логическимъ выводомъ изъ него. Практически дѣло ставится такъ: желаете ли вы, чтобы ваша помощь людямъ, притиснутымъ жизнью, была дѣйствительно плодотворна? Въ такомъ случаѣ присмотритесь хорошенько къ личности того, кому помогаете. Присмотритесь къ складу ея ума, къ типу ея воспріятій и понятій, къ преобладающимъ ассоціаціямъ идей, эмоцій, къ темпераменту и т. д. Примите здѣсь въ расчетъ и полъ, и возрастъ, и образовательный уровень, и общественное положеніе, и родъ занятій, словомъ, берите человѣка *интегрально* (нераздѣльно) такимъ, каковъ онъ есть, и со всѣмъ этимъ соображайтесь, въ чемъ и какъ вы можете помочь ему, въ томъ числѣ и въ указываніи книгъ, и въ планѣ занятій, ему соотвѣтствующемъ и удобоисполнимомъ при условіяхъ его личной жизни. Геннекенъ показываетъ, что всякая черточка психики, всякая особенность даннаго человѣка отражается на немъ, какъ на читателѣ. Даже минутныя настроенія

оказываютъ свои вліянія и на качественную, и на количественную стороны чтенія, а, значитъ, и на усвоеніе книжнаго содержанія. Но оставимъ въ сторонѣ тонкости и мелочи. Примемъ въ расчетъ лишь самое главное, напр., складъ ума, память, воображеніе, эмоціональность, активность и т. п. Знакомство *даже съ очень немногими* чертами читательской индивидуальности (приблизительно пятью-шестью, какъ это показала намъ практика) уже не можетъ не дать нѣкоторой весьма важной базы для раціональной постановки самообразовательной работы и не можетъ не отразиться на ея плодотворности. Именно практика показываетъ, что для этой послѣдней необходимо знакомство *лишь съ немногими основными чертами,* — тѣми, которыя играютъ особенно важную роль въ процессѣ чтенія. Геннекенъ, строя свою теорію, имѣетъ въ виду и изящную, и научную литературу. Но, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго запаса данныхъ относительно литературы изящной, мы, въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи, будемъ имѣть въ виду литературу *только научную,* т. е. тотъ отдѣлъ литературы, который въ дѣлѣ самообразованія и долженъ играть первенствующую роль.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, теоретическая сторона того вопроса, который служитъ темой нашего доклада. Повторяемъ, мы отнюдь не выдаемъ всѣ вышеуказанныя соображенія за что-то новое. Мы лишь примѣняемъ опредѣленный, по нашему мнѣнію теоретически и практически установленный, принципъ къ области самообразованія въ обстановкѣ русской дѣйствительности.

§ 7. Отъ практики къ теоріи и отъ теоріи къ практикѣ.

Ставимъ теперь такой вопросъ: какъ использовать тѣ основные принципы, которые были изложены нами выше? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ позвольте вкратцѣ изложить передъ вами то, что нами сдѣлано или дѣлается, да и будетъ дѣлаться до конца дней. Начну съ небольшого воспоминанія. Это было въ концѣ семидесятыхъ и въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ ту незабвенную эпоху, когда лучшіе русскіе люди умѣли быть бодрыми и зажигать въ душахъ учащейся молодежи бодрость, вѣру въ трудящійся народъ, любовь къ нему и порывы къ общественно-необходимому, или, какъ тогда говорили, къ «большому дѣлу», на смѣну которому въ половинѣ 80-хъ годовъ, какъ извѣстно, пришли теорія «кельи подъ елью» и теорія «дѣла маленькаго». Эпоха, о которой идетъ рѣчь, еще не знала такой теоріи, и если тогда много писали и говорили о народномъ просвѣщеніи, то понимали это послѣднее слово нѣсколько иначе, чѣмъ культуртрегеры 80-хъ годовъ. Пишущій эти строки, тогда еще гимназистъ, былъ охваченъ просвѣтительными стремленіями того десятилѣтія, работая въ качествѣ мальчика въ небольшой частной Спб. библіотекѣ и считая для себя идеаломъ просвѣтительной работы указывать «всѣмъ читателямъ хорошія книги». Какъ водится, дѣло это дѣлалось съ самой залихватской, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣтской наивностью. Книга, мало-мальски хорошая, предлагалась кому только можно, даже *всѣмъ*. «Вотъ, читайте, — этого нельзя не прочесть». Теперь скрывать не приходится: исполняя такую работу, работникъ былъ охваченъ самыми широкими стремленіями и видѣлъ только идею и книгу, ея носительницу,

а что касается до тѣхъ, *кому* онъ эту книгу предлагалъ, — на это долгое время онъ не обращалъ никакого вниманія. Впрочемъ, послѣ двухъ-трехъ лѣтъ работы, сама жизнь всетаки заставила обратить вниманіе и на эту сторону. Дѣло въ томъ, что даже самыя лучшія, талантливыя, удобопонятныя книги, отъ нѣкоторыхъ читательскихъ головъ, отъ людей нѣкоторыхъ типовъ и категорій — вродѣ какъ отскакивали. А въ то же самое время на другихъ тѣ же самыя книги производили сильнѣйшее впечатлѣніе. Таковъ былъ *фактъ,* и онъ былъ замѣченъ нами, хотя объясненіе его пришло много лѣтъ послѣ того. Но еще ярче тотъ же фактъ обрисовался на фабрикѣ, на которой пишущему эти строки пришлось прямо со студенческой скамьи поселиться въ 1887 г. и работать нѣсколько лѣтъ въ тѣхъ же цѣляхъ просвѣщенія. На фабрикѣ съ этимъ самымъ просвѣщеніемъ вышло нѣчто еще похуже. Съ одной стороны, — страстное желаніе передавать знанія, собранныя по аудиторіямъ разныхъ факультетовъ, съ другой, — несомнѣнный интересъ народа къ научнымъ знаніямъ, — но съ третьей, — съ третьей — разговоръ съ нимъ на совершенно различныхъ языкахъ. Слушатели-рабочіе и разсказчикъ почти совсѣмъ не понимали другъ друга, когда говорили о научныхъ вопросахъ. И интересы къ нимъ, и логика, и даже слова, и значеніе словъ были у моихъ слушателей и у меня различны. Но говорить было *нужно,* — а значитъ, стало нужнымъ и *научиться говорить на ихъ языкѣ,* этого требовала экономизація силъ и времени, — иначе работа свелась бы къ нулю. Знакомства съ такими работниками въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія вообще и народной литературы въ частности, — каковы, напр., И. Горбуновъ-Посадовъ,

П. Бирюковъ, А. М. Калмыкова, В. Девель и др. выяснили вопросъ. *Общенiе* съ данной средой естественно превратилось въ изученiе ея. Въ сотрудничествѣ съ нѣкоторыми учителями и учительницами, была выработана тогда же особая программа для изученiя, во 1-хъ, читающей публики, и во 2-хъ, влiянiя книги на читателя и народной литературы. Программа эта была напечатана въ 1889 г. въ «Русскомъ Богатствѣ». Тогда же началась, на почвѣ вопросовъ, поставленныхъ въ этой программѣ, и переписка съ читателями, главнымъ образомъ, съ такъ наз. «читателями изъ народа.» Явилась такимъ образомъ возможность приступить къ собиранiю человѣческихъ документовъ, — громаднаго матерiала, — рукописей, писанныхъ читателями разныхъ психическихъ типовъ, различныхъ общественныхъ положенiй и стоящихъ на разныхъ уровняхъ знанiя и т. д. Такъ было собрано съ 1889 по 1905 г. нѣсколько тысячъ исповѣдей, дневниковъ, автобiографiй, читательскихъ «сочиненiй» и т. п., и по этимъ документамъ явилась возможность приступить къ изученiю читательскихъ типовъ, и классифицировать, и характеризовать ихъ и т. д. Такъ вышло какъ-то само собой, что изученiе читающей публики пошло въ ходъ сразу, во 1-хъ, при помощи непосредственныхъ наблюденiй, а во 2-хъ, при помощи изученiя собранныхъ такимъ способомъ читательскихъ документовъ, въ 3-хъ, кромѣ того, при помощи библiотечной, издательской и разной другой статистики. Результаты всѣхъ этихъ работъ нами давно опубликованы въ видѣ вышеупомянутыхъ «Этюдовъ о читающей публикѣ», докладовъ на разныхъ съѣздахъ и журнальныхъ статей, которые имѣютъ и непосредственное отношенie къ тому опыту, о какомъ дальше будетъ идти рѣчь. Хотя главная масса

собранныхъ матеріаловъ начинаетъ разрабатываться лишь теперь, но уже и въ 1889 г. въ докладѣ Спб. Комитету Грамотности былъ впервые, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, формулированъ нами *вопросъ о читательскихъ типахъ*, и уже даны характеристики главнѣйшихъ изъ нихъ. Мало-по-малу, сама собой и индуктивнымъ путемъ, выяснилась и та мысль, что самая-то суть читательства, самая суть книжнаго вліянія, а, значитъ, и главный центръ самообразовательной работы находится съ одной стороны *въ читательскихъ типахъ*, съ другой — какъ это показываетъ непосредственное изученіе книгъ — въ *типахъ этихъ послѣднихъ*. Вотъ такимъ-то практическимъ способомъ и пришлось познать и убѣдиться, что книги-то вѣдь тоже бываютъ разныхъ психическихъ типовъ, что у каждой книги тоже есть своя индивидуальность, только застывшая, *статическая*, если можно такъ выразиться, свой складъ ума, то индуктивный, то дедуктивный, синтетическій или аналитическій, то абстрактный, то конкретный; что у книги есть и свой типъ памяти и эмоціональности, и активности, и свой типъ волевой стороны, — то практическій, то спекулятивный, то порывистый, то непреоборимо напористый, то жгучій, то холодно острый. Даже въ значительной степени независимо отъ своего содержанія, а лишь *формою* своего изложенія, каждая книга имѣетъ, такъ сказать, *свою душу или душонку*, и это ничто иное, какъ отпечатокъ психики того или тѣхъ, кто породилъ ее. Правда, образы такихъ книжныхъ психическихъ типовъ не такъ ясны и ярки, какъ психическіе типы живыхъ читателей. Но когда черезъ ваши руки проходятъ десятки тысячъ книгъ, — вашъ глазъ, да и не только глазъ, а и душа ваша начинаетъ какъ-то сама

собой различать, что *есть* психическіе типы и въ книжномъ царствѣ. Книжная работа затягиваетъ и втягиваетъ. Въ ея круговоротѣ образы, типы книгъ дѣлаются все ярче, индивидуальнѣй, а образы читателей — объективируются, тоже превращаясь въ типы. И есть что-то мощное, да и жуткое въ этихъ полчищахъ идей, воплотившихся въ книгахъ, передъ лицомъ людей несомнѣнно сходныхъ другъ съ другомъ, т.-е. читателей. И эта мощность книги заставляетъ себя особенно сильно чувствовать тогда, когда сама жизнь раскрываетъ тысячами фактовъ родство типовъ книгъ съ типами читателей. Это особый міръ, господа, міръ тѣхъ и другихъ, и никакія общія слова и фразы не въ силахъ передать, что онъ такое, если вы сами не жили среди книгъ и не рылись въ нихъ много-много лѣтъ. Силищу книжную, по существу мощную, величественную, красивую, *мы еще не умѣемъ, какъ слѣдуетъ, пускать въ ходъ*. Скрипка есть, есть ли музыканты? Вокругъ насъ больше отличныхъ скрипокъ, чѣмъ даже посредственныхъ музыкантовъ. Но есть средства, господа, чтобы дѣлать дѣло съ болѣе значительнымъ результатомъ, чѣмъ теперь. Есть способы переводить свѣтлую *потенціальную* мощь книги въ *динамическую* энергію и опредѣленно и цѣлесообразно пускать ее въ ходъ, и этотъ способъ даетъ намъ экономизація на почвѣ индивидуализаціи. Книга превращается въ нуль, въ мебель, книга гибнетъ, господа, когда она отскакиваетъ отъ читательской головы. Но та же книга пускаетъ ростки, когда она находитъ *свою* почву въ человѣческой душѣ и когда ея содержаніе вступаетъ въ психическое соединеніе, аналогичное съ химическимъ, съ душою читателя, а такое соединеніе бываетъ наиболѣе крѣпкимъ и по-

могаетъ проявить, выдѣлить наибольшую энергію, когда встрѣчаются и соединяются элементы аналогичные, когда книга опредѣленнаго типа находитъ себѣ читателя *того же типа*, т.-е., когда оба говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ и здѣсь экономятъ свои силы. Среди васъ, разумѣется, есть библіотекарши, настоящія работницы просвѣщенія, не «машинки для выдачи книгъ», — работницы, умѣющія присматриваться къ читающей толпѣ и понимать, изъ какихъ именно *опредѣленныхъ* типовъ эта толпа состоитъ; есть среди васъ и учительницы, понимающія, что не всякая форма изложенія и не всякая книга подходитъ ко *всякому* ученику; я увѣренъ, что всѣ онѣ поймутъ то, о чемъ я говорю. Онѣ поймутъ и то, какая *сила,* — нѣтъ, даже не сила, а силища, могла бы оказаться въ ихъ распоряженіи, если бы у нихъ были возможно полныя и отчетливыя знанія и этихъ психическихъ *типовъ* книгъ, съ одной стороны, и психическихъ типовъ *читателей*, съ другой, и если бы онѣ, въ цѣляхъ служенія истинѣ и справедливости, умѣли бы сознательно и планомѣрно приводить статическія души книгъ въ соединеніе, въ своего рода химическую реакцію, съ динамикой человѣческой души. Опираясь на свою собственную практику, позволяемъ себѣ высказать убѣжденіе, что, поставивъ дѣло на вышеизложенныя основанія, т.е. опираясь, во 1-хъ), на изученіе книгъ, во 2), на изученіе читателей, можно *во многомъ увеличить вліяніе книги на читателя,* рекомендуя ему для него книги подходящія, и, если можно такъ выразиться, стрѣлять ими навѣрняка. И вотъ что при этомъ особенно важно и интересно. Сводя вопросъ объ экономизаціи времени, силъ и средствъ къ рекомендаціи не только хорошихъ, но и подхо-

дящихъ книгъ, съ перваго взгляда, можно, повидимому, подумать, что вѣдь при такой постановкѣ дѣла все, что угодно, можно *внушить* кому угодно. Дѣлать изъ того, что сказано выше, именно такой выводъ — это значитъ не понимать самыхъ основъ той постановки экономизаціи силъ, о какой у насъ здѣсь идетъ рѣчь. Экономизація и индивидуализація постольку и осуществимы, поскольку онѣ сводятся къ *выясненію,* а не къ внушенію; къ выясненію того, что есть, дѣйствительно есть въ жизни, а не того, чего нѣтъ, что кому-то кажется, кому-то желательно. Постановка, о которой идетъ здѣсь рѣчь, не болѣе, какъ орудіе. Подобно этому, нельзя не считать орудіемъ и всякую науку. Вѣдь ею можетъ воспользоваться, какъ и топоромъ, кѣмъ-то изобрѣтеннымъ, всякій желающій, — одинъ для того, чтобы домъ выстроить, а другой, чтобы Томасу Мору голову отрубить. Кто же именно и для чего именно воспользуется имъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ не изобрѣтатель топора, а сама жизнь, которая и представляетъ изъ себя верховнаго судью не только всякихъ внушеній, если бы они на время и оказались удачными, но и всякихъ тенденцій. Нельзя внушить голодному, что ему живется, напр., хорошо, когда сытъ не онъ, а другіе; нельзя внушить ограбленному и униженному, что «справедливость-то высшая» въ этомъ грабежѣ и униженіи и заключается; красное кажется зеленымъ только ненормальному человѣку, страдающему дальтонизмомъ. Всему есть предѣлъ, въ томъ числѣ и внушеніямъ, и эти послѣднія могутъ держаться лишь до поры до времени, обыкновенно очень короткаго. Чего не дѣлается для того, чтобы внушить воспитанникамъ духовныхъ семинарій идеи приблизительно X—XVII сто-

лѣтій. Отчего же, по оффиціальнымъ даннымъ, всѣ эти внушенія такъ неудачны? Относясь съ должнымъ уваженіямъ къ благожелательнымъ стремленіямъ всякаго рода внушителей, если эти послѣдніе безкорыстны и искренни, мы все же не можемъ не констатировать, что жизнь, какъ ни какъ, а ставитъ же имъ предѣлъ, и въ то время, когда они искусственно создаютъ нѣчто не-жизненное въ той или иной слабоватой головѣ, эта самая жизнь отнимаетъ изъ-подъ ихъ власти головы маломальски свѣжія и ведетъ ихъ своей дорогой; а въ это время даже и слабыя головы, получая да получая щелчки отъ той же жизни, въ конечномъ итогѣ, протрезвляются отъ внушеній и начинаютъ пѣть свою собственную пѣсню, что въ сущности и требуется съ нашей точки зрѣнія. Мы желаемъ помочь каждому человѣку, кто бы онъ ни былъ, пѣть *лишь свои собственныя пѣсни*, а плясать лишь подъ свою собственную дудку. Мы глубоко убѣждены, что именно этого требуетъ справедливость, уваженіе и любовь человѣка къ человѣку. Мы искренне вѣримъ, что индивидуализація самообразованія, открывая наиболѣе короткій путь къ правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости всѣмъ желающимъ, именно *всѣмъ*, и *ни у кого* не спрашивая на это дозволенія, — представляетъ собою самый правильный и короткій путь къ цѣли. Не для тѣхъ, кто уже многое изучилъ, понялъ и превзошелъ, предлагаемъ мы нашу постановку, а для тѣхъ, кто еще лишь начинаетъ свою самообразовательную работу. И имъ-то мы и говоримъ: изучайте *жизнь*, а не книги. Книги — не болѣе, какъ орудіе *изученія жизни*. Изучайте книги лишь постольку, поскольку онѣ помогаютъ вамъ изучать жизнь.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о необходимости для каждаго изъ насъ изучать книгу. Что значитъ изучать ее? Это значитъ знакомиться съ русскими книжными богатствами не по заголовкамъ, не по каталогамъ, не по рецензіямъ; это значитъ узнавать *содержаніе* возможно большаго числа книгъ, сдѣлаться библіографомъ, но не библіографомъ-*бюхервурмомъ*, книгоѣдомъ, который, кромѣ внѣшняго вида книгъ и книжныхъ полокъ, ничего не знаетъ, а библіографомъ-психологомъ и соціологомъ, изучающимъ *психическую силу* каждой книги, ея идейное и общественное значеніе. Потому мы и говоримъ: нужно вырабатывать изъ себя, для правильной постановки содѣйствія самообразованію, такого человѣка, который умѣлъ бы, при помощи своего знанія книгъ, *дѣлать читателямъ любого психическаго и соціальнаго типа указанія на книги любого психическаго и соціальнаго типа по любому вопросу*. Далѣе, нужно кромѣ того научиться расцѣнивать любую книгу съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, начиная съ психологической, затѣмъ, по степенямъ трудности пониманія, по читательскимъ кругамъ и т. д., словомъ, всячески помогая оріентироваться въ наличности книгъ, въ русскихъ книжныхъ богатствахъ. Разумѣется, для того, чтобы научиться всему этому, требуется продѣлать кропотливую и крайне неблагодарную работу. Но особенно необходимо умѣнье *оріентироваться въ читательской психологіи*, присматриваясь къ тѣмъ психическимъ *процессамъ*, которые происходятъ въ человѣкѣ во время чтенія, оріентироваться хоть сколько-нибудь въ чрезвычайно сложномъ явленіи, которое называется «вліяніемъ книги на читателя», и вдумываясь въ каждаго читателя, съ какимъ бы вамъ ни приходилось встрѣчаться.

§ 8. Одинъ изъ частныхъ опытовъ содѣйствія самообразованію.

Скажемъ теперь объ одномъ опытѣ, который былъ сдѣланъ нами въ 1911—1913 гг. на страницахъ «Нов. Журнала для всѣхъ», «Русск. Слова», «Запросовъ жизни», «Жизни для всѣхъ», «Вѣстника знанія» и нѣкоторыхъ другихъ изданій, а затѣмъ въ нашихъ книгахъ «Письма къ читателямъ о самообразованіи» и «Практика самообразованія». Сущность этого опыта заключается въ томъ, чтобы *примѣнить вышеизложенные принципы самообразованія на практикѣ* и сдѣлать попытку поставить дѣло помощи самообразованію именно на низшихъ ступеняхъ образовательной лѣстницы и въ тѣхъ кругахъ, которые, какъ мы упоминали, до сихъ поръ остаются безъ всякой помощи, на нѣсколько новую почву. Дѣло вышло такъ. Въ февралѣ 1911 г. мы начали печатать въ «Нов. Журналѣ для всѣхъ», — изданіи, представлявшемъ для насъ особый интересъ по тому кругу читателей, въ которомъ оно преимущественно распространялось, — особыя «Письма къ читателямъ о самообразованіи» *), письма самаго элементарнаго характера и посвященныя самымъ общимъ вопросамъ самообразованія. Ничего и никому не навязывая, оставляя въ сторонѣ всякую тенденціозность и партійность, мы приглашали нашихъ читателей, — тѣхъ, кто чувствуетъ себя особенно неподготовленнымъ, обра-

---

*) Какъ извѣстно, въ настоящее время этотъ журналъ проданъ нѣкіимъ „поэтомъ" Нарбутомъ, его бывшимъ сотрудникомъ, а затѣмъ издателемъ, нѣкоему Гарязину, редактору националистическаго листка „Дымъ отечества", съ которымъ мы лично не имѣли и не имѣемъ ничего общаго, и съ іюня 1913 г. всякое сотрудничество въ „Н. Журн. для всѣхъ", разумѣется, прекратили.

щаться къ намъ непосредственно за справками по вопросамъ о томъ, что и какъ читать. Мы начали это дѣло съ полной вѣрой въ его успѣхъ и постарались вложить въ него всю любовь къ просвѣщенію, какая только есть въ нашей душѣ, и прежде всего къ тѣмъ людямъ, которые особенно нуждаются въ помощи. Въ основу нашихъ указаній мы положили такой принципъ: сообразовать эти послѣднія съ личными особенностями и обстановкой человѣка, обращающагося къ намъ. Мы стали дѣлать это такъ: на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ самого читателя, мы стали составлять *особыя* программки чтенія, примѣнительно именно къ *данной* личности. Всякому читателю, который къ намъ обращается, мы стали давать рядъ вопросовъ, отвѣты на которые, прямо или косвенно, могутъ характеризовать намъ его психику, его читательскій типъ. На эти наши вопросы мы попросили писать отвѣты возможно подробнѣе, не боясь выходить, хотя бы и далеко, за указанныя рамки. Вопросы редактированы были такъ, что отвѣты на нихъ, и даже самое отношеніе къ нимъ читателя является уже цѣннымъ матеріаломъ для его характеристики. Эти вопросы были нами затѣмъ напечатаны въ № 44 «Русск. Слова» за 1912 г., куда мы перенесли нашу работу. Списокъ этихъ вопросовъ, вновь проредактированный и болѣе подробный, съ нѣкоторыми объясненіями, мы даемъ въ приложеніи и къ этой книжкѣ. Мы спрашивали читателя о его возрастѣ, образованіи, обычной обстановкѣ жизни (городской, сельской, торговой, фабричной), о складѣ ума, о развитіи. Разумѣется, для выясненія склада ума и развитія приходится ставить не одинъ вопросъ, а цѣлый рядъ ихъ, и къ тому же не прямыхъ, а косвенныхъ, такъ какъ

самое понятіе «складъ ума» слишкомъ обще и неопредѣленно. Вотъ о чемъ и какъ мы спрашивали: напр., первый вопросъ, — какая изъ прочитанныхъ книгъ произвела на васъ, читатель, наиболѣе сильное впечатлѣніе и оказала наибольшее вліяніе, и какъ вы это объясняете (желательно знать названія этихъ книгъ, *въ особенности научныхъ*)? Отвѣты на этотъ вопросъ очень важны. Книги, понравившіяся и оказавшія вліяніе, являются вѣдь своего рода реактивомъ на читателя, разумѣется (и мы на это обращаемъ особое вниманіе), принимая въ расчетъ и рядъ другихъ данныхъ о немъ же, а если можно, то и обстоятельства чтенія. «Скажи мнѣ, что ты читаешь и что тебѣ особенно нравится, что тебя особенно интересуетъ, и какая книжка на тебя произвела въ какой моментъ твоей жизни и при какихъ условіяхъ наибольшее впечатлѣніе, — и я скажу, кто ты». Книги беллетристическія, въ которыхъ играетъ столь важную роль элементъ эмоціональный, еще плохо изученный, перемѣнчивый, тонкій и неопредѣленный, говорятъ намъ о читателѣ, какъ о психическомъ типѣ, меньше, чѣмъ книги научныя. Но гораздо больше говоритъ о немъ то, какихъ же авторовъ-беллетристовъ онъ считаетъ своими *любимыми*, въ комъ изъ нихъ онъ видитъ своихъ совѣтчиковъ и духовныхъ руководителей. Такого рода данныя уже много говорятъ о духовной сторонѣ читателя. Но еще больше говоритъ о немъ и еще опредѣленнѣе помогаетъ выбирать для него подходящія книги знакомство съ тѣмъ, какія изъ *научныхъ* книгъ произвели на него наибольшее впечатлѣніе, — во 1-хъ), со стороны содержанія, во 2-хъ), со стороны изложенія, формы. Какъ извѣстно, книга на книгу въ чемъ-нибудь да похожа. Опредѣливъ типъ хотя бы одной книги, подходящей для даннаго

читателя, уже можно думать съ нѣкоторой вѣроятностью, что для него окажутся подходящими книги того же типа, но и по другимъ отраслямъ знанія. Въ этомъ смыслѣ бесѣда о прочитанныхъ *научныхъ* книгахъ (устная или даже въ письмѣ) даетъ, при составленіи списковъ книгъ, достаточно твердую почву для ихъ выбора.

Далѣе, мы ставимъ еще вопросъ: легко ли вамъ, читатель, дается математика (и какая именно отрасль ея) и любите ли вы ее? Этотъ вопросъ тоже очень показателенъ. Читатель, любящій математику, особенно алгебру, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, какъ это и отмѣтилъ вполнѣ справедливо въ одной изъ своихъ работъ Пуанкаре, — обладаетъ аналитическимъ складомъ ума. А вопросъ о томъ, аналитическій или синтетическій, дедуктивный или индуктивный складъ ума у даннаго читателя, — это и есть одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ вопросовъ въ дѣлѣ индивидуализаціи чтенія.

Третій вопросъ: какія другія знанія васъ наиболѣе интересуютъ и легче всего даются? Вопросъ тоже показательный, и отвѣты на него, какъ и показалъ опытъ, также даютъ очень важный матеріалъ для нашего сужденія о томъ, какого типа въ данномъ случаѣ читательскій умъ, — абстрактный онъ или конкретный, практическій или спекулятивный, усваиваетъ онъ легче всего факты, или идеи и т. д. Далѣе мы предлагали (тоже не прямо формулированные) вопросы, направленные къ выясненію типа памяти, эмоціональности и т. д. Полученные нами отвѣты мы, насколько только умѣли, тщательно и внимательно изучали, стараясь вникать во всякую мелочь отвѣта, и пользуясь иной разъ чуть ли не графологическими данными, такъ какъ рядомъ съ

читателями, приславшими намъ настоящія исповѣди по сту страницъ, оказалось не мало и такихъ, которые писали о себѣ очень кратко. По полученнымъ такимъ способомъ даннымъ мы старались составлять небольшія программки чтенія для каждаго отдѣльнаго читателя. Правда, не всѣ составленныя нами программки могли быть удачны. Мы сами лишь учились затѣянному нами дѣлу и учились иной разъ у самихъ читателей. Поэтому мы обращались къ нимъ съ горячими и убѣдительными просьбами давать намъ о себѣ возможно больше свѣдѣній, сообщать подробные отчеты о томъ, какъ идутъ ихъ занятія по нашимъ указаніямъ, вполнѣ ли оказались подходящими для нихъ книги, нами рекомендованныя, а если нѣтъ, то какія именно и почему подошли (или не подошли), и по какимъ своимъ качествамъ. Мы убѣдительно просили (и просимъ) нашихъ читателей и критиковать насъ побольше, такъ какъ всякая такая критика — лучшая школа для насъ самихъ. И многіе читатели до трогательности внимательно и вдумчиво исполняютъ наши просьбы. Впрочемъ, не мало и такихъ, которые оставляютъ эти послѣднія въ сторонѣ, быть можетъ, не понимая ихъ общаго значенія.

Посмотримъ теперь, какой характеръ пришлось придать самому выбору научнаго матеріала, который должны нести рекомендуемыя книги. Мы ставимъ дѣло такъ: рекомендуемыя книги должны прежде всего нести знанія *фактовъ*, — фактовъ прежде всего, — возможно точныхъ, достовѣрныхъ, основныхъ, провѣренныхъ, возможно конкретно, образно, ярко описанныхъ. Непосредственно на второмъ планѣ стоятъ обобщенія этихъ фактовъ. *Мнѣнія, теоріи* мы, насколько лишь возможно, отодвигаемъ на послѣдній планъ. Можно

съ такой постановкой спорить, и мы сами не закрываемъ глазъ на ея слабыя стороны. Но такая именно постановка подсказывается жизнью и практикой, и мы съ нея и начинаемъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, все прочее «образуется», лишь бы возможно больше людей узнало, во 1-хъ, о существованіи фактовъ, во 2-хъ, поучились дѣлать главнѣйшіе выводы изъ нихъ, создавать свои собственныя мнѣнія. Въ русской народной толщѣ, господа, не такъ мало людей, способныхъ мыслить и отлично мыслящихъ, какъ людей, *не знающихъ фактовъ*. Съ ихъ сообщенія и узнаванія и нужно начинать самообразовательную работу. Далѣе, практика же заставила насъ выработать цѣлый рядъ особыхъ пріемовъ, которые облегчаютъ начинающему и весьма малосвѣдущему читателю его самообразовательную работу, какъ напр., пріемъ предварительный, пріемъ систематизаціи, пріемъ связыванія далекаго и отвлеченнаго съ близкимъ и конкретнымъ, съ жизнью, пріемъ интегральности знаній и т. д. Но объ этомъ мы говорить въ двухъ словахъ не сумѣли бы. Все это подробно изложено въ другихъ нашихъ трудахъ и тамъ обосновано теоретически и практически *). Скажемъ только одно. Мы сами понимаемъ, что въ новомъ дѣлѣ есть не мало и неясностей, и невыработанности. Но мы знаемъ и вотъ что: это новое дѣло — *живое* дѣло. Оно учитъ. Оно требуетъ. Оно указываетъ новые и новые пути и способы. Будемъ же учиться и сами, не только другихъ учить.

И практика дѣла дѣйствительно учитъ многому. Кой-чему она научила и насъ, и наша переписка

*) См. „Практика самообразованія“, „Письма къ читателямъ о самообразованіи“.

дала неожиданный и своеобразный результатъ. Самая постановка дѣла сразу же позволила почувствовать трепетаніе жизни въ русскихъ глубинахъ. Зная, какъ малочисленны кліенты Спб. и Московскихъ комиссій, составляющихъ программы самообразовательныхъ чтеній (учрежденій, пользующихся вполнѣ заслуженной славой и авторитетомъ), мы, лично, надѣялись получить въ теченіе перваго года не болѣе 2 или 3 сотенъ писемъ. Въ январѣ 1912 года оказалось, что ихъ было получено уже болѣе 1200. Мы надѣялись, что число нашихъ кліентовъ не превыситъ 300—400 чел., которымъ мы и будемъ давать программки, расчитанныя на 6—8 мѣсяцевъ занятій. До октября 1912 г. нами было получено болѣе 5000 писемъ, больше чѣмъ отъ 1900 кліентовъ. Въ іюлѣ 1913 г. число ихъ перевалило уже за 2750, а число писемъ — за 8000 (въ ноябрѣ 1913 г. болѣе 3400 кліентовъ, около 9000 писемъ). Изъ этихъ 2750 обратившихся къ намъ лицъ отстало 326, въ томъ числѣ большинство отставшихъ обращалось къ намъ лишь за справками по частнымъ, иной разъ вовсе не идущимъ къ нашему дѣлу вопросамъ. Такъ, напр., одинъ сельскій торговецъ спрашивалъ у насъ юридическаго совѣта, не слѣдуетъ ли ему подать доносъ на священника; одинъ священникъ спрашивалъ руководства, какъ выгоднѣе помѣстить ему деньги въ банкъ на проценты. Одинъ военный просилъ содѣйствія въ одномъ его открытіи (въ гинекологической области). Но такихъ писемъ немного. Огромное большинство било въ цѣль совершенно правильно. И били упорно, настойчиво, горячо, страстно. Далѣе, многія сотни писемъ (многія изъ нихъ, съ разрѣшенія авторовъ, въ свое время будутъ отчасти напечатаны) написаны несомнѣнно слезами, и въ каждой ихъ строчкѣ, ка-

ждомъ ихъ слогѣ сквозитъ психологія современнаго русскаго человѣка, потерявшаго «точку» и стремящагося вновь найти ее. И вотъ что особенно интересно: огромное большинство писемъ писано изъ среды трудящихся классовъ. Преобладаютъ въ числѣ нашихъ корреспондентовъ люди безъ всякаго образованія или съ низшимъ образованіемъ, — ремесленники, конторщики, торговцы, крестьяне и мелкіе чиновники. Отвѣтимъ, что среди нашихъ кліентовъ имѣется 13 священниковъ. Около 17 процентовъ приходится на женщинъ, среди которыхъ преобладаютъ ремесленницы (работницы, портнихи), затѣмъ учительницы, конторщицы, учащіяся.

Въ приложеніи къ этой книжкѣ мы даемъ нѣкоторыя статистическія данныя о нашей перепискѣ за время съ декабря 1912 г. по 1 сентября 1913 г. Къ сожалѣнію, статистика за все время переписки еще не разработана по недостатку времени. Она будетъ нами подробно разработана и опубликована послѣ того, какъ нами будетъ закончено печатаніе всей серіи нашихъ трудовъ, посвященныхъ теоріи и практикѣ самообразованія. Можно сказать лишь одно: переписка эта вскрываетъ такія стороны современной русской жизни на большой глубинѣ, развертываетъ такую картину широко разлитыхъ стремленій не только къ свѣту, но и къ *правдѣ жизни*, что просто диву даешься, передъ лицомъ глубоко знаменательнаго, идущаго снизу напора, какъ это можно быть еще пессимистомъ и терять вѣру въ того бога грядущей общественной справедливости, которому лучшіе русскіе люди, по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ и всей своей жизни, служили и служатъ уже цѣлыя сотни лѣтъ. Краткими словами, недостаточными словами, мы не въ силахъ выразить той волны бодрости и свѣтлыхъ стремленій,

которыя подняли въ нашей душѣ эти тысячи писемъ, полученныхъ отъ неизвѣстныхъ лицъ и изъ неизвѣстныхъ мѣстъ. Перекинулся между нами и тѣми какой-то невидимый, но прочный мостикъ, и только благодаря тому настроенію, которое охватило насъ подъ вліяніемъ, идущимъ изъ глубины, мы смогли отвѣтить на всѣ эти тысячи писемъ, хотя иной разъ и съ запаздываніемъ, и хотя сами не знаемъ, всѣ ли наши отвѣты дошли по адресамъ. А, впрочемъ, неизвѣстно и то, всѣ ли запросы, къ намъ направленные, тоже дошли до насъ. Но и этой стороны дѣла мы не боимся. Пусть наши отвѣты читаетъ кто угодно и сколько угодно. Оставляя въ сторонѣ всякую партійность и тенденціозность, мы имѣемъ въ виду лишь распространеніе знаній и пониманія въ возможно широкихъ кругахъ и съ наименьшей затратой времени, силъ, а значитъ и средствъ. Сама жизнь поставила насъ въ предѣлы *опредѣленной, чисто-культурной работы,* т. е. заставила идти по той самой линіи, по которой мы шли и идемъ уже много лѣтъ. Разумѣется, наибольшій интересъ возбуждаютъ отвѣтныя письма, полученныя нами, такъ какъ въ нихъ читатели даютъ отзывы о томъ, что имъ дала наша помощь. Эти письма, какъ мы упомянули выше, и являются критеріемъ цѣлесообразности всей постановки дѣла. Огромное большинство читателей (2248 изъ 2756) пишутъ по нѣскольку разъ, обращаясь все за новыми и новыми указаніями. Иные пишутъ и ежемѣсячно. Съ иными переписка перешла въ заочное личное знакомство, которое даетъ душѣ не меньше (если не больше), чѣмъ переписка по вопросамъ самообразованія, и мы никоимъ образомъ не уклоняемся отъ нея, а даже напротивъ. Этотъ самый фактъ уже даетъ возможность глубоко

понимать душу человѣческую и давать наши указанія болѣе систематично. Бывали въ этомъ году случаи, что наши заочные знакомые пріѣзжали и въ нашъ кларанскій уголокъ, чтобы познакомиться и побесѣдовать лично и поработать среди книгъ въ нашей здѣшней библіотекѣ. Разумѣется, всѣ пріѣзжающіе учиться встрѣчали и всегда встрѣтятъ у насъ самый радушный пріемъ. Впрочемъ, и переписка позволяетъ узнавать читателя. Иногда для успѣха нашихъ указаній ему приходится обращаться къ читателю и за добавочными разъясненіями. При этомъ сама жизнь раскрыла очень интересныя обстоятельства. Изъ нихъ *первое* касается *недостатка книгъ*, которыя, какъ извѣстно, въ русской безкнижной глуши добываются съ великимъ трудомъ, особенно нынѣ. Какъ же считаться съ этой трудностью? Если читатель, хотя бы очень небогатый, стремится къ самообразованію дѣйствительно горячо и страстно, и если при этомъ онъ уже на опытѣ убѣдился, что указанія, какъ говорится, «вполнѣ потрафляютъ ему», — онъ отваживается и на покупку книгъ. Расходы не останавливаютъ его. Онъ копитъ деньгу на книги, хотя нерѣдко и голодаетъ самъ. Одна работница такъ и пишетъ намъ: «Отчего и не купить хорошую книгу, хоть и на послѣдній рубль, — только бы знать, что это дѣйствительно на пользу». Испытавъ всѣ способы добыванія книгъ, читатель идетъ и на значительныя издержки. И это очень интересный фактъ. Въ то самое время, когда читательство наверху словно падаетъ, оно же, тамъ, внизу, растетъ, выражаясь даже покупкою толстыхъ научныхъ книгъ. Принимая въ расчетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о людяхъ, задавленныхъ работой и еще не знающихъ, что такое 8-часовой рабочій день, о многочтеніи говорить еще не приходится. Но и

не въ этомъ дѣло. Мы принципіально противъ многочтенія. Читателю даннаго типа не прочитать и 12 научныхъ книгъ въ годъ. Значитъ, не приходится говорить даже и объ относительно тяжелыхъ расходахъ на книги. Экономическая сторона дѣла этимъ уже дѣлается не очень-то страшной для читателей даже изъ той среды, о которой идетъ здѣсь рѣчь. Далѣе, въ цѣломъ рядѣ случаевъ указанныя книги покупаются въ складчину. Далѣе, въ другихъ случаяхъ оказалось, что книги-то и въ глуши имѣются, но только *до* сдѣланныхъ на нихъ указаній онѣ къ себѣ и вниманія не привлекали, — казались никчемными, скучными. Далѣе, оказалось еще возможнымъ, для составленія программокъ чтенія примѣнительно къ личности человѣка, живущаго въ такой глуши, и въ уменьшеніе его расходовъ, поступать такъ: требовать отъ него *каталогъ ближайшей къ нему провинціальной библіотеки* и помогать всячески утилизировать ее, не пренебрегая и хорошими статьями въ старыхъ журналахъ, указывая, гдѣ какія находятся. Вѣдь суть не въ томъ, чтобы давать начинающему читателю «послѣднее слово науки», а въ томъ, чтобы брать вопросъ о просвѣтлѣніи и самопросвѣтлѣніи по существу и сообщать основныя, главнѣйшія знанія. А для этого вѣдь можно итти къ той же цѣли, исходя и изъ *наличности* книгъ въ такой-то глуши. Словомъ, вопросъ о безкнижьи если и не устраняется, то все же можетъ быть смягчаемъ. Практика показываетъ, что за неимѣніемъ новѣйшихъ книгъ можно дѣло дѣлать и при помощи старыхъ и кое въ чемъ устарѣвшихъ. Вѣдь то, что устарѣло для человѣка съ университетскимъ образованіемъ и живущаго въ столицѣ, вовсе не устарѣло для начинающаго. Самая суть въ наукѣ старѣетъ не очень-то быстро, а устарѣ-

лости тѣхъ или иныхъ деталей и бояться не приходится. Лишь бы сдѣлать побольше шагъ впередъ по направленію къ свѣту, лишь бы раскрыть предъ человѣческой душой свѣжее окно и довести до него, въ его жизненную обстановку, хоть какую ни на есть струйку свѣта, воздуха и тепла, — когда человѣкъ оперится, онъ и самъ зашагаетъ впередъ. Но идемъ далѣе. Второй существенной чертой принятой нами постановки дѣла является самое осуществленіе индивидуализаціи выбора книгъ. Мы не указываемъ хорошихъ книгъ *вообще* для читателей *вообще*. Мы изъ числа книгъ, въ научномъ отношеніи хорошихъ и удовлетворительныхъ, указываемъ книги, *наиболѣе* подходящія для *даннаго* читателя. Чтобы указывать *такія* именно книги, мы съ письмами читателей въ рукахъ роемся на книжныхъ полкахъ, — въ книгахъ, трактующихъ по тому вопросу, или о той области знаній, которыя ему желательно изучать, и выбираемъ изъ цѣлаго ряда существующихъ, научно цѣнныхъ книгъ именно ту, которая, если и не *вполнѣ*, то во всякомъ случаѣ *наиболѣе* удовлетворитъ его. Повторяемъ, — что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ только о научныхъ книгахъ. Беллетристика въ такомъ подборѣ почти не нуждается. Позволимъ себѣ при этомъ утверждать, что *наличность* русской научной и научно-популярной литературы въ настоящее время уже *позволяетъ* обставить дѣло вполнѣ достаточно и удовлетворять всѣмъ главнѣйшимъ, наиболѣе распространеннымъ читательскимъ типамъ. Разумѣется, это стало возможнымъ лишь за послѣднія 10 лѣтъ. Далѣе, практика показала, что сама жизнь, въ сущности, значительно упрощаетъ работу. Было бы большой ошибкой представлять ее чѣмъ-то вродѣ составленія 2000 различныхъ программокъ для чте-

нія примѣнительно къ 2000 индивидуальностей. Вовсе нѣтъ. Въ скромныхъ предѣлахъ нашего опыта оказалось, что типы читателей *повторяются*, далѣе, что есть среди нихъ типы *преобладающіе*, наиболѣе распространенные (напр., конкретный, индуктивно-мыслящій типъ — не менѣе 38%), что поэтому постановка всего дѣла на почву индивидуализаціи требуетъ *немногихъ* программокъ, — по нашимъ наблюденіямъ, не больше 13—14, которыя затѣмъ и могутъ быть приспособляемыми еще болѣе детально и къ личности того или другого читателя. Правда, кромѣ типовъ крайнихъ есть и типы средніе. Но базировать все дѣло на *среднемъ* типѣ, думается намъ, всетаки нельзя, потому что типъ, средній въ *одномъ* отношеніи, оказывается крайнимъ въ *другомъ*, и потому составленіемъ одной *общей* программы для всѣхъ нельзя ограничиваться. Далѣе, не забудемъ, что вся постановка дѣла, нами практикуемая, имѣетъ цѣлью возможно облегчить именно *начинающему* читателю и именно его *первые* шаги въ самостоятельной самообразовательной работѣ. А приспособленіе программки и книжки къ типу даннаго читателя и есть ни что иное, какъ *первый* шагъ. Но это, разумѣется, отнюдь не измѣняетъ конечной цѣли, т. е. выработки въ себѣ умѣнья читать *всякую* книгу, хотя бы и *не* соотвѣтствующую моему типу. Эта цѣль — общая для всѣхъ, хотя будемъ, господа, искренни: даже люди съ высшимъ образованіемъ нерѣдко до конца дней своихъ, не смотря на всю свою подготовку, всетаки не умѣютъ понимать, переваривать, усваивать даже вѣрныя изъ вѣрныхъ истинъ, если только онѣ изложены не въ свойственной имъ формѣ. Одни читатели черезчуръ боятся, напр., обилія фактовъ, другіе — отвлеченныхъ идей и фразъ; однихъ отталкиваетъ отъ книги настрое-

ніе, т. е. эмоціональность автора, другихъ — ея сухость, и т. д. Но если это наблюдается и среди образованныхъ, то что же можно сказать о читателяхъ начинающихъ? Бояться же того, что сама образовательная работа будетъ такъ облегчена, что самому читателю нечего будетъ вовсе работать головой, — не приходится. Дѣло самообразованія, особенно «тамъ, внизу», — дѣло очень трудное, и самодѣятельности, и энергіи, и волѣ тамъ всегда большой просторъ. Не забудемъ и того состава читателей, о которомъ было упомянуто выше и въ глазахъ которыхъ первый шагъ въ дѣлѣ самообразованія имѣетъ особенно важное значеніе. Не забудемъ и тѣхъ сотенъ фактовъ, которые доказываютъ роль *первой* научной книжки въ судьбѣ такого читателя. Трудность усвоенія первой взятой имъ книги приводитъ его вѣдь нерѣдко къ отчаянію и отталкиваетъ навсегда отъ такихъ книгъ. Горячая рекомендація книги свѣдующими людьми, заслужившими довѣріе даннаго читателя, или всѣми расхваленными программами ведетъ нерѣдко къ очень печальному результату: читатель, чувствуя свое невѣжество, разочаровывается въ себѣ, будучи не въ силахъ одолѣть то, что ему рекомендовано наравнѣ съ прочими читателями, теряетъ вѣру въ свои силы, и въ результатѣ даже лучшая изъ лучшихъ книгъ, не подходящая къ данному читателю и имъ не понимаемая, отбиваетъ охоту отъ дальнѣйшихъ занятій. Душу такихъ читателей, особенно же впечатлительныхъ, нужно беречь и беречь отъ подобныхъ разочарованій не меньше, чѣмъ беречь и ихъ силы, время и средства, и потому необходимость индивидуализаціи чтенія, а, значитъ, и цѣлаго ряда разныхъ программъ для разныхъ читательскихъ типовъ, думается намъ, под-

сказывается самой жизнью. Именно она выдвигаетъ методъ такого общенія, которое, съ одной стороны, вовсе не единичное, но оно же и не массовое. Поскольку программа, предназначенная для даннаго *типа*, охватываетъ *массу* людей этого типа, она имѣетъ въ виду *массу*. Но поскольку она приближена и приспособлена къ индивидуальности даннаго читателя,—она имѣетъ цѣлью воздѣйствіе на *личность*. То, что мы имѣемъ здѣсь въ виду,—это, такъ сказать, приставить психо-соціологическій коэффиціентъ къ обычнымъ программамъ домашняго чтенія. Врядъ ли эта задача столь трудна, что она можетъ устрашить составителей программъ. Но результаты, достигаемые *такой* постановкой дѣла, оказываются сравнительно громадными. Книга, указанная данному читателю въ соотвѣтствіи съ его особенностями, усваивается неизмѣримо *легче*, усваивается *полнѣе*, трата времени и силъ *уменьшается*. Усиливается *дѣйствіе*, вліяніе книги, и, что не мѣшаетъ подчеркнуть, самая *малокнижность* русская помогаетъ усиленію этого ея дѣйствія. Представьте себѣ живого, чуткаго человѣка, страстно стремящагося къ свѣту и живущаго гдѣ-нибудь въ глуши, вдали отъ свѣжихъ людей и общественной жизни. Представьте затѣмъ, что такому человѣку даютъ именно то, что ему нужно. «Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче», и доступный пониманію сочувственный голосъ, разъясняющій, и зовущій, и исходящій изъ удачно указанной книги, не можетъ не звучать въ глуши, какъ труба. И онъ звучитъ именно такъ,—это и видно по письмамъ. Если бы этотъ голосъ интерферировался съ другими голосами,—этого, быть можетъ, и не было бы. Но разъ глушь и тишина чуть не повсюду,—какъ же не притти къ выводу, что даже и въ безкнижьи есть

своя хорошая сторона, впрочемъ, тоже не симпатичная сторонникамъ мрака? Кромѣ того, есть еще одна сторона въ такой постановкѣ, и крайне важная. Знаете ли вы, когда книга дѣйствуетъ на читателя тамъ, въ глуши, особенно сильно? Когда она приходитъ съ доброжелательной эмоціей, то-есть когда ее даетъ человѣкъ, которому данный читатель вѣритъ, котораго любитъ, цѣнитъ и т. д., за котораго цѣпляется, потому что уже не въ силахъ живая его душа переносить своего одиночества. Стремленіе къ общенію и единенію — одинъ изъ самыхъ преобладающихъ мотивовъ въ нашей перепискѣ съ читателями. Также и вопросъ о цѣли, о смыслѣ жизни, ея разносторонности и глубинѣ, о ея силѣ и красотѣ. Вся постановка дѣла на почву личнаго общенія уже сообщаетъ рекомендуемымъ книгамъ, да и самимъ рекомендаціямъ, перепискѣ, какой-то особый колоритъ, поднимающій, возвышающій, ободряющій человѣка, особенно такого, который тамъ, далеко бьется и бьется въ тискахъ жизни, не зная, на что и на кого опереться въ своихъ стремленіяхъ къ свѣту, такъ какъ нѣтъ подходящихъ людей около него. На этой сторонѣ дѣла мы не можемъ останавливаться, но она понятна и сама собой. Мы лишь подчеркиваемъ ту основную мысль, что самообразованіе имѣетъ своей цѣлью не только образованіе, а самовоспитаніе, самовооруженіе, что нужно думать здѣсь о всей личности, а не только объ интеллектѣ ея. Человѣкъ долженъ самъ себя дѣлать сильнымъ, стойкимъ, бодрымъ и смѣлымъ, — вотъ настоящая цѣль. Безъ этого никто и никогда развернутъ свою жизнь не можетъ и никогда не сдѣ-

лаетъ ее ни полной, ни глубокой, ни возвышенной, ни напряженной, ни красивой. Книга помогаетъ само-усиленію человѣка. Безъ этого — грошъ ей цѣна.

Но идемъ дальше. Разъ имѣется возможность усиливать вліяніе книги, этимъ самимъ является возможность замѣнить *одною* книгой нѣсколько книгъ. Къ этому идетъ дѣло разными способами. Книга подходящая и сильно дѣйствующая является книгой *любимой*. Такую книгу читаютъ обыкновенно по нѣскольку разъ. Ее же и сами читатели, по тому-же самому, рекомендуютъ читать urbi et orbi (по граду и весямъ). То, что захватываетъ, разумѣется, лучше усваивается. Поднимается любовь не только къ книгѣ, но и къ наукѣ, знанію, возникаетъ рядъ вопросовъ, идей, поднимаются въ душѣ новыя исканія, все болѣе глубокія, напряженныя, возвышенныя. Надъ такими-то книгами читатель и любитъ передумывать думу, — свою думу, собственную, задушевную. А это именно передумываніе и есть явленіе глубочайшей важности, самое важное явленіе, центръ тяжести всего процесса читательства, и о немъ необходимо сказать два слова въ заключеніе нашего доклада.

§ 9. Заключеніе.

Пусть не удивляется читатель, видящій въ пишущемъ эти строки книжнаго червяка, библіографа и библіофила, способнаго забыть за книгою жизнь, — пусть не удивляется, услышавъ отъ насъ нижеслѣдующія слова, которыми мы, формулируя самый принципъ, основной принципъ книжнаго дѣла, вмѣстѣ съ этимъ отмахнемся отъ книги. *Вся сила книги — не въ книгѣ, а въ жизни. Вся сила чтенія не въ томъ, что человѣкъ беретъ изъ нея, когда читаетъ ее, а въ томъ, что самъ переду-*

маетъ и перечувствуетъ при этомъ. Уже было сказано выше, что нерѣдко авторъ и читатель говорятъ на разныхъ языкахъ, потому что оба они связываютъ съ однимъ и тѣмъ же словомъ, т. е. звукомъ, разныя идеи, эмоціи, стремленія и т. д. Но лишь бы были въ душѣ эти идеи, эмоціи и стремленія, и лишь бы человѣкъ сосредоточивалъ на нихъ вниманіе и лишь бы культивировалъ интересъ къ нимъ, а значитъ, и къ жизни, въ немъ и вокругъ него неудержимо идущей. Такая внутренняя работа, — это и есть накопленіе силъ. Силу же нужно не только экономизировать. Ее необходимо и *накоплять*. Практика, дѣланіе накопляетъ ее. Работа мысли ведетъ къ усиленію мысли, потому что въ процессѣ мышленія всякая мысль *углубляется*, дѣлается полнѣе, шире, связывается съ другими мыслями, связывается и съ чувствами, и стремленіями, и другими переживаніями. Для меня, какъ читателя, важно не то, что *мнѣ* даетъ книга (т. е. кто-то другой), а напротивъ, то, что я *самъ* беру, и не только могу, но и *хочу* взять. Моимъ достояніемъ можетъ быть лишь мое собственное, а не иностранное, т. е. пришлыя думы. Онѣ же постольку и мои, поскольку я самъ усвоилъ, а, главное, создалъ ихъ. *Чтеніе — это значитъ созданіе своихъ собственныхъ мыслей*, при помощи мыслей другихъ и чужихъ. Тѣ — только матеріалъ для создаванія, — ихъ голосъ — лишь совѣщательный, моя же сила — во мнѣ. И потому центръ чтенія и книжнаго вліянія не въ усвоеніи чужихъ думъ, а въ передумываніи своихъ собственныхъ. Люди, которые умѣютъ хорошо думать и помимо книги, болѣе сильны умомъ, чѣмъ тѣ, кто умѣетъ думать лишь при помощи книги. Только бы думать глубоко, смѣло, правдиво, честно, — а остальное приложится. Рабо-

тать надъ самообразованіемъ — это значитъ прежде всего свои думы думать. Оттого въ основѣ такой работы и лежитъ и долженъ лежать принципъ: намъ никто не поможетъ, если мы сами себѣ не поможемъ. Правильность всего вышеизложеннаго можно прослѣдить и по читательскимъ письмамъ.

Попробуемъ теперь вкратцѣ подвести итоги вышесказанному.

1. Опираясь на сдѣланный нами опытъ изученія русскихъ книжныхъ богатствъ, съ одной стороны, и читателей разныхъ общественныхъ группъ и разныхъ психическихъ типовъ, съ другой, мы позволяемъ себѣ прежде всего настаивать на необходимости созданія какихъ либо просвѣтительныхъ организацій, которыя теперь же поставили бы себѣ крайне важную задачу оказанія активной помощи самообразованію въ самыхъ широкихъ кругахъ населенія, лишеннаго не только средняго, но и начальнаго образованія.

2. За это дѣло могли бы, напримѣръ, взяться, по нашему мнѣнію, тѣ же комиссіи, которыя и нынѣ составляютъ и издаютъ программы домашняго чтенія, при условіи соотвѣтствующаго расширенія ихъ состава членами и сотрудниками, болѣе знакомыми съ читателями изъ среды трудящихся классовъ, затѣмъ общества грамотности, а въ особенности общественныя библіотеки, которыя должны взять на себя иниціативу организаціи особыхъ педагогическихъ комитетовъ при нихъ, для содѣйствія самообразованію широкихъ народныхъ массъ. Такіе комитеты, въ составъ которыхъ могутъ входить какъ члены библіотеки, такъ и вообще образованные люди, культурныя силы данной мѣстности, думается намъ, могутъ быть организуемы по уставамъ многихъ общественныхъ библіотекъ, такъ

какъ ихъ организація является несомнѣннымъ подспорьемъ для правильной дѣятельности библіотеки и для ея процвѣтанія.

3. Принимая же на себя содѣйствіе самообразованію, необходимо, во 1-хъ, не только составлять программы, состоящія изъ списковъ книгъ вообще цѣнныхъ (въ научномъ или иномъ смыслѣ), но и эти цѣнныя книги распредѣлять по главнѣйшимъ типамъ читателей. Во 2-хъ, не слѣдуетъ забывать, что даже лучшія изъ лучшихъ программъ все-таки являются руководствами для руководителей. Что касается до руководительства самими читателями, то, по нашему глубокому убѣжденію, является наиболѣе цѣлесообразнымъ методъ непосредственнаго общенія съ ними, составленіе и разсылка вышеупомянутыхъ индивидуализированныхъ программъ для людей разныхъ типовъ и приспособляемыхъ для каждаго читателя въ отдѣльности. Такимъ способомъ осуществляются принципы *индивидуализаціи* въ дѣлѣ помощи самообразованію, и эта индивидуализація, думается намъ, опирающаяся на изученіе человѣческой личности и толпы, книгъ и читателей, особенно изъ тѣхъ общественныхъ группъ, которымъ, по разнымъ причинамъ, школа или продолженіе школьнаго образованія недоступны, и приведетъ къ экономизаціи времени, силъ, а также и средствъ. Изученіе читающей толпы тоже можетъ и должно быть организовано библіотеками.

4. Далѣе, мы думаемъ, что то, что мы рекомендуемъ, должно сдѣлаться, тоже при помощи компетентныхъ ученыхъ учрежденій, комиссій и т. п., дѣломъ возможно широкимъ, разлитымъ. Въ этомъ дѣлѣ можетъ принять участіе въ большей или меньшей степени и всякій образованный человѣкъ, не желающій сидѣть

сложа руки, всякій любитель книгъ, который дорожитъ не книгой, а тѣмъ, что въ книгѣ. Всѣмъ такимъ людямъ мы говоримъ: каждый изъ васъ можетъ, — каждый долженъ. Пусть каждый изъ васъ сдѣлаетъ изъ себя своего рода центръ, распространяющій лучи свѣта во всѣ стороны. Такимъ способомъ вы внесете свѣтъ не только въ чужую, но и въ свою собственную жизнь. А вѣдь она у многихъ-многихъ мыслящихъ людей въ настоящее время позорно безцвѣтна и безсмысленна. Будьте хоть малыми, но только многочисленными источниками свѣта для тѣхъ, у кого его меньше, чѣмъ у васъ. Такимъ-то способомъ дѣло и можетъ сдѣлаться именно такимъ разлитымъ, потому что это глубоко-жизненное и доступное, а главное, интересное и захватывающее дѣло, такое дѣло, которое вливаетъ не только свѣтъ, но и бодрость, которое бодритъ и самихъ работниковъ, помогающихъ возможно широкой постановкѣ такого дѣла. Живое общеніе съ живою, мыслящей, чувствующей, а въ особенности страдающей человѣческой личностью, — это лучшее средство, чтобы и самому не сдѣлаться «шаблоннымъ бытіемъ», развинченнымъ механизмомъ, размагніченнымъ интеллигентомъ и не скиснуть въ атмосферѣ ремесленности своей обычной работы. Да, живое дѣло, какъ говорится, требуетъ души. И прежде всего чуткой души, нѣжной и сильной, — такой самой души, какихъ не мало въ самой толщѣ русскаго общества. Но если жизнь чего либо дѣйствительно требуетъ, это несомнѣнно сложится и образуется. Нѣтъ оторваннѣе отъ жизни тѣхъ, кто сами считаютъ себя оторванными. Нѣтъ болѣе далекихъ отъ нея, чѣмъ тѣ, кто считаетъ себя таковыми. Нѣтъ болѣе слабыхъ и безпомощныхъ, чѣмъ тѣ, кто заранѣе рѣшилъ, что онъ таковъ...

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Краткій статистическій отчетъ о перепискѣ Н. А. Рубакина съ читателями за время съ 30 ноября 1912 г. по 30 сентября 1913 года.

Составилъ *Д. А. Страховъ.*

Общее число лицъ, обратившихся съ разными вопросами съ февраля 1911 г. по сентябрь 1913 г.	3318
Число лицъ, обратившихся за послѣдніе 10 мѣсяцевъ	1304

I. Распредѣленіе читателей, городскихъ и сельскихъ, по ихъ профессіямъ и общественному положенію:

	Сельскіе.	Городскіе.	Всего.
Учащіеся	18	60	78
Не указавшихъ своей профессіи	104	339	443
Учителя народные	84	27	111
Конторщики	40	127	167
Студенты	10	44	54
Земскіе служащіе	2	7	9
Крестьяне	29	—	29
Волостные писари	10	—	10
Литераторы (журналисты)	2	16	18
Рабочіе	25	42	67
Техники, мастера, машинисты	13	11	24
Репетиторы	5	10	15
Торговцы	7	21	28
Приказчики	8	26	34
Низшій медицинскій персоналъ	12	16	28
Почтово-телеграфные чиновники	11	11	22
Артисты, музыканты и художники	2	2	4
Садоводы	1	2	3
Землемѣры и инженеры	3	7	10
Псаломщики	6	—	6
Чиновники разныхъ вѣдомствъ	6	15	21
Ссыльные	7	8	15
Священники	11	2	13
Врачи	4	4	8
Учителя ср. шк.	1	8	9

	Городскіе.	Сельскіе.	Всего.
Помѣщики	4	—	4
Агенты, комиссіонеры и т. п.	2	4	6
Представители кружковъ и обществъ	3	12	15
Библіотекари	—	8	8
Аптекарскіе ученики	—	4	4
Адвокаты	—	3	3
Разные	6	32	38
Итого	436	868	1304

Мущинъ — 1115. Женщинъ — 189.

Женщины по профессіямъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: Учащихся низшей и средней школы — 14; курсистокъ — 10; народныхъ учительницъ — 31; конторщицъ — 4; работницъ — 9; крестьянокъ — 2; дающихъ уроки — 9; фельдшерицъ — 5; литераторовъ (журналистокъ) — 2; занимающихся торговлей — 3; приказчицъ — 2; женщинъ-врачей — 2; учительницъ средн. школы — 2; помѣщицъ — 3; не указавшихъ своей профессіи — 78.

Относя сюда же: женъ священниковъ — 6; женъ врачей — 2; женъ рабочихъ — 4; женъ присяжныхъ повѣренныхъ — 1, получаемъ:

Учащихся	24
Работницъ и крестьянокъ	21
Сельской интеллигенціи	45
Торговцевъ и помѣщицъ	6
Городской интеллигенціи	15
Не указавшихъ своей профессіи	78
Всего	189

II. Распредѣленіе читателей и читательницъ по образовательному уровню:

Лицъ съ начальнымъ образованіемъ	261 ч.
Лицъ, окончившихъ городское училище (и равныя ему по курсу низшія и спеціальныя училища)	176 „
Окончившихъ учительскую семинарію (и 5—6 классовъ средн. школы)	127 „
Окончившихъ среднюю школу (и имѣющихъ познанія въ размѣрѣ 7 классовъ гимназіи)	155 „
Лицъ съ высшимъ образованіемъ	86 „

Неуказавшихъ своего образовательнаго ценза . . . . 455 ч.
Съ образованіемъ ниже городского училища, но нѣсколько выше начальной школы . . . . 44 „

Итого съ образованіемъ:

Ниже средняго	508 ч.
Со среднимъ	155 „
Съ высшимъ	86 „
Неуказавш. своего образ. ценза .	455 „
Всего	1304 ч.

III. Распредѣленіе читателей по возрастамъ:

Въ возрастѣ		12 лѣтъ	— 1 ч.		„	„	31 „	— 14 ч.
„	„	14 „	— 2 „		„	„	32 „	— 17 „
„	„	15 „	— 10 „		„	„	33 „	— 16 „
„	„	16 „	— 14 „		„	„	34 „	— 6 „
„	„	17 „	— 32 „		„	„	35 „	— 7 „
„	„	18 „	— 43 „		„	„	36 „	— 5 „
„	„	19 „	— 46 „		„	„	37 „	— 8 „
„	„	20 „	— 54 „		„	„	38 „	— 3 „
„	„	21 „	— 54 „		„	„	39 „	— 3 „
„	„	22 „	— 35 „		„	„	40 „	— 3 „
„	„	23 „	— 48 „		„	„	42 „	— 5 „
„	„	24 „	— 48 „		„	„	43 „	— 4 „
„	„	25 „	— 54 „		„	„	44 „	— 1 „
„	„	26 „	— 30 „		„	„	45 „	— 1 „
„	„	27 „	— 21 „		„	„	46 „	— 1 „
„	„	28 „	— 33 „		„	„	53 „	— 1 „
„	„	29 „	— 16 „		„	„	55 „	— 1 „
„	„	30 „	— 92 „		„	„	60 „	— 3 „

Остальные читатели не дали свѣдѣній о своемъ возрастѣ.

IV. Распредѣленіе читателей по губерніямъ:

Акмолинская область	— 6 ч.	Витебская „	— 12 ч.
Амурская „	— 2 „	Владимірская „	— 23 „
Архангельская губ.	— 5 „	Вологодская „	— 10 „
Астраханская „	— 21 „	Волынская „	— 8 „
Бакинская „	— 5 „	Воронежская „	— 28 „
Бессарабская „	— 12 „	Вятская „	— 5 „
Варшавская „	— 4 „	Гродненская „	— 5 „
Виленская „	— 12 „	Дагестанская область	— 1 „

Донская область	— 34 ч.
Екатеринославск. губ.	— 52 „
Елисаветпольская „	— 2 „
Енисейская „	— 4 „
Забайкальская обл.	— 3 „
Закаспійская „	— 2 „
Иркутская губ.	— 16 „
Казанская „	— 12 „
Калишская „	— 1 „
Калужская „	— 14 „
Карская область	— 2 „
Кіевская губ.	— 27 „
Ковенская „	— 6 „
Костромская губ.	— 12 „
Кубанская область	— 22 „
Курляндская губ	— 7 „
Курская „	— 15 „
Лифляндская „	— 13 „
Ломжинская „	— 1 „
Люблинская „	— 1 „
Минская „	— 15 „
Могилевская „	— 15 „
Московская „	—184 „
Нижегородская губ.	— 27 „
Новгородская губ.	— 8 „
Олонецкая губ.	— 2 „
Оренбургск. „	— 12 „
Орловская „	— 25 „
Пензенская „	— 11 „
Пермская „	— 26 „
Петербургская губ.	— 32 „
Петроковская „	— 9 „
Подольская „	— 12 „
Полтавская „	— 27 „
Приморская область	— 9 „
Псковская губ.	— 8 „
Рязанская губ.	— 22 ч.
Самарская „	— 23 „
Семипалатинск. обл.	— 1 „
Саратовская губернія	— 31 „
Симбирская „	— 15 „
Смоленская „	— 11 „
Ставропольская „	— 13 „
Сувалкская „	— 3 „
Сыръ-Дарьинск. обл.	— 1 „
Сѣдлецкая губ.	— 2 „
Таврическая губ.	— 26 „
Тверская „	— 14 „
Тамбовская „	— 26 „
Терская область	— 10 „
Тифлисская губ.	— 6 „
Тобольская „	— 17 „
Томская „	— 14 „
Тульская „	— 17 „
Тургайская область	— 1 „
Туркестанъ	— 5 „
Уральская область	— 3 „
Уфимская губ.	— 12 „
Ферганская область	— 1 „
Финляндія	— 1 „
Харьковская губ.	— 20 „
Херсонская „	— 29 „
Черниговская „	— 19 „
Черноморская „	— 10 „
Эриванская губ.	— 3 „
Эстляндская „	— 3 „
Якутская обл.	— 6 „
Ярославская губ.	— 8 „
Различныя ст. ж. д.	— 78 „
Изъ-за границы *)	— 26 „
Всего	1304 ч.

*) Въ томъ числѣ изъ Америки — 7, по Персіи — 1, изъ Японіи — 2.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Резолюція I-го съѣзда по женскому образованію.

На I съѣздѣ по женскому образованію, на засѣданіи секціи внѣшкольнаго образованія, А. С. Милюкова прочитала докладъ Н. А. Рубакина «Экономизація силъ и времени въ дѣлѣ самообразованія». Секція приняла слѣдующую резолюцію по этому докладу: «Необходимо создать просвѣтительную организацію для помощи самообразованію самыхъ широкихъ слоевъ населенія, лишеннаго средняго и низшаго образованія».

По заслушаніи доклада Н. А. Рубакина постановлено послать Н. А. Рубакину благодарственную и сочувственную телеграмму.

(«Рѣчь» 4 (17) Января 1913 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Переписка съ читателями.

Основной принципъ самообразовательной работы, по нашему глубокому убѣжденію, таковъ:

Намъ никто не поможетъ, если мы сами себѣ не поможемъ.

Это принципъ всякой борьбы. Самообразовательная работа — тоже борьба за свое собственное просвѣщеніе, за свое право на сознательную, свѣтлую и творческую жизнь.

Лучшимъ средствомъ въ этой борьбѣ, какъ и во всякой другой, является единеніе людей, связанныхъ общими интересами и стремленіями, — не столько *помощь,* сколько взаимопомощь.

Отъ этой послѣдней зависитъ очень многое, въ томъ числѣ и *добываніе книгъ.* Взаимопомощь можетъ поставить дѣло такъ широко и прочно, какъ никогда не сможетъ поставить одинъ человѣкъ, особенно, живущій въ глуши.

Помощь самообразовательной работѣ можетъ выражаться со стороны главнымъ образомъ лишь *общимъ* руководствомъ. Если она будетъ очень детальна, то самообразованіе перестанетъ быть таковымъ. Детальное руководство дается въ школѣ, а не внѣ школы, и главнымъ образомъ дѣтямъ, а не взрослымъ. Чѣмъ скорѣе отучается

человѣкъ ходить на чужихъ помочахъ, тѣмъ лучше: надо научиться путемъ самообразовательной самостоятельной работы брать отъ книги и изъ науки не то, что другіе указываютъ, а то, что нужно самому. Чужія указанія — не болѣе, какъ совѣщательный голосъ.

Общее руководство, т. е. общія указанія, возможно давать не только лично, но и путемъ переписки. Для того, чтобы указанія, дѣлаемыя путемъ переписки, были возможно плодотворнѣе, необходима нѣкоторая цѣлесообразная постановка этой послѣдней: читатель, нуждающійся въ указаніяхъ, долженъ сообщать о себѣ возможно больше такихъ свѣдѣній, которыя обрисовывали бы его, какъ читателя.

Вотъ что нужно знать о читателѣ, для того, чтобы указывать ему книги не только хорошія въ научномъ и этическомъ (нравственномъ) смыслѣ, но и подходящія для даннаго читателя.

1. Какого возраста данный читатель?

2. Какого пола (что, впрочемъ, видно изъ самаго письма)?

3. Въ какой обстановкѣ онъ обычно живетъ и къ какой онъ больше всего привыкъ (обстановка можетъ быть городской, сельской, фабричной, торговой и т. д.)?

4. Чѣмъ занимается и живетъ читатель. Какого рода занятіе его кормитъ?

5. На какомъ уровнѣ образованія читатель стоитъ въ данное время? Какое учебное заведеніе онъ окончилъ (или не окончилъ)? Въ размѣрѣ курса какой школы (низшей, средней, высшей, профессіональной) онъ имѣетъ подготовку (школьную и домашнюю, т. е. пріобрѣтенную путемъ самостоятельныхъ занятій). Желательно, чтобы читатель ясно указывалъ, считаетъ-ли онъ степень своей *дѣйствительной* подготовки выше или ниже той, какую въ принципѣ должна давать та школа, которую онъ окончилъ.

6. Какого склада ума и развитія данный читатель? Этотъ вопросъ имѣетъ особенно важное значеніе. Но на него отвѣтить прямо — довольно-таки трудно. Не легко опредѣлить и самому свой собственный складъ ума и развитія. Судить объ этомъ можно лишь послѣ отвѣта

на цѣлый рядъ нижеслѣдующихъ вопросовъ, и прежде всего такихъ:

а) Какія книги вы, читатель, уже прочли, и какія изъ прочитанныхъ вами книгъ произвели на васъ наиболѣе сильное впечатлѣніе, — сильнѣе запомнились и оказали на вашу умственную жизнь, вашъ духовный обликъ особенное вліяніе? Назовите хоть нѣсколько такихъ книгъ. Попробуйте объяснить себѣ и намъ, почему именно произвела та или иная книга такое сильное впечатлѣніе на васъ, по вашему мнѣнію, — потому-ли, что она, напр., говорила о предметахъ особенно интересующихъ васъ, вопросахъ «наболѣвшихъ», или, быть можетъ, потому, что въ ней былъ затронутъ совершенно *новый* для васъ вопросъ, поразившій ваше воображеніе именно своей новизной? Быть можетъ, наконецъ, увлекла васъ форма изложенія — образная и яркая? Попробуйте подробнѣе объяснить это, какъ относительно беллетристическихъ книгъ, такъ и научныхъ. По первымъ отчасти можно судить о складѣ вашей души вообще, а по вторымъ, — о складѣ вашего ума и развитія. «Скажи мнѣ, что ты читаешь съ особеннымъ удовольствіемъ, и что тебѣ въ книгѣ нравится, — и я скажу, каковъ ты». Въ этомъ изреченіи очень много вѣрнаго, если только научиться отдѣлять при этомъ впечатлѣнія случайныя отъ постоянныхъ и коренныхъ. Особенно важно знать, какихъ писателей вы считаете самыми любимыми и перечитываете ихъ по нѣскольку разъ втеченіе, быть можетъ, многихъ лѣтъ. Для наиболѣе плодотворной помощи въ дѣлѣ самообразованія особенно важно знать о научныхъ книгахъ (или даже статьяхъ), которыя вамъ понравились и оказались и понятными, и интересными. Постарайтесь назвать нѣсколько такихъ книгъ (или статей), особенно изъ числа самыхъ любимыхъ.

б) Легко-ли вамъ дается математика и какой именно отдѣлъ ея, — ариѳметика, алгебра, геометрія, тригонометрія, высшая математика, и любите-ли вы ее? Любите-ли вы рѣшать трудныя математическія задачи и какъ рѣшаете ихъ, — быстро догадываетесь о самой сути ихъ или доходите до рѣшенія путемъ разсужденій (не боясь упорныхъ и длительныхъ)? Любите-ли читать математическія книги?

в) Какія другія знанія особенно интересуютъ васъ, напр., ботаника, изучающая очень подробно всякаго рода

растенія и ихъ жизнь и распространеніе, разсматриваю щая каждое растеніе въ отдѣльности; зоологія, исторія, сообщающая вамъ множество фактовъ о прошлыхъ временахъ. Любите-ли вы знакомиться вообще съ такими книгами и науками, изъ которыхъ вы узнаете прежде всего очень много фактовъ? Или васъ болѣе притягиваютъ къ себѣ книги по тѣмъ наукамъ или отдѣламъ науки, гдѣ преобладаютъ описанія? Или, напротивъ, гдѣ преобладаютъ разсужденія? Не можете-ли указать примѣры? Какую книгу вы особенно любите читать, — съ одними разсужденіями или съ однимъ (или почти однимъ) перечисленіемъ фактовъ (есть много такихъ книгъ)? Любите-ли вы книги съ подробнымъ описаніемъ и изложеніемъ событій и вообще фактовъ? Или вамъ достаточно одного напоминанія о фактѣ, и вы уже оцѣните его въ вашемъ умѣ?

г) Любите-ли вы читать книги съ разсужденіями, безъ фактовъ, такія книги, гдѣ одна мысль доказываетъ другую, одна на другую опирается, истина на истину. Напр., такова наука математика, — въ геометріи однѣ теоремы опираются на другія. То же и во многихъ философскихъ книгахъ, содержащихъ только разсужденія. И въ иныхъ историческихъ книгахъ даются одни лишь разсужденія о фактахъ, а самые факты лишь подразумѣваются, какъ будто они уже извѣстны.

д) Какова у васъ память? Хорошая, средняя, плохая? Легко-ли вы запоминаете, скоро-ли забываете то, что запомнили? Хорошо или плохо запоминается вами то, что васъ интересуетъ и къ чему вы отнеслись внимательно, не разсѣянно? Что вы запоминаете легче всего, — факты, года, цифры, имена, формулы, разсужденія, стихи? Что остается у васъ въ головѣ крѣпче всего и дольше всего послѣ прочтенія книги, — факты, которые въ книгѣ разсказаны, или-же общій ходъ разсужденія ея автора, т. е. то самое, что онъ стремится доказать, — его доказательства?

е) Любите-ли вы такія книги, которыя написаны горячо, съ настроеніемъ, съ чувствомъ? Или вы предпочитаете книги, изложенныя безстрастно и безпристрастно и отражающія все, что угодно, вродѣ того какъ зеркало отра-

жаетъ жизнь? Не сердитъ-ли васъ многословіе иныхъ авторовъ (какихъ именно)?

ж) Любите-ли вы стихи, — какихъ авторовъ и какіе? А если нѣтъ, то что именно заставляетъ васъ не любить стиховъ, т. е. что вамъ въ стихахъ не нравится?

з) Любите-ли вы природу, — смотрѣть на нее, восхищаться ея общимъ видомъ, созерцать ея красоту? Или, быть можетъ, васъ больше интересуютъ и привлекаютъ явленія природы и причины ихъ, и вы стремитесь узнать, при какихъ условіяхъ и почему происходятъ такія-то явленія природы, а стремленіе къ познанію, быть можетъ, отодвигаетъ въ васъ на задній планъ стремленіе наслаждаться красотами? Или интересъ къ человѣку, къ людямъ и ко всему человѣчеству въ васъ такъ силенъ и ярокъ, что природа, — небо, горы, равнины, растительный и животный міръ, — кажутся вамъ слишкомъ далекими и блѣдными?

и) Что собственно вы ищете въ книгѣ и чего требуете отъ нея, прежде всего? Быть можетъ, того, чтобы она *прежде всего* просвѣтлила вашъ умъ, т. е. давала-бы только знанія, объясняя то, что есть вокругъ насъ, возбуждала-бы идеи, помогала передумывать ихъ? Или вы ищете прежде всего такую книгу, которая учила-бы васъ «какъ жить», указывала-бы смыслъ и цѣль для вашей жизни и дѣятельности? Или вы стремитесь почерпнуть изъ книги, главнымъ образомъ, практическія указанія на то, какъ *работать*, вообще прилагать знанія къ вашей жизни, добиваться, съ помощью книги, вашихъ житейскихъ цѣлей?

і) Пробовали-ли вы когда-нибудь ваши силы въ писательствѣ и вообще въ творчествѣ, и въ какихъ именно областяхъ жизни и мысли проявляли свой собственный почииъ (напр., научной, служебной, общественной дѣятельности)?

7. Впечатлительный-ли вы человѣкъ, легко-ли поддаетесь впечатлѣніямъ и вліяніямъ? Легко-ли раздражаетесь? Не страдаете-ли нервами и другими болѣзнями, вліяющими сильно и постоянно на ваше состояніе духа? Не вліяетъ-ли на то же самое ваша обычная обстановка жизни?

8. Насколько велика ваша усидчивость? Можете-ли вы, если позволяетъ время, заниматься безъ устали часовъ

по 6—7 подъ рядъ? Или, быть можетъ, желанія и намѣренія въ васъ быстро вспыхиваютъ, но быстро и погасаютъ?

9. Насколько вы человѣкъ энергичный и вообще чувствуете-ли въ себѣ достаточно силы преодолѣвать препятствія на вашемъ жизненномъ пути? Бодро-ли смотрите на жизнь? Не устрашаетъ-ли васъ борьба съ препятствіями? Не было-ли въ вашей жизни примѣровъ такой борьбы, и выходили-ли вы изъ нея побѣдителями?

10. Есть-ли у васъ возможность добывать книги? Откуда и какъ? Изъ библіотеки? Отъ знакомыхъ? Покупаете. На какую сумму приблизительно? Въ складчину или за свой собственный счетъ?

11. Медленно или быстро читаете вы книги (какъ научныя, такъ и беллетристическія)? Не можете-ли вы указать приблизительно скорость чтенія (какія именно книги и съ какой быстротой читали)?

12. По скольку часовъ ежедневно вы можете посвящать на чтеніе книгъ и на занятіе самообразованіемъ вообще? (лѣтомъ? зимою?). Не отпугиваетъ-ли васъ толщина книги?

13. Читаете-ли вы журналы и газеты, какіе именно? Какіе особенно любите? Какіе выписываете сами?

На всѣ эти вопросы отвѣты желательны, но не обязательны. Чѣмъ полнѣе и обстоятельнѣе отвѣты, тѣмъ лучше характеризуютъ они читателя, тѣмъ болѣе вѣроятности не ошибиться, указывая ему необходимыя и подходящія для него книги.

Правила для переписки.

1. Читателямъ, обращающимся за указаніямъ наиболѣе подходящихъ для нихъ книгъ, рекомендуется дать возможные для нихъ отвѣты на выше поставленные вопросы.

2. Обращаясь къ намъ съ запросами, необходимо возможно подробно и точно ставить тѣ вопросы, отвѣтъ на которые вы желаете получить. Необходимо при этомъ указывать, желаете-ли вы, чтобы вамъ была дана небольшая энциклопедическая программа сразу по всѣмъ главнѣйшимъ отраслямъ знанія, или-же по нѣкоторымъ лишь отраслямъ его, или только по отдѣльнымъ вопросамъ, или вопросу, особенно интересующему васъ въ данное время (по какому именно)?

3. Необходимо также обозначать, желаете-ли вы получить указанія на *многія* книги по каждой изъ интересующей васъ отрасли знанія или-же лишь на очень немногія книги, самыя необходимыя для начала занятій, — напр., 2—4, дальнѣйшія-же указанія книгъ предпочитаете отложить до тѣхъ поръ, пока не опредѣлится, при помощи первыхъ указанныхъ вамъ книгъ, вашъ читательскій типъ,— пріемъ, имѣющій серьезныя практическія основанія.

Необходимо также отмѣчать, читали-ли вы что-либо (и что именно читали) по тому вопросу, по которому хотѣли-бы получить отъ насъ указанія.

4. Крайне желательно (а для успѣха вашей работы даже необходимо) сообщать о ходѣ своихъ занятій по указаннымъ вамъ книгамъ и о степени ихъ понятности, удобоусвояемости, интересности и о другихъ качествахъ ихъ, въ особенности-же о всѣхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся на пути вашей самообразовательной работы. Временемъ и размѣрами такихъ сообщеній не слѣдуетъ стѣсняться, — они могутъ быть сдѣланы вами по нашему постоянному адресу хотя-бы черезъ мѣсяцы и годы послѣ начала занятій. Всякаго рода отчеты о ходѣ занятій желательно получать возможно подробнѣе и чаще.

5. Въ случаѣ невозможности добывать какимъ-либо способомъ книги, нами указываемыя, необходимо присылать, хотя-бы на время, каталогъ той библіотеки и читальни, въ которыхъ вы можете получить книги, или-же списки тѣхъ книгъ, какія вы можете добывать у вашихъ знакомыхъ. Тогда мы постараемся составить программки вашихъ занятій, указывая, съ помощью этихъ каталоговъ, тѣ книги, которыя вы уже имѣете возможность добывать. На обратную пересылку каталоговъ необходимо присылать соотвѣтствующее количество почтовыхъ марокъ.

6. Всѣ необходимыя указанія дѣлаются безплатно. Читатель оплачиваетъ лишь почтовые расходы, прилагая на отвѣтъ почтовыя марки на 10 коп., если желаетъ получить отвѣтъ простымъ (негарантированнымъ) письмомъ, и на 20 коп., если желаетъ, чтобы полученіе отвѣта было ему гарантировано письмомъ заказнымъ.

7. Отвѣтъ на всякое до насъ дошедшее письмо (посланное намъ непосредственно) дается не позднѣе какъ

черезъ 4 недѣли по полученіи его нами. Въ этомъ числѣ не считается время путешествія письма по почтѣ (изъ Петербурга — письма должны приходить въ Кларанъ, на третій день, изъ Москвы — на четвертый). Можно посылать письма и черезъ редакціи тѣхъ журналовъ и газетъ, гдѣ мы сотрудничаемъ, а также чрезъ А. Ф. Піотровскаго, издателя этой книжки. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ вину за опозданіе отвѣта мы на себя не принимаемъ.

8. Читатель, не получившій нашего отвѣта по истеченіи указаннаго выше срока, этимъ самымъ извѣщается, что нашъ отвѣтъ ему затерянъ на почтѣ, такъ какъ задержки съ отвѣтами случаются лишь въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ, вызываемыхъ лишь особенно большимъ количествомъ и трудностью той работы, которую можетъ задать намъ иной читатель (напр., составленіе самообразовательныхъ программъ по каталогамъ ближайшихъ къ читателю библіотекъ).

9. Каждому читателю рекомендуется дѣлать со своей стороны все возможное, чтобы книги, имѣющіяся въ его распоряженіи и помогающія его духовному росту, не лежали у него даромъ, а находили для себя возможно болѣе читателей. Съ этой цѣлью необходимо напоминать и напоминать объ ихъ существованіи возможно большему числу людей, стремящихся также къ свѣту и идущихъ по пути самообразованія, не забывая, впрочемъ, при этомъ, что не всякая книга, даже самая хорошая и подходящая для одного читателя, оказывается таковой-же для всѣхъ прочихъ.

10. Каждому читателю рекомендуется, по мѣрѣ всѣхъ его силъ и способностей, устраивать или помогать устройству книжной продажи (въ кооперативныхъ магазинахъ, въ мелочныхъ лавкахъ, при школахъ, читальняхъ, библіотекахъ и т. д.), а также брать на себя комиссію по продажѣ и распространенію книгъ.

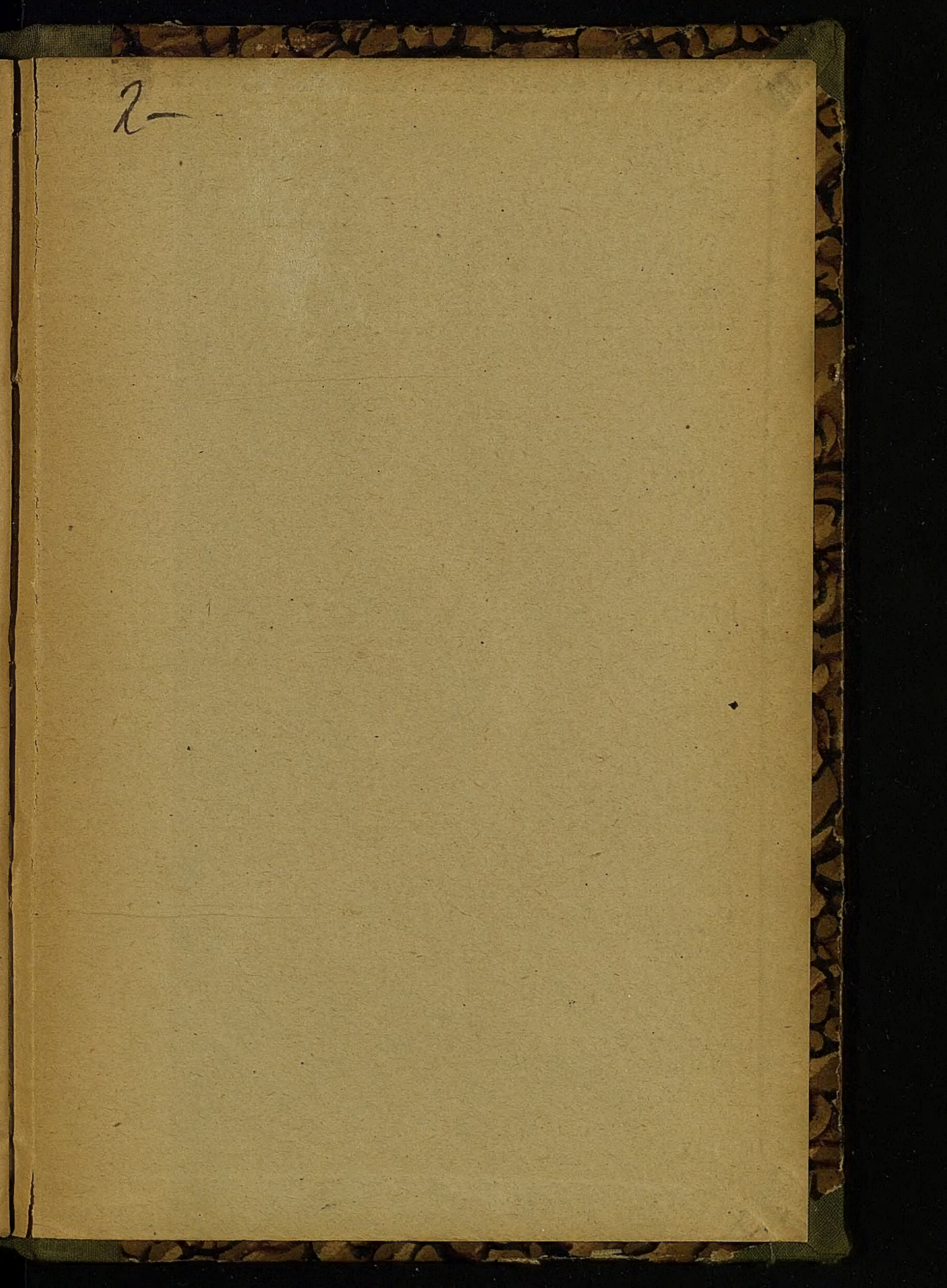
11. Выписывать нами указываемыя книги особенно рекомендуемъ: а) Изъ С.-Петербурга: 1) черезъ книжный складъ «Провинція» (Стремянная ул., д. 6), очень быстро исполняетъ всякіе заказы; 2) изъ книжнаго магазина Н. П. Карбасникова (Спб. Гостинный дворъ, 19). б) Изъ Москвы: Изъ книжн склада «Наука» (Бол. Никитская, № 10), въ дѣ-

лахъ которaго принимаетъ близкое участіе извѣстный библіографъ И. В. Владиславлевъ. в) Изъ Томска: Книж. маг. П. И. Макушина. г) Изъ Иркутска: Книжн. магаз. «Культура» (въ дѣлахъ магазина принимаетъ участіе знатокъ книжнаго дѣла Г. И. Поршневъ).

Имѣются провинціальныя отдѣленія книжныхъ магазиновъ Н. Карбасникова (въ Варшавѣ, Новый свѣтъ, 19 и въ Москвѣ, Моховая, 19); И. Сытина: Въ Москвѣ: 1) Правленіе и главный складъ, близъ Ильинскихъ вор., д. Титова .2) Никольская, д. Заиконосп. монастыря. 3) Никольская, д. гр. Орлова-Давыдова. 4) Тверская, д. 48, Т-ва И. Д. Сытина; въ С.-Петербургѣ: 1) Большая Садовая, д. 25, 2) Невскій, 68—40, уг. Аничкова м.; въ Кіевѣ, Подолъ, Гостиный дворъ; въ Одессѣ, Преображенская, д. 64; въ Екатеринбургѣ, Покровскій просп., д. Ермолаева; въ Саратовѣ, Московская ул.; въ Харьковѣ, Торговая площ., д. Мѣщ. О-ва; въ Воронежѣ, Московская улица; въ Варшавѣ, Краковское предмѣстье, д. 1; въ Ростовѣ на-Дону, Большая Садовая ул., д. 92, Аграева; въ Иркутскѣ, Большая ул., д. Тышковскаго; въ Нижегородской ярмаркѣ, на Шоссе; въ Софіи (Болгарія), Русскій книжный магаз.

Постоянный адресъ Ник. Александровича Рубакина: Швейцарія, гор. Кларанъ, д. Ламберъ (Suisse, Clarens, maison Lambert).

1/5 6/2

2—

